

Журнал основан в 1918 г.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА
имени В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 6 (72). № 2

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2020

Учредитель – ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
Печатается по решению Научно-технического совета ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»,
протокол №2 от 03 июня 2020 г.

Редакционная коллегия журнала «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки»:

Богданович Г. Ю. – д. филол. н., проф.
(главный редактор)

Александрова И. В. – д. филол. н., проф.
 Боргоякова Т. Г. – д. филол. н., проф.
 Борисова Л. М. – д. филол. н., проф.
 Гуменюк В. И. – д. филол. н., проф.
 Гуменюк О. Н. – д. филол. н., доц.
 Джумайло О. А. – д. филол. н., доц.
 Дзыга Я. О. – д. филол. н., доц.
 Дзюба Е. В. – д. филол. н., доц.
 Жамсаранова Р. Г. – д. филол. н., доц.
 Злобина Н. Ф. – д. филол. н., проф.
 Зябрева Г. А. – к. филол. н., доц.
 Керимов И. А. – д. филол. н., проф.
 Короченский А. П. – д. филол. н., проф.
 Курьянов С. О. – д. филол. н., проф.
 Левицкий А. Э. – д. филол. н., проф.
 Маркова Е. М. – д. филол. н., проф.
 Маслова В. А. – д. филол. н., проф.
 Меметов А. М. – д. филол. н., проф.

Нахимова Е. А. – д. филол. н., проф.
 Ненарокова М. Р. – д. филол. н.
 Орехова Л. А. – д. филол. н., проф.
 Осьминина Е. А. – д. филол. н., проф.
 Петренко А. Д. – д. филол. н., проф.
 Петров А. В. – д. филол. н., проф.
 Пономаренко И. Н. – д. филол. н., доц.
 Потапова С. Ю. – д. филол. н., проф.
 Савченко Л. В. – д. филол. н., проф.
 Селендили Л. С. – д. филол. н., проф.
 Смеюха В. В. – д. филол. н., доц.
 Солопова О. А. – д. филол. н., проф.
 Супрун В. И. – д. филол. н., проф.
 Титаренко Е. Я. – д. филол. н., проф.
 Усеинов Т. Б. – д. филол. н., проф.
 Федотов О. И. – д. филол. н., проф.
 Хазанкович Ю. Г. – д. филол. н., проф.
 Шилина А. Г. – д. филол. н., проф.
 Яблоновская Н. В. – д. филол. н., проф.
 Ященко Т. А. – д. филол. н., проф.
Егорова Л. Г. – к. филол. н., доц.

(ответственный секретарь)

«Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки» включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» ВАК РФ с 20.07.2017 (№ 2168) по группам специальностей: 10.01.01 – Русская литература (филологические науки), 10.01.02 – Литература народов Российской Федерации (с указанием конкретной литературы или группы литератур) (филологические науки), 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы) (филологические науки), 10.01.08 – Теория литературы. Текстология (филологические науки), 10.01.09 – Фольклористика (филологические науки), 10.01.10 – Журналистика (филологические науки), 10.02.01 – Русский язык (филологические науки), 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (с указанием конкретного языка или языковой семьи) (филологические науки), 10.02.04 – Германские языки (филологические науки), 10.02.19 – Теория языка (филологические науки), 10.02.20 – Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание (филологические науки), 10.02.21 – Прикладная и математическая лингвистика (филологические науки)

Подписано в печать 03.06.2020. Формат 70x100 1/16.

Заказ № НП/191. Тираж 50. Усл. печ. л. 12,9. Бесплатно.

Дата выхода в свет 03 июня 2020 г.

Отпечатано в управлении редакционно-издательской деятельности
 ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского» 295051, г. Симферополь,
 бул. Ленина, 5/7 <http://sn-philol.cfuv.ru>

© Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, 2020 г.

1. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

УДК 821.111

ТАК НАЧИНАЕТСЯ ВСЕ НОВОЕ: ПОЭЗИЯ К. Э. ДАФФИ

Глухенькая Л. Н.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
E-mail: lesyagluhenka@mail.ru

Статья посвящена исследованию поэтики лирики британской писательницы, поэта-лауреата К. Э. Даффи. Актуальность научной статьи обусловлена значимостью творчества поэтов-лауреатов последних лет в жизни британского общества. Объект исследования – поэзия К. Э. Даффи. Предмет исследования – авторская рецепция идей мультикультурализма, поэктичности и переосмысления «вечных» тем.

В результате поэтологического анализа в лирике Даффи выявлены специфические художественные варианты национальных концептов и «вечных образов», определено, как конституирована поэктичность стихотворного творчества. В концептуальном смысле в творчестве Даффи синтезированы концепты шотландскости, английскости и британскости, которые представлены в эволюционной взаимообусловленности. Поэктичность выражается в особенностях ритмотектоники лирического текста (частичное или полное отсутствие рифмы), обилии графических средств языковой выразительности и свободной строфике. Реинтерпретация вечных тем, ставшая отличительным признаком литературы постмодерна, в творчестве поэтессы обусловлена эпистемологической неуверенностью: размываются понятия войны и мира, жизни и смерти, мужского и женского.

Ключевые слова: Кэрл Энн Даффи, британская поэзия, современная поэзия, новая поэзия, мультикультурализм, национальная идентичность, поэктика, «вечные» темы.

ВВЕДЕНИЕ

Кэрл Энн Даффи – британская поэтесса и драматург шотландского происхождения, занимавшая в 2009–2019 гг. престижный пост поэта-лауреата. Поэтесса, чьи работы призваны восхвалять памятные события в жизни монархов, тем не менее, является автором поистине народным, ею искренне восхищаются как широкие массы, так и коллеги по цеху. Поэзия Даффи даже включена в учебную программу британских школ. Пишет поэтесса на разнообразные темы – от урбанизации до детских переживаний и проблем семейной жизни, от гендерных стереотипов и борьбы за права человека до сложной взаимосвязи языка и национальной идентичности. Эта разноплановость позволяет критикам говорить о

«поэтической смелости» Даффи. Так, Джоди Аллен-Рэндольф называет умение поэтессы оставаться актуальной и затрагивать самые разнообразные струны читательской души «the heroic within the populist» [7, p. 12] / «героическим среди популистского» (перевод мой – Л.Г.). Даффи часто критикует социальный строй, а ее гражданская позиция нацелена не на повышение интереса к королевской семье (что подразумевало ее пребывание на посту поэта-лауреата и пожизненный титул), а к современной британской поэзии как таковой и к проблемам современного британского общества.

Появление Кэрол Энн Даффи на поэтическом горизонте пришлось на конец 70–х гг. XX века, а становление – на 1990–е гг., период, который в исследованиях, посвященных англофонной поэзии, зарубежные критики называют периодом современной поэзии (англ. contemporary poetry). Наряду с термином contemporary poetry, в литературе, посвященной британской поэзии последней трети XX века – начала 2000-х гг., также используется и термин новая поэзия (англ. new poetry) [15, p. 18] или поэзия «Нового поколения» (англ. The New Generation).

В новой поэзии зарубежные исследователи отмечают, среди прочих, превалирование идей мультикультурализма, поэклектичности, переосмысления «вечных» тем. В целом, современным национальным литературам свойственны интегративность и мультикультурализм. Как и их предшественники, современные британские поэты, поэты Нового поколения, черпают вдохновение в смешении культур: «Культурные и исторические различия между Англией, Шотландией и Уэльсом всегда были велики, да и в поэзии традиции совершенно разные. Поэты, однако, часто меняют место жительства, производя этим некий обмен поэтическим воздухом» [5]. В новой редакции «Оксфордской истории английской литературы» в идеях мультикультурализма усматривают возрождение английской литературы. Однако в конце XX – начале XXI вв. на первый план выходит контекст, в который может быть помещена национальная идентификация, будь то британскость, английскость или шотландскость, и, как следствие, меняется угол зрения на понятие мультикультурализма, что мы и проследим на примере творчества К. Э. Даффи. Поэклектичность, нашедшая отражение в смешении стилей, сюжетов, форм и

лирических голосов, в свою очередь помогает воссоздать подобный контекст, плацдарм для импровизации и эксперимента. При этом на уровне содержания происходит переосмысление «вечных» тем, задававших ранее понятные оппозиции, немало изменившиеся за последние полвека.

Принимая во внимание тот факт, что творчество К. Э. Даффи в разрезе отличительных черт исследовано через призму теории постмодернизма, феминизма и «женского взгляда» (J. Baxter, A. Michelis, A. Rowland, D. Rees-Jones, М. Я. Бородицкая, В. Н. Ганин, А. И. Кудрявицкий, И. А. Жеребкина, Г. М. Кружков, М. В. Фаликман), целью предлагаемой статьи является поэтологический анализ ее творчества периода новой поэзии в контексте идей мультикультурализма, поэктетичности и переосмысления «вечных» тем.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Мультикультурализм – проблема, ожидание, проблема

В конце XX – начале XXI вв. в Великобритании отмечается растущая политизированность общества, «которая началась с победы консерваторов в 2010 году, режима строгой экономии и расколовшего страну на два лагеря прошлогоднего референдума по поводу выхода из Евросоюза (Референдум о членстве Великобритании в Европейском союзе прошел 23 июня 2016 года – прим. Л.Г.) <...> большинство поэтов относятся к левому крылу политических сил, придерживаются либеральных взглядов, и поэтому их ужаснули побочные эффекты референдума: рост ксенофобии и оголтелого национализма, информационные вбросы в СМИ и стремление отвернуться от Европы, мультикультурализма и прогрессивных взглядов» [6, с. 221]. Теперь национальная идентификация оказывается помещенной в контекст – социальный или политический. С одной стороны, британская поэзия выступает в защиту взаимопроникновения культур на современном этапе развития общества, исследует тему неопределенности идентичности. С другой стороны, «нестабильность эпох глубоко затронула людей, заставила обратиться к самим себе, своим собственным ресурсам и подвергнуть их пересмотру» [6, с. 223], под вопросом

оказалось и восприятие мульткультурализма как политики сохранения многообразия культур, проявившей свою неоднозначность.

Шотландскость. Важно отметить, что «в Шотландии тема патриотизма не оставляла национальный фольклор, национальную литературу от самых ранних времён борьбы сначала за государственную самостоятельность (до XIII в.), а затем за независимость от соседних держав (прежде всего от Англии – до современности)» [3, с. 24]. В XIX веке отмечается явление шотландского поэтического эмиграционного дискурса, а в конце XX века (1990 – 2000) «патриотические настроения в социуме и патриотические настроения в литературе (в т.ч. в поэзии) резко расслаиваются. Растёт тяга к европеизму, интеграционизму, вплоть до космополитизма <...> Одновременно (и столь же активно) заявляет о себе «новый шотландизм», ориентация на национальные ценности, традиции, приоритеты» [Там же, с. 24]. В отечественной науке вопросами шотландской литературы, в частности поэзии, а также шотландскости занимались М. А. Новикова, Э. Р. Тулуп, А. И. Черемисина, Л. Р. Велилаева.

О месте и роли темы национальной самоидентификации в творчестве современного автора шотландского происхождения Кэрол Энн Даффи целесообразно говорить, обратившись первоначально к биографии автора и одному из ее ранних стихотворений, посвященных этой теме, – *Originally*, написанному в 1990 году.

К. Э. Даффи родилась в Глазго (Шотландия). Детство и юность будущей поэтессы прошли в центральной части Англии, в Стаффорд (Уэст-Мидлендс), на окраине промышленного Севера. Шотландско-ирландское происхождение ее родителей и переезд в Англию повлияли на восприятие самого явления национальной идентификации. Как отмечает Шон О'Брайен, опыт семьи Даффи является частью внутренних экономических миграций, когда шотландцы переселялись на юг в поисках работы. Даффи не может быть «uprooted or rootless, but not having taken root, Duffy can stand as an emigrant in the country of which she is technically a citizen» [18, p. 160] / «искоренена или лишиться своих корней, но, не укоренившись, она может выступать в качестве эмигранта в стране, гражданином которой она фактически является» (перевод мой – Л. Г.). Эта перспектива, хотя и тревожная,

представляет скорее преимущество, что помогает ей озвучивать как свой опыт, так и опыт всех тех, кто оказался «за границей» в своей стране.

Стихотворение *Originally* автобиографично и посвящено проблеме восприятия национальности ребенком в условиях внутренней миграции. Даффи описывает собственные переживания, чувства одиночества и изолированности, когда в юном возрасте ей пришлось переехать из Шотландии в Англию. Здесь и далее приведем отрывок из стихотворения и его подстрочный перевод:

«We came from our own country in a red room which fell through the fields...»	Мы приехали из нашей собственной страны в красной комнате, которая провалилась сквозь поля...
---	---

[8, p. 65]

«Наша собственная страна» (англ. our own country) – образ «своего», символизирующий Родину. «Красная комната», в которой жила семья и которая теперь, в детском сознании, улетает, проваливается, обрушивается, словно в сказке «Волшебник из страны Оз».

С образом Родины связаны и образы родителей, братьев, родного дома (англ. Home, как здание – the house), родного города, улицы и теперь уже пустующих комнат:

«...our mother singing our father's name to the turn of the wheels. My brothers cried, one of them bawling, Home, Home, as the miles rushed back to the city, the street, the house, the vacant rooms where we didn't live any more.»	...мама пела имя нашего отца до поворота колес. Мои братья плакали, один вопил, Домой, Домой, когда мили мчались обратно в город, улица, дом, пустые комнаты, где мы больше не жили.
---	--

[8, p. 65]

Метафорично автор отзывается о детстве как об эмиграции:

«All childhood is an emigration. Some are slow,	Все детство – это эмиграция. Иногда медленная,
--	---

<p>leaving you standing, resigned, up an avenue where no one you know stays. Others are sudden. Your accent wrong. Corners, which seem familiar, leading to unimagined, pebble-dashed estates, big boys eating worms and shouting words you don't understand. My parents' anxiety stirred like a loose tooth in my head. I want our own country, I said» [8, p. 65]</p>	<p>оставляющая вас стоять безропотно на улице, где нет никого из знакомых. Иногда стремительная. Твой акцент неправильный. А камни, что казались знакомыми, ведут в невообразимые поместья с каменной штукатуркой, где большие мальчики едят червей и выкрикивают слова, которые тебе не понятны. Беспокойство моих родителей, как шатающийся зуб засело в голове. Я хочу свою страну, сказала я.</p>
---	---

С одной стороны, Даффи говорит о взрослении, о его этапах, предполагающих иногда довольно болезненное расставание с прошлым, а также о его индивидуальном характере, а с другой – фактически – ситуацию, когда ребенок оказывается в чужеродном обществе и, соответственно, сталкивается с проблемой инаковости.

Тем не менее, со временем героиня Даффи ассимилируется, привыкает к новому обществу:

<p>«But then you forget, or don't recall, or change, and, seeing your brother swallow a slug, feel only a skelf of shame. I remember my tongue shedding its skin like a snake, my voice in the classroom sounding just like the rest. Do I only think I lost a river, culture, speech, sense of first space and the right place? Now, Where do you come from? strangers ask. Originally? And I hesitate» [8, p. 65]</p>	<p>Но потом ты забываешь или не вспоминаешь, или меняешься, и, видя, как твой брат глотает слизняк, чувствуешь только обломок стыда. Я помню, как мой язык сбросил кожу, как змея, мой голос в классе звучит так же, как и остальные. Думаю ли я одна, что утратила реку, культуру, речь, чувство первого места, правильного места? А сейчас незнакомцы спрашивают, откуда вы родом? По происхождению? И я колеблюсь.</p>
--	---

Но и под маской нового «Я» по-прежнему скрывается сопротивляющийся дух шотландца (шотл. skelf – англ. splinter – осколок, обломок), а когда же то, что было

прежде ценным, становится ненужным и предается забвению, появляется дискомфорт от чувства стыда. Вместе с тем, сознание сталкивается с двойственностью национальной идентификации, а на вопрос, кто я по происхождению, уже нельзя дать ранее столь очевидный ответ.

Таким образом, проблема шотландскости в творчестве К. Э. Даффи появляется именно в раннем творчестве, когда сама поэтесса еще остро переживает переезд как акт внутренней миграции. Ее роль – в раскрытии сложного процесса ассимиляции, который, с точки зрения автора, не позволяет оставаться собой, но заставляет меняться, забывать и подстраиваться, когда во главу угла становится проблема сохранения одной культуры в отдельности в ущерб другой.

Английскость и британскость. В отечественной науке вопросам английской и британской национальной идентичности в современной прозе в разное время занимались Е. Г. Петросова, З. Р. Зиннатуллина, Е. Г. Сатюкова, В. В. Ивашева. При этом вышеперечисленные работы практически оставляют без внимания поэзию, а между тем и современная британская лирика проявляет интерес к вопросам английскости и британскости.

Концепты английскости и британскости в поэзии Даффи оформляются в общественно-политической лирике поэтессы, начиная с конца 80-х гг. XX века: «Carol Ann Duffy would draw upon these urban, industrial environs undergoing economic changes under Thatcher and altered demographics of race, ethnicity, and class in a post-empire Britain» [16, pp. 194–195] / «Кэрол Энн Даффи остановится на изображении городских промышленных районов, переживающих экономические изменения при премьер-министре Маргарет Тэтчер и изменившихся демографических показателях (раса, этническая принадлежность, класс) в постколониальной Британии» (перевод мой – Л.Н.). Об этом пишут авторы антологии *Contemporary British Women Poets and the Lyric Subject. A Concise Companion to Post-war British and Irish Poetry* («Современные британские поэтессы и лирическое Я. Краткий справочник послевоенной британской и ирландской поэзии»).

Опираясь на традиционное представление об англичанине и британце, в т.ч. присущие им чувства солидарности, национального единства и гордости, а также о

противоречии в самовосприятии и восприятии нации другими народами, Даффи развенчивает надежды, возложенные на политику мультикультурализма. При этом, говоря о национальных и интернациональных чертах, важно отметить, что «деление также весьма условно и не предполагает разграничение этих черт на «положительные» и «отрицательные» [1, с. 7]. Подтверждение тому находим, например, в стихотворениях *Translating the English*, 1989 и *Translating the British*.

За речью главного героя стихотворения *Translating the English*, 1989 – метафорического безграмотного гида-иностранца – угадывается обеспокоенность по поводу изменений в стране, которые привели к тому, что сами ее жители стали чувствовать себя отчужденными в Британии эпохи Маргарет Тэтчер. Об этом композиционно говорится уже в эпиграфе ... and much of the poetry, alas, is lost in translation... (... и большая часть поэзии, увы, теряется в переводе ...).

Стихотворение трудно к восприятию, в особенности русскоязычному читателю, приведем отрывок из стихотворения и его подстрочный перевод:

«Welcome to my country! We have heard Edwina Currie	Добро пожаловать в мою страну! Мы слышали Эдвина Керри
and The Sun newspaper. Much excitement.	и таблоид «Сан». Очень волнительно.
Also the weather has been most improving	Также погода становится лучше даже в ферале. Нарциссы. (Вордсворт. На север.) Как вам это понравится, Шекспир или даже Опера черный рынок у нас тоже есть.
even in February. Daffodils. (Wordsworth. Up North.) If you like Shakespeare or even Opera we have too the Black Market» [12, p. 11]	

В стихотворении много орфографических, грамматических и синтаксических ошибок: «Words are dropped, some are inserted randomly into the monologue, and all-together it sounds like someone trying their best to describe the wonderful things about where they live» [17] / «Одни слова пропущены, другие появляются в монологе совершенно случайно, и в общем и целом стих звучит так, словно кто-то изо всех сил

пытается описать замечательное место, в котором он живет» (перевод мой. – Л.Г.), что позволяет нам сделать вывод о том, что английский не является родным языком для героя, который, тем не менее, приглашает читателя в «свою страну»: *Welcome to my country!*

Использование искаженного синтаксиса и асиндетона (отсутствие служебных элементов связи, из-за чего восприятие текста еще более усложнено) позволяет автору поднять вопрос взаимосвязи языка, национальности и идентичности [22]. Лингвистическая «несостоятельность» героя указывает не столько на неспособность овладеть английской грамматикой, сколько на тот факт, что, сопоставляя высокую культуру прошлого и неопределенное настоящее, отягощенное проблемами политики Тэтчер, герой предстает человеком, обладающим проницательностью, в противовес ограниченности его речи и аутсайдерской позиции.

Гид – обобщенный образ новой нации, портрет неблагоприятный, отражающий всю ее поверхностность, неспособность выйти из состояния растерянности не только в социальном плане, но и в культурном, когда идентичность, предопределяемая культурой и языком, попала в «ловушку» мультикультурализма. Таким образом, автор выражает обеспокоенность по поводу изменений в стране, которые привели к тому, что сами ее жители стали чувствовать себя отчужденными.

20 лет спустя, будучи на посту поэта-лауреата, в стихотворении *Translating the British*, приуроченном к Олимпийским играм-2022 в Лондоне, Даффи поднимает вопрос британскости, что свидетельствует о возрастании интереса к теме национальной идентичности в индивидуальном сознании автора и коллективном сознании общества. Автор создает яркое изображение современного британского общества, демонстрируя «a sharp awareness of how the social power dynamic between empowered and disempowered groups of people developed in Britain during and after the Thatcher regime» [21, p. 106] / «четкое понимание того, как именно развивалась динамика власти, построенной на отношениях администрации и граждан в Британии во время режима Тэтчер и после него» (перевод мой. – Л.Г.), когда народ и власть оказываются в оппозиции друг к другу.

Стихотворению присущ высокий патетический, «олимпийский», тон. Это возвышенный разговор о самой британскости, британских чемпионах, чувствах солидарности, национального единства и гордости. При этом, конечно, подразумевается процесс интеграции в рамках политического устройства Великобритании и деления внутри государства на страны: *a hundred tongues, one-voiced* (сто языков водноголосье). Кардифф и Эдинбург, Лондон и побережье Козвей-Кост (в Северной Ирландии, где находится Дорога гигантов) объединяют история, память о выдающихся личностях, их достижения и, что немаловажно, Шекспировский язык. Здесь Даффи метафорично говорит скорее не о языке как о средстве общения, но как о гениальном умении Шекспира изображать пороки, которые с течением времени не перестали быть актуальными. Национальные различия, в свою очередь, остаются прежними, ведь каждый представитель своего народа хочет быть тем, кем он является на самом деле (*we want to be who we truly are*):

<p>«We speak Shakespeare here, a hundred tongues, one-voiced; the moon bronze or silver, sun gold, from Cardiff to Edinburgh by way of London Town, on the Giant's Causeway; we say we want to be who we truly are, now, we roar it. Welcome to us» [13]</p>	<p>Мы говорим здесь на языке Шекспир, сто языков водноголосье; лунная бронза или серебро, солнечное золото, от Кардиффа до Эдинбурга через Лондон-Таун, по Дороге великанов; мы говорим, что хотим быть теми, кем мы на самом деле является, сейчас мы восклицаем об этом. Добро пожаловать к нам.</p>
--	--

Приглашение *Welcome* звучит увереннее, чем в стихотворении *Translating the English, 1989*, когда герой путается и делает ошибки, пытаясь найти свое место в новой для него стране. Именно Шекспировский язык позволяет автору выразить в стихотворении свое отрицательное отношение, обобщающее общественное негодование, к порокам нового времени: воровству банкиров, политике строгой экономии, несовершенстве современной политической системы и ее институтов, проблеме нетерпимости, которую была призвана нивелировать политика мультикультурализма, порокам, которые, в сущности, лишь видоизменились со

времен великого драматурга, их сущность осталась прежней. Более того, они объединяют разных на первый взгляд англичан, шотландцев, валлийцев.

«We've had our pockets picked, soft, white hands of bankers, bold as brass, filching our gold, our silver; we want it back.» [13]	the	В наши карманы забрались мягкие, белые руки банкиров, сияющие, как медь, ворующий наше золото, наше серебро; мы хотим его вернуть.
--	-----	--

В отличие от стихотворения *Originally*, где героиня чувствует себя отчужденно и одиноко, стыдливо признаваясь в том, что уже не может определить свою национальную принадлежность, герой стихотворения *Translating the British* причисляет себя ко «всем», считает себя частью единого британского общества, еще раз осознавшего свое единение на празднике спорта – Олимпийских играх. Об этом говорит использование местоимения мы (*We*). *We* определяет героя как часть целого, как гражданина, который имеет право голоса: *We want new running-tracks in his name; we want school playing-fields returned; We want more cycle lane, etc.* – звучат требования обустроить беговые и велосипедные дорожки, школьные игровые поля.

<i>We sense new weather. We are on our marks. We are all in this together»</i> [13]	Мы чувствуем новую погоду. Мы находимся на наших позициях. Мы все здесь вместе.
---	---

Таким образом, автор самолично проходит эволюцию, от испуганного ребенка, которому пришлось переехать в новую для себя страну, впервые в жизни задаться вопросом, кто я и откуда, попавшего под влияние другой культуры и подвергшегося ассимиляции, до сознательного гражданина. Этот человек уже поднимает вопросы национальной идентичности в проекции на себя лично и на страну в целом, оценивает перспективы интеграции внутри многонациональной страны и развенчивает надежды мультикультурализма как несбыточные на данном этапе развития общества, когда власть опирается на разного рода дискриминацию.

Последние три десятилетия XX века были отмечены общей тенденцией к так называемой «поэзлектике» [19], т.е. усилению смешения в творчестве отдельных поэтов разнообразных стилей, сюжетов, форм и лирических голосов. Изменения часто происходят и в ритмотектонике лирического текста: в строжайше зарифмованном стихотворении можно встретить неточную, составную или макароническую рифму. В таком случае правила рифмовки не ограничивают, но помогают создать плацдарм для импровизации и эксперимента.

Возникший мультиформализм поспособствовал оформлению понятия перформанса, отражающего в широком смысле взаимодействие поэзии с читателем как с соавтором, усилению роли графических средств языковой выразительности. Так, благодаря экспериментальной графике, развивается т.н. межтекстовый поэтический субстрат как платформа для фантасмагорического наслоенного письма: «palimpsest which becomes <...> ‘palimtext’» [23, p. 100] / «палимпсест становится <...> «палимтекстом» (перевод мой. – Л.Г.), т.е. поэтический текст может быть использован не единожды, дополняясь и переписываясь в ходе перформанса.

Принцип перформативности находит отражение и в творчестве Кэрл Энн Даффи: «Language, in the extremely different poetries of Duffy, is seen to operate as a material aspect of the world <...> The construction of identity within language is explored through lyric innovations of form and a self-referential signaling of how linguistic (including poetic) forms structure meaning» [16, p. 194] / «Язык в поэзии Даффи считается материальным аспектом мира <...> Формирование личности исследуется посредством новых форм поэтического языка и самореференции в вопросах взаимосвязи лингвистической формы и значения» (перевод мой. – Л. Г.). Об этом поэтесса говорит сама в интервью журналу *Poetry Review* (V. 84, № 1): «если вам удастся использовать [клише] на определенном этапе создания стихотворения, придав ему почти музыкальную упорядоченность, вам, вероятно, удастся выразить в нем то, что вы слышите сами. Я часто прибегаю к курсиву, когда ввожу языковое клише, или помещаю фрагмент речи, который выглядит уж слишком избитым, по

наряду с отрывками из детской поэзии Даффи (Your Grandmother, Irish Rats Rhymed to Death), обратимся к лирике интимной, как призванной отражать весь спектр человеческих переживаний.

Navisham – стихотворение, в котором читателю представляется возможным заново познакомиться с героиней романа Ч. Диккенса «Большие надежды». В романе мисс Хэвишем представлена со слов главного героя Пипа, который, попав к ней в дом, видит безжизненно бледную старую женщину в изношенном подвенечном платье, которую некогда бросили у алтаря. Хэвишем – несчастная, опустившаяся в своем горе женщина – вызывает у читателя жалость и страх. Внутренняя борьба отвергнутой женщины в стихотворении Даффи разработана в индивидуальном русле. Об этом говорит уже название «Хэвишем», а не Мисс Хэвишем, как у романиста Диккенса, а значит, на первый план выдвигаются личностное начало, индивидуальные переживания. В основу стихотворения легли борьба чувств героини. Это отобразено в открывающем стихотворение оксюмороне Beloved sweetheart bastard. Для наглядности приведем текст стихотворения и его перевод, выполненный автором статьи.

«Beloved sweetheart bastard. Not a day since then
I haven't wished him dead. Prayed for it so hard I've dark green pebbles for eyes, ropes on the back of my hands I could strangle with.
Spinster. I stink and remember. Whole days in bed cawing Nooooo at the wall; the dress yellowing, trembling if I open the wardrobe; the slewed mirror, full-length, her, myself, who did this to me? Puce curses that are sounds not words.
Some nights better, the lost body over me, my fluent tongue in its mouth in its ear

Возлюбленной возлюбленный – убудок. Не день с тех пор хотела, чтобы ты умер. Я умоляла так яростно, глаза мои в камни зеленые обратились, а руки крепкими покрылись змеями-веревками.
Старая дева. Смердеть и помнить. Целый день лежать в постели, каркая стене бездушной «Нееееет»; платье желтое дрожит предательски в руках, когда я открываю шкаф; в зеркало глядя, не узнаю я в нем себя, кто это сделал со мной? Я шлю тому кровавые проклятия, звуки, не слова.
Мне ночью иногда приснится, твое в постели рядом тело,

then down till I suddenly bite awake. Love's hate behind a white veil; a red balloon bursting in my face. Bang. I stabbed at a wedding cake. Give me a male corpse for a long slow honeymoon. Don't think it's only the heart that b-b-b- breaks» [10]	шепчу тебе, ушедшему, на ушко до тех пор, пока ужаленная я не отойду от сна. Любовь есть ненависть за подвенечную фатой; залито злобою, запачкано лицо. Бам! Я нож вонзила в свадебный наш торт. Дайте что осталось от жениха – медовый месяц с ним я долгий проведу. Нет, ты не думай, только сердце разб-б- б-ито у меня.
---	---

Лирическая героиня яростно желает смерти бывшему возлюбленному, разрушая себя морально и физически. Мистическая тональность достигается за счет использования английских прилагательных *dark* и *green* в негативной коннотации, с отсылкой к шекспировской метафоре, ставшей впоследствии идиомой, *green-eyed monster* (рус. ревность), которая впервые была использована в пьесе «Венецианский купец» и трагедии «Отелло».

Стихотворение *Navisham* – нерифмованное. «Голос» стиха звучит порывисто, сбивчиво, что соответствует внутреннему состоянию героини, отсутствию покоя и гармонии в душе. Также в стихотворении автор прибегает к асиндетону, именно поэтому при переводе трудно свести к минимуму количество союзов, поскольку для русской стихотворной традиции характерно более частое применение полисиндетона (многосоюзия).

Здесь же важно отметить и односложные предложения, которые несут параллельно эмоциональную и логическую нагрузку. Например, акцент в тексте автор переносит на односложное предложение *Spinster* (рус. старая дева) и оноματοпоическое *Bang* (рус. бам! бац! бах!), цель которого «огорошить» героиню, пробудить героиню от грез, вернуть ее к реальности.

Повтор дефиса *b-b-b-breaks* и мультипликация букв *Nooooo* нацелены на создание ощущения мук переживания любовной трагедии. Несчастная не способна передать словами муки сердца.

Таким образом, поэктичность в поэзии Даффи находит отражение в использовании, по большей мере, широкого спектра графических средств, при этом

автор часто отказывается от рифмы, а строки располагает вольно, что в свою очередь помогает воссоздать впечатление живой разговорной речи, ярче передать эмоциональное состояние героев.

Война и мир. Инь и янь

В массовом сознании закреплены бинарные оппозиции абсолютного и относительного, идеального и материального, общего и частного, мужского и женского. Неудивительно, что вечными темам в литературе стали темы добра и зла, света и тьмы, жизни и смерти, любви и ненависти, войны и мира.

К примеру, тема войны и мира прочно закрепилась и в патриотической лирике, ведь за всю историю человечество прожило без войн не больше трехсот лет. Поэтому в начале XX века, когда Европу настигает Первая мировая война, рождается феномен First World War Poetry (рус. «окопная» поэзия, «окопные» поэты). В конце XX – начале XXI вв. происходит стирание границ, заданных бинарными оппозициями, получает новый виток развития «поэзия свидетельства».

Если интерес к общественно-политической проблематике у поэтов траншей был обусловлен их непосредственным участием в боевых действиях в Первой и Второй мировой войне, то в 1980–90-х гг. актуальность приобрел вопрос коммеморации. Более того, именно поэты часто становятся «проводниками» безголосых участников и жертв новых межэтнических конфликтов и войн, вспыхнувших на геополитической карте мира: они сочувствуют голосам обездоленных и поднимают вопрос об этической ответственности [23, р. 72]. Сегодня такими поэтами-свидетелями становятся поэты-журналисты, как Джеймс Фентон, антивоенные поэты-исполнители, как Эдриан Митчелл, или поэты, имеющие ярко выраженную гражданскую поэзию, как поэт-лауреат Кэрол Энн Даффи. В современном мире они переживают войну через электронные письма от друзей или коллег в зонах военных действий, посредством СМИ, в сети Интернет – через блоги, твиты или интервью.

«Проводником» безголосых солдат К. Э. Даффи становится в стихотворениях War Photographer («Военный фотограф»), Last Post («Последняя почта»), Passing Bells («Похоронный звон»), The Christmas Truce («Рождественское перемирие»), An

Unseen («Невидимка»), The Wound in Time («Рана во времени») и других. Так, в последнем стихотворении в сонетной форме автор оплакивает «рану во времени», оставленную Первой мировой войной. Тем самым поэтесса увековечивает память погибших, в то же время утверждая гибель гуманизма, подвергая сомнению постулат эпистемологической уверенности (уверенности в разумной деятельности человека):

«It is the wound in Time. The century's tides,
chanting their bitter psalms, cannot heal it.
Not the war to end all wars; death's birthing place;
the earth nursing its ticking metal eggs,
hatching new carnage. But how could you know, brave
as belief as you boarded the boats, singing?
The end of God in the poisonous, shrapneled air.
Poetry gargling its own blood. We sense it was love
you gave your world for; the town squares silent,
awaiting their cenotaphs. What happened next?
War. And after that? War. And now? War. War.
History might as well be water, chastising this shore;
for we learn nothing from your endless sacrifice.
Your faces drowning in the pages of the sea» [14].

Это рана во времени. Приливы века, воспевая свои горькие псалмы, не могут исцелить ее.
Не война положит конец всем войнам; место рождения смерти;
Земля кормится своими тикающими металлическими яйцами, вылупляется новая бойня. Но как ты мог знать, храбрый
как сама вера, восходя на борт лодки под песню?
Конец Бога в ядовитом, осколочном воздухе.
Поэзия полощет свою собственную кровь. Мы чувствуем, что это была любовь,
за которую ты отдал свой мир; городские площади молчат,
в ожидании своих кенотафов. Что произошло дальше?
Война. И после этого? Война. И сейчас? Война. Война.
История может быть и водой, омывающей этот берег;
ибо мы ничему не учимся на твоей бесконечной жертве.
Твои лица тонут на страницах моря.

Таким образом, бинарные оппозиции в творчестве К. Э. Даффи подвержены пересмотру. Это хорошо иллюстрирует центральный оксюморон произведения death's birthing place.

Релятивизм бинарности, концептуальных ориентиров (абсолютное – относительное, идеальное – материальное, добро – зло, общее – частное, мужское –

женское), отображающих сознание общества, также можно наблюдать в стихотворном бестселлере *The World's Wife* («Вечная жена»), где в отношении главных героев, известных мужчин и их неизвестных жен, происходит смена стереотипных гендерных ролей, когда протагонистом становится женщина, она же зачастую представляет и гегемонную силу, нарушая тем самым патриархальный порядок.

Таким образом, в поэзии К. Э. Даффи закрепленные бинарные оппозиции, ставшие в литературе основными темами, подвергаются реинтерпретации, ведь отражение нового мира в новой поэзии былыми категориями современным авторам представляется недостоверным.

ВЫВОДЫ

В результате поэтологического анализа творчества К. Э. Даффи в контексте идей мультикультурализма, поэклектичности и переосмысления «вечных» тем, предлагаются следующие выводы. Во-первых, в творчестве поэтессы наряду с появлением национальных концептов наблюдается эволюция от опыта внутренней миграции и ассимиляции (связан с концептом шотландскости в ранней поэзии) до осознания недостатков политики мультикультурализма, попыток стать на путь интеграции и сознательно причислить себя к единому британскому обществу (связаны с появлением концептов английскости и британскости в «зрелом» периоде творчества). Во-вторых, исследование поэтической формы помогло определить, что поэклектичность в поэзии Даффи находит отражение в использовании, по большей мере, широкого спектра графических средств, а также в отказе от рифмы, вольном расположении строк, что в свою очередь помогает воссоздать впечатление живой разговорной речи и передать эмоциональное состояние героев. В-третьих, произведения часто обращены к пересмотру постулатов и бинарных оппозиций, оформившихся в литературном поле в «вечные» темы, с целью отразить реалии нового состояния мира в эпоху постмодерна.

Список литературы

1. Беспалова Е. К. В. Сирин vs V. Nabokov : Национальное и интернациональное [Текст] / Е. К. Беспалова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. – Том 6 (72). – № 1. – С. 3–14.
2. Беспалова, Е. К., Глухенькая, Л. Н. Постмодернизм Кэрол Энн Даффи : сатира и женское письмо [Текст] / Е. К. Беспалова, Л. Н. Глухенькая // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. – Том 5 (71). – № 3. – С. 3–21.
3. Велилаева Л. Р. «Двойной Патриотизм» как ключевой концепт шотландского эмиграционного дискурса XIX века [Текст] / Л. Р. Велилаева // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. – Том 5 (71). – № 2. – С. 22–36.
4. Ганин, В. Н. Женский взгляд на «мужскую» историю в цикле К. Э. Даффи «The World's Wife» [Электронный ресурс] / В. Н. Ганин // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». – 2007. – № 1. – Режим доступа: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/1/Ganin>. – (Дата обращения: 21.05.2020).
5. Кудрявицкий, А. И. Современные поэты Великобритании [Электронный ресурс] / А. И. Кудрявицкий // Поэты Великобритании. – Режим доступа: <http://kudryavitsky.narod.ru/ukpoets.html>. – (Дата обращения: 21.05.2020).
6. Чем живет современная британская поэзия? С Сашей Дагдейл беседует Мария Фаликман [Текст] // Иностранная литература. – 2018. – № 2. – С. 221–228.
7. Allen-Randolph J. "Remembering Life before Thatcher." Rev. of Selected Poems by Carol Ann Duffy. The Women's Review of Books. 12.8 (1995). P. 12.
8. Duffy C. A. Selected Poems. London, England: Penguin Books Ltd., 2006. P. 65.
9. Duffy C. A. New and Collected Poems for Children. London: Faber & Faber, 2014. 288 p.
10. Duffy C. A. New Selected Poems: 1984–2004. Picador, 2004. 253 p.

11. Duffy C. A. *The Good Child's Guide to Rock N Roll*. London: Faber & Faber, 2003. 80 p.
12. Duffy C. A. *The Other Country*. London, England: Anvil Press Poetry, 1990. P. 11.
13. Duffy C. A. 'Translating the British, 2012' by Carol Ann Duffy. *The Guardian*, 10 August 2012. Available at: <https://www.theguardian.com/books/2012/aug/10/carol-ann-duffy-olympics-london> (accessed 21 May 2020).
14. Flood A. Poet laureate writes sonnet for Danny Boyle's Armistice Day centenary events. *The Guardian*, 22 October 2018. Available at: <https://www.theguardian.com/books/2018/oct/22/poet-laureate-sonnet-danny-boyle-armistice-day-centenary-carol-ann-duffy-the-wound-in-time> (accessed 21 May 2020).
15. Kennedy D., Kennedy C. *Women's Experimental Poetry in Britain 1970–2010: Body, Time and Locale*. Liverpool : Liverpool University Press, 2013. 192 p.
16. Kinnahan L. A. *Contemporary British Women Poets and the Lyric Subject. A Concise Companion to Post-war British and Irish Poetry (Concise Companions to Literature and Culture)*. Ed. by N. Alderman, C. D. Blanton. Wiley-Blackwell, 2014. 328 p.
17. Meredith Wright. Essay 1. *The Modern Poet: Our Society's Language*. Michigan State University. Available at: <https://msu.edu/course/eng/394h/bjwright.html> (accessed 21 May 2020).
18. O'Brien S. *The Deregulated Muse: Essays on Contemporary British and Irish Poetry*. Newcastle upon Tyne, England: Bloodaxe, 1988. P. 160.
19. Petrucci M. Making Voices: Identity, Poeclectics and the Contemporary British Poet. *New Writing, The International Journal for the Practice and Theory of Creative Writing*, 2006, Volume 3 (1), pp. 66–77.
20. Skoblow J. *Scottish Poetry. A Companion to Twentieth-Century Poetry*. Ed. by N. Roberts. Willey-Blackwell, 2003. 646 p.
21. *The Poetry of Carol Ann Duffy: 'Choosing Tough Words'*. Ed. by A. Michelis, A. Rowland. Manchester University Press, 2004. 224 p.
22. *Voice as Vision: Carol Ann Duffy by Jane Satterfield. The Mezzo Cammin Women Poets Timeline Project*. Available at:

<http://www.mezzocammin.com/timeline/timeline.php?vol=timeline&iss=1900&cat=50&page=duffy> (accessed 21 May 2020).

23. Williams N. Contemporary Poetry. Edinburgh University Press Ltd., 2011. 264 p.

References

1. Bespalova Ye. K. V. *Sirin vs V. Nabokov: Natsionalnoe i Internatsionalnoe* [V. Sirin vs V. Nabokov: National and International]. *Uchenye Zapiski Krymskogo Federal'nogo Universiteta Imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie Nauki. Nauchnyi Zhurnal*, Vol. 6 (72), № 1, pp. 3–14.
2. Bespalova Ye. K., Gluhenkaya L. N. *Postmodernizm Kjerol Jenn Daffi: Satira i Zhenskoe Pis'mo* [Postmodernism of C. A. Duffy: Satire and Female Writing]. *Uchenye Zapiski Krymskogo Federal'nogo Universiteta Imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie Nauki. Nauchnyi Zhurnal*, Vol. 5 (71), № 3, pp. 3–21.
3. Velilaeva L. R. *Dvoinoi Patriotizm kak Klyuchevoi Kontsept Shotlandskogo Jemigratsionnogo Diskursa 19 veka* [Dual Patriotism as Key Concept of Scottish Emigrational Discourse of the 19th Century]. *Uchenye Zapiski Krymskogo Federal'nogo Universiteta Imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie Nauki. Nauchnyi Zhurnal*, Vol. 5 (71), № 3, pp. 22–36.
4. Ganin V. N. *Zhenskii Vzglyad na Muzhskuyu Istoriyu v Tsikle C.A. Duffy The World's Wife* [Female View on the Male History in the Series The World's Wife by C. A. Duffy]. *Informatsionnyi Gumanitarnyi Portal Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2007, № 1. Available at: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/1/Ganin> (accessed 21 May 2020).
5. Kudryavitskii A. I. *Sovremennye Pojety Velikobritanii* [Contemporary Poets of the Great Britain]. *Pojety Velikobritanii*. Available at: <http://kudryavitsky.narod.ru/ukpoets.html> (accessed 21 May 2020).
6. *Chem Zhivet Sovremennaya Britanskaya Pojeziya? S Sashei Dagdeil Beseduet Mariya Falikman* [How Does Contemporary British Poetry Live? Maria Falikman Talks to Sasha Dugdale]. *Inostrannaya Literatura*, 2018, № 2, pp. 221–228.
7. Allen-Randolph J. "Remembering Life before Thatcher." Rev. of Selected Poems by Carol Ann Duffy. *The Women's Review of Books*. 12.8 (1995). P. 12.

8. Duffy C. A. *Selected Poems*. London, England: Penguin Books Ltd., 2006. P. 65.
9. Duffy C. A. *New and Collected Poems for Children*. London: Faber & Faber, 2014. 288 p.
10. Duffy C. A. *New Selected Poems: 1984–2004*. Picador, 2004. 253 p.
11. Duffy C. A. *The Good Child's Guide to Rock N Roll*. London: Faber & Faber, 2003. 80 p.
12. Duffy C. A. *The Other Country*. London, England: Anvil Press Poetry, 1990. P. 11.
13. Duffy C. A. 'Translating the British, 2012' by Carol Ann Duffy. *The Guardian*, 10 August 2012. Available at: <https://www.theguardian.com/books/2012/aug/10/carol-ann-duffy-olympics-london> (accessed 21 May 2020).
14. Flood A. Poet laureate writes sonnet for Danny Boyle's Armistice Day centenary events. *The Guardian*, 22 October 2018. Available at: <https://www.theguardian.com/books/2018/oct/22/poet-laureate-sonnet-danny-boyle-armistice-day-centenary-carol-ann-duffy-the-wound-in-time> (accessed 21 May 2020).
15. Kennedy D., Kennedy C. *Women's Experimental Poetry in Britain 1970–2010: Body, Time and Locale*. Liverpool : Liverpool University Press, 2013. 192 p.
16. Kinnahan L. A. *Contemporary British Women Poets and the Lyric Subject. A Concise Companion to Post-war British and Irish Poetry (Concise Companions to Literature and Culture)*. Ed. by N. Alderman, C. D. Blanton. Wiley-Blackwell, 2014. 328 p.
17. Meredith Wright. Essay 1. *The Modern Poet: Our Society's Language*. Michigan State University. Available at: <https://msu.edu/course/eng/394h/bjwright.html> (accessed 21 May 2020).
18. O'Brien S. *The Deregulated Muse: Essays on Contemporary British and Irish Poetry*. Newcastle upon Tyne, England: Bloodaxe, 1988. P. 160.
19. Petrucci M. Making Voices: Identity, Poeclectics and the Contemporary British Poet. *New Writing, The International Journal for the Practice and Theory of Creative Writing*, 2006, Volume 3 (1), pp. 66–77.
20. Skoblow J. *Scottish Poetry. A Companion to Twentieth-Century Poetry*. Ed. by N. Roberts. Willey-Blackwell, 2003. 646 p.

21. The Poetry of Carol Ann Duffy: 'Choosing Tough Words'. Ed. by A. Michelis, A. Rowland. Manchester University Press, 2004. 224 p.
22. Voice as Vision: Carol Ann Duffy by Jane Satterfield. The Mezzo Cammin Women Poets Timeline Project. Available at: <http://www.mezzocammin.com/timeline/timeline.php?vol=timeline&iss=1900&cat=50&page=duffy> (accessed 21 May 2020).
23. Williams N. Contemporary Poetry. Edinburgh University Press Ltd., 2011. 264 p.

THUS EVERYTHING NEW BEGINS: POETRY BY CAROL ANN DUFFY

Gluhenka L. N.

The article focuses upon comprehensive study of the contemporary poetry of the British author, poet-laureate C. A. Duffy. Significance of the works of the poets laureate of the recent years in the life of British society defines the relevance of the research. The object of the research is the poetry of C. A. Duffy. The subject of the research is the author's reception of the ideas of multiculturalism, poeclactics, and reinterpretation of eternal themes.

As a result of the poetological analysis of the Duffy's lyrics, specific artistic variants of national concepts and eternal images are revealed and the ways of poeclactics being constituted. The article concludes that Duffy's work synthesizes the concepts of Scottishness, Englishness and Britishness, which are presented in evolutionary interdependence. Poeclactics is expressed through the partial or complete absence of rhyme, an abundance of graphic expressive means, and usage of free stanza, while the reinterpretation of eternal themes, which has become a hallmark of postmodern literature, is based on the postulate of epistemological uncertainty. Thus, the concepts of war and peace, life and death, male and female are blurred.

Keywords: Carol Ann Duffy, British poetry, contemporary poetry, new poetry, multiculturalism, national identity, poeclactics, eternal themes.

УДК 821.161.1 Шуф

ЛЕГЕНДА ОБ АЗИСЕ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ В. А. ШУФА

Жаворонкова А. Е.

**Институт педагогического образования и менеджмента (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского» в г. Армянске,
Армянск, Россия
E-mail: alena-petrunina@bk.ru**

Творческое наследие В. А. Шуфа (1865–1913), забытого русского поэта, прозаика, переводчика и публициста, жившего на рубеже XIX–XX веков, до сих пор остается малоизученным. В предложенной статье впервые предпринята попытка рассмотреть В. А. Шуфа как одного из первых собирателей и переводчиков крымскотатарского фольклора. Цель работы: расширить научное представление о В. А. Шуфе и его творческом наследии, обратившись к переводам крымскотатарского фольклора (на примере анализа произведения «Могила Азиса», опубликованном в одноименной книге В. А. Шуфа (1895)). В статье проводятся параллели с преданиями, записанными Н. А. Марксом и В. Х. Кондараки (в частности, «Кемал-Бабай – Дедушка Кемал»), «Крымскими очерками» С. Я. Елпатьевского. На основе описательного, сравнительно-сопоставительного, биографического методов были выявлены особенности переводов крымскотатарского фольклора. Результаты и выводы предпринятого исследования расширяют научное представление о В. А. Шуфе и его творческом наследии и, в то же время, намечают дальнейшие перспективы исследования его лирических и прозаических произведений, основанных на крымскотатарском фольклоре, подтверждают необходимость продолжения архивно-библиографических розыскных работ.

Ключевые слова: В. А. Шуф, Н. А. Маркс, В. Х. Кондараки, крымские легенды, Карадаг, Крым, русская литература.

ВВЕДЕНИЕ

Произведения Владимира Александровича Шуфа (1865–1913), писателя так называемого «второго» ряда, жившего на рубеже XIX–XX веков, до сих пор остаются практически неизвестными для рядового читателя и только-только начинают возвращаться в русское культурное пространство.

А когда-то, почти сто лет назад, фельетоны, стихотворения, заметки и репортажи В. А. Шуфа можно было встретить на страницах ведущих журналов и газет дореволюционной России («Вестник Европы», «Новое Время», «Петербургский листок», «Нива», «Русское богатство», «Неделя», «Шут», «Осколки», «Живописное обозрение», «Родная речь», «Наблюдатель», «Новый журнал литературы, искусства и науки», «Море» и др.). Тематика корреспонденции была разнообразной:

подробности посещения германским императором Вильгельмом Палестины, Сирии и Египта (1898), известия с фронта греко-турецкой и русско-японской войн, театральные постановки в Петербурге, южнорусская живопись, проведение первого автопробега России по маршруту «Санкт-Петербург – Персия» (1911) и др. Фактически, В. А. Шуф находился в центре общественной, литературной, культурной, политической жизни России рубежа XIX–XX веков. Он входил в литературное объединение «Пятницы Случевского», был знаком с А. А. Фетом, С. Я. Надсоном, К. К. Романовым, В. С. Соловьевым, К. Д. Бальмонтом, И. А. Буниним, А. П. Чеховым, З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковским и др., а первые серьезные литературные шаги – публикация сборника «Крымские стихотворения» и поэмы «Баклан» – сделал по настоянию и поддержке А. А. Фета, С. Я. Надсона, И. А. Бунина.

Отдельными изданиями при жизни писателя были напечатаны, по нашим данным, 12 произведений: сборник «Крымские стихотворения» (1890; 1898 – с пометой «издание 2-е, дополненное»), прозаический сборник «Могила Азиса. Крымские легенды и рассказы» (1895), поэма «Баклан» (1895), «На Востоке. Записки корреспондента о греко-турецкой войне» (1897), роман в стихах «Сварогов» (1898), поэма «Гибель Шемахи (Сальфа)» (1902), заметка в виде листовки «Свадьба во время бомбардировки» (1904), сборник сонетов «В край иной...» (1906), роман «Кто идет?» (1907), драматическая поэма «Рыцарь-инок» (1908), «Кантата великому писателю Н. В. Гоголю в день открытия памятника 26 апреля 1909 года» (1909), сборник стихотворений «Гекзаметры» (1912). Известно, что В. А. Шуф также писал критические статьи, занимался переводами с английского, немецкого, армянского и крымскотатарского языков.

Архив автора, к сожалению, не собран. Его отдельные части хранятся сейчас в Ялтинском историко-литературном музее, Российском государственном архиве литературы и искусства, архиве Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской Академии наук.

В настоящее время существует сайт «Владимир Александрович Шуф» [28], опубликованы четыре книги В. И. Кудрявцева [6–9], созданные в художественном

стиле и опирающиеся на дневниковые записи В. А. Шуфа. Привлечь внимание к забытому поэту рубежа XIX–XX веков в своих статьях пытались Г. И. Пятков [18; 19] и Г. А. Шалюгин [25–27]. Ялтинским страницам жизни писателя посвящены работы З. Г. Ливицкой [13; 14], которая впервые поместила в печать отдельные архивные материалы Ялтинского историко-литературного музея. Попытки ввести творческое наследие В. А. Шуфа в историко-литературный контекст Серебряного века предпринимает Н. С. Титова, исследуя особенности интертекстуального взаимодействия произведений поэта с произведениями В. А. Сумбатова, А. А. Блока [22–24]. О восприятии критиками-современниками произведений писателя сказано автором данной работы [17].

Однако деятельность В. А. Шуфа как собирателя и переводчика крымскотатарского фольклора практически не изучена, и потому **цель** нашего исследования – расширить научное представление о В. А. Шуфе и его творческом наследии, обратившись к переводам крымскотатарского фольклора (на примере анализа произведения «Могила Азиса» (1895).

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

В. А. Шуф был одним из первых собирателей и переводчиков крымскотатарского фольклора. Первые шаги на этом поприще поэт совершил в середине 1880-х годов. Живя по настоянию врачей в Ялте, В. А. Шуф не мог не обратить внимание на самобытность крымскотатарского народа. Заинтересовавшись его культурой, двадцатилетний будущий писатель начинает путешествовать по Крыму, избегая известных туристических маршрутов и посещая дальние татарские деревеньки. Благодаря Осману Мамеду, который позднее станет преданным слугой и постоянным спутником во всех путешествиях В. А. Шуфа, поэт выучит крымскотатарский язык, познакомится с легендами и песнями этого народа. Литературно обработанные переводы крымскотатарских песен будут сначала

неоднократно печататься в «Живописном обозрении», а затем войдут в лирический сборник «Крымские стихотворения» (1890; 1898)¹.

Позднее, в 1895 году был напечатан прозаический сборник «Могила Азиса. Крымские легенды и рассказы». Как признавался сам автор, эта книга стала результатом изучения быта, нравов и языка крымских татар [20]. Она включает в себя предисловие и 11 произведений, 2 из которых В.А. Шуф помечает как легенды («Хаплу-хая, крымская легенда», «Ненекеджан-ханым, легенда»).

Сборник не претендует на научность: В. А. Шуф не дает ссылок на исходные крымскотатарские тексты, не указывает конкретное место их бытования, неизвестен также и принцип отбора материала, которым руководствовался писатель. Однако несмотря на это, он старается сохранить национальный колорит: легенды предваряются длинными присказками, которые характерны для крымскотатарских рассказчиков, тексты насыщены крымскотатарской лексикой (улан, мулла, хатип, азис, мусселим, джигит, роза сераля и т.п.), подробностями жизни простого татарского народа, их обычаев, верований. Подобные приемы, подчеркивающие экзотичность и даже некоторую чуждость русскому сознанию описываемых событий, можно назвать традиционными при воссоздании крымскотатарского мира (их использовали, например, М. Горький [34], М. М. Коцюбинский [33]) и

¹ Схожие по содержанию и иногда даже по названию тексты («Эльмаз», «На Крымскую войну»), так же представленные как крымскотатарские песни, находим у В. Х. Кондораки в «Универсальном описании Крыма», часть 13 (Ср.: «Слава Богу! Дождались мы лета! / Запестрели цветами поля, / Вся природа в обновки одета, / Нарядилась, как в праздник, земля! // Прилетели кукушка, синица, Соловей запекает в кустах; / Просветлели все хмурые лица, / И молитва у всех на устах» [30, с. 115] (В.А. Шуф) и «Слава Господу, дождалась лета. / Кукушки и синички настроили струны пенья / У людей молитва на устах, / А утро одевается в сияние рая» [4, с. 8] (В. Х. Кондораки)). К сожалению, мы не можем с уверенностью утверждать, что авторы переводили на русский язык одни и те же варианты крымскотатарских песен, поскольку исходные тексты в обоих случаях нам не известны. Трудностей добавляют также различие в подходах перевода: если В. Х. Кондораки стремился передать максимально точно и, скорее всего, дословно смысл песни, то В. А. Шуф, как заметно, решил передавать приёмы, свойственные традиционному фольклорному крымскотатарскому стиху, традиционными приёмами русской поэзии.

закладывающими в сознание, по мнению С. О. Курьянова, мифологические установки о Крыме как о восточной мусульманской стране [11].

Предисловие, открывающее сборник, было написано С. Н. Сыромятниковым (1864–1933), журналистом, писателем, в последствии известным общественным деятелем, членом-учредителем «Русского собрания». В нем автор, весьма лестно отзываясь о легендах крымских татар, «художественно рассказанных» [29, с. VI] В. А. Шуфом, так объясняет название книги: «Бродя по древним развалинам, остаткам прежних народов, аренам, давно минувших страстей и мыслей, невольно чувствуешь, как мириады незримых отражений минувшего проникают с полуразрушенных стен, с полуистершихся фресок, с полуразбитых карнизов <...> и возбуждают <...> бесконечные ряды прозрачных образов прошлого. Может быть оттого мы и любим мечтать среди развалин, <...> что эти руины, каким-то таинственным образом, возбуждают бессознательную память о прошлом, заложенную в каждого вместе с наследственными чертами» [29, с. VI].

Называя В. А. Шуфа знатоком крымской жизни, С. Н. Сыромятников поставил ему в заслугу сердечное отношение к крымскотатарскому народу, желание «разгадать и опозитизировать его душу» [29, с. VIII], передать в рассказах нравы, обычаи, верования этих людей, раскрыть «думы и чувства дикого, некультурного, не зараженного Москвой, Петербургом или Одессой татарского Крыма, который неохотно показывается туристу» [29, с. VI].

Последнее особенно ярко раскрывается в произведении «Могила Азиса». В нем идет речь о нищем горбуне Абдалле, влюбившемся в самую красивую девушку деревни Гуллизар. В один из праздников, осмеянный толпой, Абдалла ищет уединения у старого дуба, растущего на краю деревни. Ночью, то ли во сне, то ли наяву ему видится, как он подымается по крутым горным скалам и попадает на поляну, окруженную каменным кольцом. Абдалла узнает в возвышении камней, окутанного зеленым светом, могилу Азиса, мусульманского святого, который был известен своими чудесами. Горбун молится, просит исцеления у того, «кто может врачевать всех хромых, слепых и увечных» [29, с. 11] и дает обет святому сходить в Мекку, если Азис вернет ему силу, красоту и здоровье. Абдалла получает желаемое,

поскольку молится он в «великую ночь под пятницу, в десятый день лунного месяца Ашира, когда совершаются все величайшие чудеса на земле и небе» [29, с. 12]. Молодой человек признается возлюбленной, она отвечает ему взаимностью, но в первую брачную ночь Гуллизар умирает: им является призрак Азиса в зеленой чалме, который пугает девушку до смерти. Только тогда Абдалла вспоминает, что он нарушил обет, данный святому, – не жениться до путешествия в Мекку. Гуллизар хоронят, к ее телу спускаются два ангела, чтобы допросить душу усопшей. Абдалла, увидев это, теряет сознание от ужаса под старым дубом и приходит в себя снова нищим хромым горбуном. Не выдержав потрясения, он кончает жизнь самоубийством. А к полуразрушенной могиле Азиса стекаются больные в надежде на исцеление, молятся, оставляют на ней обрывки своих одежд, надеясь вместе с ними оставить и болезни.

В основу рассказа лег обычай крымских татар – «азизлер» – посещение святых мест в дни народных и религиозных праздников. Часто подобными святыми местами становились могилы особо почитаемых мусульманских подвижников – азисов. По мнению верующих, азисы могут выступать в роли посредника и ходатая перед Всевышним, передавать просьбы людей Аллаху и исцелять от недугов.

Гробницы мусульманских святых посещали прежде всего в надежде на избавление от болезней. Страждущие обходили вокруг могилы, молились, клали на них или вязали на ближайшие деревья лоскуты одежд (как правило красного или зеленого цветов), оставляя вместе с ними и свои болезни. Иногда возле захоронений клали деньги, еду, мелкие дары. Если рядом был источник воды, то ему также приписывались сакральные свойства.

Азисами обычно становились правоверные, отличавшиеся добродетелью и совершившие паломничество в Мекку; как правило, шейхи. Смерть их была в большинстве случаев странной, неестественной, связанной с сакральными числами «три», «сорок» (святой мог после смерти трижды являться во снах трем разным людям (Салгир-баба), трижды бросать палку на гору, чтобы найти место для своей могилы (Кемал-Бабай), их появлению могло предшествовать убийство сорока людей во время молитвы (Кырк-азис) и т.п.). В исламе не принята практика канонизации

святых, а реально существовавший человек или мифический персонаж становился почитаемым по воле народных масс. Признание азисом совершалось после того, как несколько почтенных лиц (чаще всего в количестве трех человек) удостоверяли, что видели в ночь на пятницу на могиле подвижника зеленоватый свет божественного огня (то есть духа азиса, Нура) и что чудеса исцеления имели место быть в действительности. После этого священное место огораживали, чтобы его не топтали грешные люди и животные и ставили специальный зеленый значок. Территория вокруг захоронения считалась сакральной, становилась местом поклонения и не использовалась для хозяйственных нужд.

В Крыму подобных культовых мест было много, но среди них особо выделяется могила азиса, расположенная на одной из вершин Карадага – горе Святая. Именно об этом топосе идет речь в произведении В. А. Шуфа.

О первостепенной важности этого захоронения для крымских народов уже говорит сам ороним. Почитали его и христиане, и мусульмане. На Святой горе возносили моления как православные греки, армяне, болгары, так и крымские татары. Академик Паллас после путешествия по Крыму в 1793–1794 годах упоминал: «Впереди Кара-дага, на юге к морю, примечается высокая круглая гора, называемая Азиис; на ней был погребен по своему желанию духовный этого имени, приходивший сюда молиться, умерший в почитании святости; к его могиле татары ходят на поклонение» [16, с. 108]. В «Крымских очерках» С. Я. Елпатьевского (1913) описано, как в разгар лета со всего Крыма тянулись телеги с правоверными людьми на могилу святого в таком количестве, что у подножия горы образовывался целый табор. Люди подымались в гору вместе с муллой, всю ночь сидели кругом могилы, жгли костры и молились [1, с. 36].

О том, что могила святого человека одновременно и для христиан, и для мусульман находится на вершине горы возле Коктебеля указано также в отдельных путеводителях по Крыму рубежа XIX–XX веков (например, в книге «Крым. Очерки Крыма. Справочная: Путеводитель» под редакцией Н. И. Андрусова [5, с. 615]). Однако там нет подробного описания ни сакрального места (только упоминание о развешенных лоскутах ткани на ветвях кизила и береста, растущих

около могилы), ни указания дороги, по которой можно до него добраться. Туристам предлагалось только прогуляться до Кизиловой балки, расположенной возле Святой горы, и находящегося там источника. Очевидно, подразумевалось, что стороннему человеку там, во-первых, будет неинтересно и, во-вторых, нахождение его там неуместно.

Возможно, в попытке объяснить обряд, несвойственный ортодоксальному мусульманству, к XIX веку в окрестностях Карадага сложилась легенда, записанная впоследствии Н. А. Марксом под названием «Кемал-Бабай – Дедушка Кемал» и опубликованная в 1915 году. Согласно ей, Кемал-Бабай, мудрый старик, знавший Коран и побывавший в Мекке и Стамбуле, во время засухи предсказал людям горе от сильного дождя. Пророчество сбылось – поток воды унес с гор множество людей. Поделив между собой добро умерших, выжившие порадовались, что их не коснулось несчастье. За это укорил людей Кемал-Бабай, почувствовав, что уходит правда. Коктебельский мурзак (правитель-дворянин) запретил ходить к старику за советом деревенским людям, но осознав, что от него отворачивается вся деревня, решил подкупить Кемал-Бабая, а потом, поняв, что это невозможно, убил его. Умирая, мудрый старик попросил похоронить его на том месте, куда упадет брошенная им палка – на самой высокой горе Карадага, возле ручья. Спустя некоторое время по ночам люди начали замечать на могиле зеленый свет, потом стали совершаться чудеса: после посещения могилы Кемал-Бабая исцелялись люди с чистой душой, те, кто приходил к святому с правдой. Так объявили Кемал-Бабая азисом [15, с.19–21].

У В. Х. Кондараки мы, к сожалению, находим только упоминание подобной легенды. Автор опустил начало (если таковое было) и рассказал только о Кемал-Бабае, который в ответ на вопрос о том, где он желает быть погребенным, кинул палку в воздух. Палку нашли возле ручья, и сочли долгом исполнить желание Кемал-Бабая. «Все, верующие в милости этого азиса <...> находят около могилы целебный ручей, сокрушающий всякого рода недуги; кто же не верит, тот не видит ничего кроме камней» [3, с. 81].

Несомненно, В. А. Шуф, путешествуя по Крыму, не мог не услышать этих легенд, не узнать о татарском обычае поклонению азисам. Обращаясь к тексту

произведения, мы можем с достаточно полной уверенностью утверждать, что писатель не только побывал в окрестностях деревень Отузы, Коктебель, поднялся на Карадаг, но и присутствовал во время проведения таких обрядов. Свидетельством тому служат подробные описания местности и детальное изложение хода паломничества. Отдельные штрихи пейзажей при анализе произведения позволяют воссоздать место событий. Деревня, в которой жил главный герой, вероятнее всего, носит в реальности название Отузы: судя по тексту, она расположена возле Карадага, в котловине на берегу реки, что характерно было именно для этого населенного пункта. Упоминаемые В. А. Шуфом мечеть и живущие там татары только подтверждают это: Коктебель, находящийся по другую сторону горного массива, своего источника воды не имел (воду привозили), да и жили там преимущественно болгары и греки. Под словами «Серые скалы, походившие на грубые человеческие фигуры, высеченные из гранита <...>. Жутко было в этой безлюдной, дикой пустыне, населенной тысячами неведомых существ» [29, с. 13–14] скрывается, скорее всего, описание ущелья Гяур-Бах, известного своими скалами, обрывами, хаотическим смещением камней и острых пиков, а также тем, что в него сбрасывали неверных жен, рабов, от которых хотели избавиться. Из-за этого место, название которого переводится как «Сад неверных», пользовалось дурной славой.

К сожалению, о том, где именно, по мнению автора, находится могила азиса судить трудно. Если В. Х. Кондараки и Н. А. Маркс однозначно говорят о самой высокой вершине Карадага, то есть Святой горе, то В. А. Шуф упоминает только полуразрушенное захоронение в каменном кольце. Маршрут главного героя только добавляет вопросов: «... он поднялся по крутым горным уступам <...> виделись ему кругом тесные, высокие скалы, которые, как гранитные витязи в блестящих шлемах, сверкали голыми, остроконечными вершинами. Тропинка среди них вилась все уже и уже; наконец два огромных камня совсем преградили дорогу. Абдалла увидел между ними маленькое отверстие и прополз в него. Тогда перед ним открылась пустынная поляна, отовсюду окруженная кольцом серых утесов» [29, с. 11]. Подобной характеристике почти в точности соответствует хребет Хоба-Тепе с его высокими скалами и причудливыми фигурами выветривания.

Описание спрятанной поляны, окруженной утесами, напоминает так называемый Мертвый город, или Шайтан-Таш («Чертов камин»). Это пользующееся дурной славой внутреннее ущелье хребта, в которое возможно попасть только пройдя через узкий проем в скалах [10, с. 30]. К тому же недалеко от этого места находится ручей, упоминаемый писателем. Безусловно, мы понимаем, что это художественный текст, и вполне возможно, что писатель просто не счел нужным подробно описывать путь главного героя. Но учитывая фактографичность, свойственную творческому методу В. А. Шуфа, его постоянное внимание к деталям, знание (наверняка!) точного местонахождения захоронения, возникает вопрос: зачем автор «перемещает» могилу азиса со Святой горы в другое место, и тем более – в Мертвый город? К сожалению, мы не располагаем доступом к каким-либо материалам (черновикам этого произведения, дневниковым записям, письмам того времени и т.п.), которые бы могли внести ясность. Можно лишь предполагать, что это было сделано В. А. Шуфом для того, чтобы еще раз подчеркнуть чуждость и некоторую враждебность азиса человеку.

Важно отметить, что рассказ строится по типу романтической истории. Именно нищий горбун Абдалла, а не святой, как это могло показаться из названия, становится главным героем произведения. Таким образом, писатель смещает акценты, несколько нивелируя теоцентричную концепцию легенды и выдвигая на первый план человека и внезапное появление в его жизни чудесного.

Абдалла не сам приходит к могиле, он не совершает паломничества в надежде на исцеление, как это было принято. Наоборот, во время пути он не помнит себя, не различает сон и явь: Абдалла ведом «воздушными грезами, полными чар и обаяния теплой летней ночи» [29, с. 10], он, фактически, *околдован потусторонней силой*.

Путь главного героя к исцелению начинается от огромного столетнего дуба, похожего «на сгорбившегося старика и перегнувшегося своею зеленой вершиной на другую сторону маленькой речки, омывавшей его крепкие узловатые корни» [29, с. 8]. Место это пользуется дурной славой: «многие даже боялись проходить мимо него, уверяя, что из черного дупла его смотрят и светятся огненные очи шайтана и слышатся вздохи и стоны» [29, с. 8]. Пейзаж мрачен: автор упоминает

серебряную луну, красный столб света, далекие горы, темную долину, старый дуб. Подобное описание только подчеркивает чуждость и таинственность территории, где дерево выступает своеобразным порталом в иномирие. Такое представление о дубе не случайно и, думается, укоренилось в Крыму благодаря влиянию общеевропейских дохристианских и доисламских верований, воспринятых при формировании крымскотатарской народности от нетюркских народов, издревле населявших Крым. Дуб, выполняя множество функций как объект поклонения, в то же время служил объектом, на который символически переносили болезни: иногда там оставляли одежду больного, ленты и нитки. Дуб, стоявший на острове, горе, вблизи храма обозначал центр мира и сам мир и – вместе с тем – иномирие, пространство, где было единственно возможно разрешение кризисной ситуации, связанной с недугами [21].

Обряд, который совершает Абдалла, каноничен: он поднимается на Карадаг в один из главных религиозных праздников, находится в круге каменных монолитов у могилы святого, известного чудесами, молится на протяжении ночи и – даже – дает обет совершить хадж, оговаривая зарок. После этого происходит сказочная трансформация не только главного героя, но и пространства: профанное триединство «дуб, похожий на старика – зеленый цвет – небольшая речка» после обряда превращается в сакральное и каноничное «Азис – зеленый свет на его могиле – целебный ручей». Впоследствии, когда выясняется, что обет нарушен и главный герой не достоин исцеления, то есть чуда, Абдалла лишается всего, в том числе и доступа в этот иной, потусторонний мир. Происходит обратная трансформация: от сакрального к профанному.

Подобное преобразование «дуб → святой → дуб» уходит корнями в языческие культы. Именно под этими деревьями чаще всего проводили различные обряды, приносили жертвоприношения, давали клятвы, устраивали судилища. Это дерево считалось святым и ассоциировалось с богами: Зевсом, Артемидой – у греков, Юпитером – у римлян, Перуном – у древних славян, Тором – у древних германцев, Мелькартом – у финикийцев. У мусульман же чтили деревья, которые росли возле могил праведников. Одновременно с этим предполагалось, что дубы являлись местом обитания дриад, нимф, духов, джинов, под ними собирались ведьмы и колдуны.

Такой дуализм связан прежде всего с представлениями о дубе как мировом древе, оси мироздания, соединяющей нижний (преисподняя, ад), срединный (земля) и верхний (небо, рай) миры. Таким образом, трансформация «дуб → святой → дуб» не является исключительной, она – следствие органичного переплетения языческих, христианских и мусульманских верований в Крыму.

Сцена гибели главного персонажа на ветвях дуба имеет аналогичное происхождение. Смерть там даже во времена раннего христианства расценивалась как Божья кара, наказание за прегрешения и высшая справедливость. Абдалла – это герой, который не прошел испытание долгом, правдой, отказался от платы, *жертвы* за свое исцеление, а значит, заслуживает возмездия. Подтверждением этому служат слова, которые вспоминает Абдалла, увидев ангелов: «Не отворятся двери небес для тех, кто считал за ложь знамение пророка. Они не войдут в сад. Огненная геенна будет их ложем, и пламя бурным потоком потечет над ними. Они узнают наказание, достойное дел их!» [29, с. 21]. Этот мотив неотвратимости наказания за отказ жертвоприношения потустороннему миру характерен для большинства архаичных легенд подобного рода, но практически нивелирован у Н. А. Маркса.

Образ могилы азиса, ее свечение зеленым цветом почти одинаково представлены и у Н. А. Маркса, и у В. А. Шуфа. Авторы сохраняют и неприменную атрибутику образа крымскотатарского праведника: зеленый свет и источник воды, расположенный возле могилы. Однако образ святого писатели интерпретируют по-своему. Если обратиться к легендам, записанным Н. А. Марксом и В. Х. Кондораки, то там азис предстает перед читателем как уважаемый *человек*, борющийся за правду. Это мудрый праведник, хаджи (то есть совершивший паломничество в Мекку и исполнивший долг истинного мусульманина), который даже после смерти помогает соотечественникам: или самостоятельно избавляет страждущих от недугов (у Н. А. Маркса), или дает возможность найти целебный ручей (у В. Х. Кондораки). Для этого человек должен был только искренне верующим, обладать высокими моральными качествами. Потому имя азиса – Кемал-Бабай – в силу его мудрости и значимости для татарского народа помнят много лет спустя.

В рассказе В. А. Шуфа азис имеет двойственную природу: с одной стороны, он жалеет главного героя, а потому помогает и исцеляет; с другой – околдовывает, в конце произведения – пугает, наказывает, лишает сокровенного. Он появляется в виде *призрака*, то есть представителя *потусторонних сил*, настроенной к людям по умолчанию отрицательно и требующей обязательной платы за свою помощь. При этом если не получает обещанного, то мстит, жестоко наказывая. У него нет имени, только название по принадлежности к сверхъестественному – Азис. Именно поэтому, на наш взгляд, автор пишет это слово с прописной буквы. Парадоксально, но обращение к святому у В. А. Шуфа, если иметь в виду европейскую фольклорную и литературную традиции, напоминает скорее сделку с дьяволом, пусть в качестве платы и выступает благое деяние – паломничество в Мекку.

Впрочем, на наш взгляд, именно следование западноевропейскому романтическому канону становится причиной смещения смысловых акцентов в произведении. В юности В. А. Шуф увлекался творчеством И. Гете, А. Рембо, Г. Гейне, Вольтера, В. Гюго. В дневниковых записях можно найти упоминание, что писатель даже брал с собой в дальние поездки бюст Гейне [32]. Безусловно, это не могло не отразиться на его творческой манере: почти вся ранняя лирика В. А. Шуфа (особенно если говорить о первой редакции сборника «Крымские стихотворения») наполнена трагизмом, разочарованием и ощущением одиночества, свойственными романтизму. Однако и позднее автор возвращался к западноевропейской литературе: например, в сборнике «В край иной» можно найти сонет «Notre Dame de Paris».

Думается нам, что интерес В. А. Шуфа к крымско-татарским легендам был связан в том числе и с его увлеченностью книгами писателей-романтиков. Потому не удивительно, что автор при работе над «Могилой Азиса», фактически, своим первым прозаическим сборником, обращается к ярким приемам художественной западноевропейской литературы. Использование сна как особого композиционного приема, при котором остаются размытыми границы реального и фантастического, характерное для лирики Г. Гейне; презираемый всеми главный герой-горбун, способный на высокие чувства, как у В. Гюго; противоречивый образ потусторонней

силы, исполняющей желания, представленный у И. Гете; трагическое разрешение конфликта, свойственное романтической традиции, – все это, как нам представляется, легло на канву крымско-татарской легенды о Кемал-Бабае и таким образом способствовало возникновению произведения, отличного от канонного предания. Не следует игнорировать и тот факт, что тема несчастной любви, трагическое мироощущение, разрыв между идеалом и действительностью были гораздо ближе молодому писателю, тяжело переживавшему разлуку с отчим домом и невестой, чем нравоучительный рассказ о святом. Мы считаем, что именно в связи с этими причинами В.А. Шуф пошел на смещение смысловых акцентов в фольклорном тексте крымских татар и создал отдельное произведение на основе легенды.

ВЫВОДЫ

Таким образом, использование описательного, сравнительно-сопоставительного, биографического методов исследования показало, что легенда об азисе, мусульманском святом, в интерпретации В. А. Шуфа претерпевает резкую трансформацию. Фактически перед читателем предстает отдельное художественное произведение, созданное на основе легенды и написанное под влиянием западноевропейских литераторов-романтиков. Однако несмотря на это, рассказ В.А. Шуфа «Могила Азиса» сохраняет национальный колорит, что достигается использованием крымскотатарской лексики, описанием подробностей жизни татарского народа, их обычаев, верований, а также достаточно точным изображением крымского топоса.

Результаты и выводы предпринятого исследования расширяют научное представление о В. А. Шуфе и его творческом наследии и в то же время обозначают дальнейшие перспективы исследования его лирических и прозаических произведений, основанных на крымскотатарском фольклоре, подтверждают необходимость продолжения архивно-библиографических розыскных работ.

Список литературы

1. Елпатьевский, С. Я. Крымские очерки. Год 1913-й / С. Я. Елпатьевский. – Феодосия: Коктебель, 1998. – 143 с.
2. Ивакин, Ю. Г. Священный дуб языческих славян / Ю. Г. Ивакин // Советская этнография. – 1979. – № 2. – С.31–47.
3. Кондараки, В. Х. Универсальное описание Крыма / В. Х. Кондараки. В 17 ч. – С.-Петербург, 1875. – Ч. 12. – 1875. – 90 с.
4. Кондараки, В. Х. Универсальное описание Крыма / В. Х. Кондараки. В 17 ч. – С.-Петербург, 1875. – Ч. 13. – 1875. – 151 с.
5. Крым: Ч. 1, Ч. 2. Очерки Крыма. Справочная: Путеводитель [Электронный ресурс]. – Симферополь, 1914. – VIII, 688 с. – Режим доступа: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01004190969#?page=1> (дата обращения 16.12.2019).
6. Кудрявцев, В. И. Шуф. Попытка литературного расследования. Книга I / В. И. Кудрявцев. – СПб.: Реноме, 2011. – 132 с.
7. Кудрявцев, В. И. Шуф. Попытка литературного расследования. Книга II / В. И. Кудрявцев. – СПб.: Реноме, 2014. – 176 с.
8. Кудрявцев, В. И. Шуф. Попытка литературного расследования. Книга III / В. И. Кудрявцев. – СПб.: Реноме, 2017. – 160 с.
9. Кудрявцев, В. И. Шуф. Попытка литературного расследования. Книга IV / В. И. Кудрявцев. – СПб.: Реноме, 2018. – 248 с.
10. Купченко, В. П. Кара-Даг / В. П. Купченко. – Симферополь, 1968. – 64 с.
11. Курьянов, С. О. Миф о Крыме как о восточной мусульманской стране в повестях Азовского цикла (XVII век) / С. О. Курьянов // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки, 2015. – Т. 1 (67). № 4. – С. 53–61. – Режим доступа: <http://sn-philol.cfuv.ru/wp-content/uploads/2017/02/009kuryanov.pdf> (дата обращения 17.12.2019).
12. Лашков, Ф. Ф. Третья учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии [Электронный ресурс] / Ф. Ф. Лашков. – Симферополь, 1890. – 256 с. – Режим

- доступа: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003658151#?page=127> (дата обращения 17.12.2019).
13. Ливицкая, З. Г. В поисках Ялты. Записки музейщика / З. Г. Ливицкая. – Симферополь: Н.Орианда, 2013. – 247 с.
 14. Ливицкая, З. Г. На границе с Ливадийским именем / З. Г. Ливицкая // Романовы и Крым: материалы науч. конф. в Ливадийском дворце-музее 2007–2008 гг. – Симферополь: АНТИКВА, 2010. – С. 50–57.
 15. Маркс, Н. А. Легенды Крыма. – 2-е изд, 2 вып. – М., 1915. – 64 с.
 16. Паллас, П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах / П. С. Паллас. – М.: Наука, 1999. – 246 с.
 17. Петрунина, А. Е. Творчество В. А. Шуфа в оценке современников / А. Е. Петрунина // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки, 2018. – Т. 4 (70). № 3. – С 252–270. – Режим доступа: <http://sn-philol.cfuv.ru/wp-content/uploads/2019/02/016petrunina.pdf> (дата обращения 12.12.2019).
 18. Пятков, Г. И. Вернувшийся из забвения: Владимир Шуф и его судьба / Г. И. Пятков // Черное море. – 2003. – № 1.
 19. Пятков, Г. И. Возвращение Владимира Шуфа / Г. И. Пятков // Крымская газета. – 2003. – 7 февр.
 20. РГАЛИ. Ф. 1624, оп. 1, ед. хр. 252. Шуф (Борей) Владимир Александрович. Анкета.
 21. Рыбаков, Б. А. Язычество Древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М.: Наука, 1988. – 784 с.
 22. Титова, Н. С. К вопросу о диалоге В. А. Сумбатова с В. А. Шуфом [Электронный ресурс] / Н. С. Титова // Вопросы русской литературы, 2015. – № 3 (33). – С. 85–104. – Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_26569118_44411599.pdf (дата обращения 12.12.2019).
 23. Титова, Н. С. Образ революции в творчестве В. А. Сумбатова: диалог с В. А. Шуфом и А. А. Блоком / Н. С. Титова // Русская революция 1917 года в литературных источниках и документах. – М.: ИМЛИ РАН, 2017. – С. 132–142.

24. Титова, Н. С. Роль интертекста в творчестве поэта Серебряного века В. А. Шуфа [Электронный ресурс] / Н. С. Титова // Текст, контекст, интертекст: Сборник научных статей по материалам Международной научной конференции XV Виноградовские чтения (г. Москва, 3–5 марта 2018 г.): [В 3 т.]. – Т. 2: Русская литература. История. Междисциплинарные гуманитарные проблемы. – М.: Книгодел; МГПУ, 2019. – 476 с. – С. 59–67. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37249107> (дата обращения 12.12.2019).
25. Шалюгин, Г. А. Крымские реалии в поэме В. Шуфа «Баклан» / Г. А. Шалюгин // 175 лет Керченскому Музею древностей: материалы международной конференции, 27–29 июля 2001 г. Керчь, 2001. – С. 182–185.
26. Шалюгин, Г. А. «Лежит близ моря Балаклава...» Крещенский обряд балаклавских греков в зеркале русской литературы / Г. А. Шалюгин // Севастополь: Лит.-ист. альм. Севастополь, 2001. – № 14. – С. 213–225.
27. Шалюгин, Г. А. Мудрые звери. Крещенский обряд балаклавских греков в зеркале русской литературы / Г. А. Шалюгин // Брега Тавриды. – 2003. – № 6.
28. Шуф В. А. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://v-shuf.narod.ru/> (дата обращения 12.12.2019).
29. Шуф, В. А. Могила Азиса: Крымские легенды и рассказы. – Санкт-Петербург: т-во экон. тип.-лит. Панфилова и Палибина, 1895. – XII, 368 с.
30. Шуф, В. А. Крымские стихотворения / В. А. Шуф. – М., 1890. – VI, 141 с.
31. Шуф, В. А. Крымские стихотворения / В. А. Шуф. – 2-е изд., доп. – Санкт-Петербург, 1898 (обл. 1899). – VI, 141 с.
32. Ялтинский историко-литературный музей. – НП 89530. – Д – 6977.
33. Аблаєва, А. Т. Кримськотатрський світ у художньому нарисі Михайла Коцюбинського «В патах шайтана» / А. Т. Аблаєва // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки, 2015. – Т. 1 (67). № 3. – С. 23–29. – Режим доступа: <http://sn-philol.cfuv.ru/wp-content/uploads/2017/02/003ablaeva.pdf> (дата обращения 12.12.2019).
34. Гуменюк, О. М. Особливості художнього осягнення кримськотатарських реалій в ранній прозі М.Горького (на прикладі оповіді «Умі» з диптиху «Кримсткі ескізи»)

/ О. М. Гуменюк // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки, 2015. – Т. 4 (70). № 4. – С. 43–55. – Режим доступа: <http://sn-philol.cfuv.ru/wp-content/uploads/2019/03/004gumenyuk-o.pdf> (дата обращения 12.12.2019).

References

1. Elpat'evskii S. Ya. *Krymskie Ocherki. God 1913-i*. [Crimean Essays. 1913 Year]. Feodosiya: Koktebel', 1998. 143 p.
2. Ivakin Yu. G. *Svyashchennyi Dub Yazycheskikh Slavyan* [Sacred Oak of Pagan Slavs]. *Sovetskaya Etnografiya*, 1979, № 2, pp. 31–47.
3. Kondaraki V. H. *Universal'noe Opisanie Kryma* [Universal Description of the Crimea]. St. Petersburg, 1875, Vol. 12, 90 p.
4. Kondaraki V. H. *Universal'noe Opisanie Kryma* [Universal Description of the Crimea]. St. Petersburg, 1875, Vol. 13, 151 p.
5. *Kрым: Vol. 1, Vol. 2. Ocherki Kryma. Spravochnaya: Putevoditel'* [Essays about the Crimea. Referential Travel Guide]. Simferopol, 1914. VIII, 688 p. Available at: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01004190969#?page=1> (accessed 16 December 2019).
6. Kudryavtsev V. I. *Shuf. Popytka Literaturnogo Rassledovaniya. Kniga I* [V. I. Shuf. Attempt of the Literary Investigation. Book I]. St. Petersburg: Renome Publ., 2011. 132 p.
7. Kudryavtsev V. I. *Shuf. Popytka Literaturnogo Rassledovaniya. Kniga II* [V. I. Shuf. Attempt of the Literary Investigation. Book II]. St. Petersburg: Renome Publ., 2014. 176 p.
8. Kudryavtsev V. I. *Shuf. Popytka literaturnogo rassledovaniya. Kniga III* [V. I. Shuf. Attempt of the Literary Investigation. Book III]. St. Petersburg: Renome Publ., 2017. 160 p.
9. Kudryavtsev V. I. *Shuf. Popytka literaturnogo rassledovaniya. Kniga IV* [V. I. Shuf. Attempt of the Literary Investigation. Book IV]. St. Petersburg: Renome Publ., 2018. 248 p.
10. Kupchenko V. P. *Kara-Dag* [Kara-Dag]. Simferopol, 1968, 64 p.

11. Kuryanov S. O. *Mif o Kryme kak o vostochnoj musul'manskoj strane v povestiyah Azovskogo cikla (XVII vek)* [The myth of the Crimea as the eastern muslim country in Stories of Azov cycle (XVII century)]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2015. Vol. 1 (67). № 4, pp. 53–61. Available at: <http://sn-philol.cfuv.ru/wp-content/uploads/2017/02/009kuryanov.pdf> (accessed 17 December 2019).
12. Lashkov F. F. *Tret'ya Uchebnaya Jekskursiya Simferopol'skoi Muzhskoi Gimnazii* [Third Study Tour of Simferopol Men's Gymnasium]. Simferopol, 1890, 256 p. Available at: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003658151#?page=127> (accessed 17 December 2019).
13. Livitskaya Z. G. *V Poiskakh Yalty. Zapiski Muzeishchika* [In Search of Yalta. The Museum Worker's Notes]. Simferopol: N.Orianda Publ., 2013. 247 p.
14. Livitskaya Z. G. *Na Granitse s Livadiiskim Imeniem* [On the Border with the Name of Livadiya]. *Romanovy i Krym: Materialy Nauchnoi Konferentsii v Livadiiskom Dvortse-Muzee 2007–2008 gg.* Simferopol: ANTIKVA Publ., 2010, pp. 50–57.
15. Marks N. A. *Legendy Kryma* [Crimean Legends]. Moscow, 1915. 64 p.
16. Pallas P. S. *Nablyudeniya, Sdelannye vo Vremya Puteshestviya po Yuzhnym Namestnichestvam Russkogo Gosudarstva v 1793–1794 Godakh* [Observations Made During a Trip to the Southern Governorships of the Russian State in 1793–1794]. Moscow: Nauka Publ., 1999. 246 p.
17. Petrunina, A. E. *Tvorchestvo V. A. Shufa v ocenke sovremennikov* [Creativity Of V. A. SHUF in the assessment of contemporaries]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2018. Vol. 4 (70). № 3, pp. 252–270. Available at: <http://sn-philol.cfuv.ru/wp-content/uploads/2019/02/016petrunina.pdf> (accessed 17 December 2019).
18. Pyatkov G. I. *Vernuvshiysya iz Zabveniya: Vladimir Shuf i Yego Sud'ba* [Returned from Oblivion. Vladimir Shuf and His Fate]. *Chernoje More*, 2003, № 1.
19. Pyatkov G. I. *Vozvrashchenie Vladimira Shufa* [Return of Vladimir Shuf]. *Krymskaya Gazeta*, 2003, 7 February.

20. The Russian State Archive of Literature and Arts. F. 1624, In. 1, storage unit. 252. Shuf (Borei) Vladimir Aleksandrovich. Anketa.
21. Rybakov B. A. *Yazychestvo Drevnei Rusi* [Paganism of Ancient Russia]. Moscow: Nauka Publ., 1988. 784 p.
22. Titova N. S. *K Voprosu o Dialoge V. A. Sumbatova s V. A. Shufom* [On the Question of the Dialogue between V. A. Sumbatov and V. A. Shuf]. *Voprosy Russkoi Literatury*, 2015, №3 (33), pp. 85–104. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_26569118_44411599.pdf (accessed 12 December 2019).
23. Titova N. S. *Obraz Revolyutsii v Tvorchestve V. A. Sumbatova: Dialog s V. A. Shufom i A. A. Blokom* [The Image of the Revolution in the Works of V. A. Sumbatov. Dialogue with V. A. Shuf and A. A. Blok]. *Russkaya Revolyutsiya 1917 Goda v Literaturnykh Istochnikakh i Dokumentakh*. Moscow: A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Science Publ., 2017, pp. 132–142.
24. Titova N. S. *Rol Interteksta v Tvorchestve Poeta Serebryanogo Veka V. A. Shufa* [The Role of Intertext in the Work of the Silver Age Poet V. A. Shuf]. *Tekst, Kontekst, Intertekst: Sbornik Nauchnykh Statei Po Materialam Mezhdunarodnoi Nauchnoi Konferentsii XV Vinogradovskie Chteniya (g. Moskva, 3–5 Marta 2018 g.)*, Vol. 2: *Russkaya Literatura. Istoriya. Mezhdistsiplinarye Gumanitarnye Problemy*. Moscow: Knigodel Publ., 2019, pp. 59–67. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37249107> (accessed 12 December 2019).
25. Shalyugin G. A. *Krymskie Realii v Poeme V. Shufa Baklan* [Crimean Realities in V. Shuf's Poem Cormotant]. *175 Let Kerchenskomu Muzeyu Drevnostei: Materialy Mezhdunarodnoi Konferentsii, 27–29 Iyulya 2001*, Kerch, 2001, pp. 182–185.
26. Shalyugin G. A. *Lezhit Bliz morya Balaklava... Kreshchenskii Obryad Balaklavskikh Grekov v Zerkale Russkoi Literatury* [Balaklava Lies Near the Sea... The Epiphany of the Balaklava Greeks in the Mirror of Russian Literature]. Sevastopol, 2001, № 14, pp. 213–225.

27. Shalyugin G. A. *Mudrye Zveri. Kreshchenskii Obryad Balaklavskikh Grekov v Zerkale Russkoi Literatury* [Wise Beasts. The Epiphany of the Balaklava Greeks in the Mirror of Russian Literature]. Brega Tavridy, 2003, № 6.
28. Shouf V. A. [Shouf V. A.]. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37249107> (accessed 12 December 2019).
29. Shouf V. A. *Mogila Azisa. Krymskie Legendy i Rasskazy* [Azis's Tomb. Crimean Legends and Stories]. St. Petersburg: Panfilov and Palibin's Typography, 1895, XII, 368 p.
30. Shouf V. A. *Krymskie Stikhotvoreniya* [Crimean Poems]. Moscow, 1890, VI, 141 p.
31. Shouf V. A. *Krymskie Stikhotvoreniya* [Crimean Poems]. St. Petersburg, 1898 (cover 1899), VI, 141 p.
32. *Yaltinskii Istoriko-Literaturnyi Muzei* [Historical and Literary Museum in Yalta]. – NP 89530. – D – 6977.
33. Ablayeva, A. T. *Krims'kotatars'kij svit u hudozhn'omu narisi Mihajla Kocyubins'kogo «V patah shajtana»* [The world of crimean tatars in the fiction essay by Mykhaylo Kotsiubynsky «In the chains of devil»] *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2015. Vol. 1 (67). № 3, pp. 23–29. Available at: <http://sn-philol.cfuv.ru/wp-content/uploads/2017/02/003ablaeva.pdf> (accessed 17 December 2019).
34. Humeniuk O. M. *Osoblivosti hudozhn'ogo osyagnennya krims'kotatars'kih realij v rannij prozi M.Gor'kogo (na prikladi opovidi «Umi» z diptihu «Krimstki eskizi»)* [The peculiarities of the artistic comprehension of crimean tatars realia in M. Gorky early prose (on the material of shot story «Umi» from the cycle «Crimean sketches»)] *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2015. Vol. 4 (70). № 4, pp. 43–55. Available at: <http://sn-philol.cfuv.ru/wp-content/uploads/2019/03/004gumenyuk-o.pdf> (дата обращения 12.12.2019).

THE LEGEND OF THE AZIS IN THE INTERPRETATION OF V. A. SHUF

Zhavoronkova A. E.

The creative heritage of V. A. Shuf (1865-1913), a forgotten Russian poet, prose writer, translator and publicist, who lived at the turn of the XIX–XX centuries, still remains poorly studied. The proposed article is the first attempt to consider V. A. Shuf as one of the first collectors and translators of Crimean Tatar folklore. The aim of the work is to expand the scientific understanding of V. A. Shuf and his creative heritage by referring to the translations of Crimean Tatar folklore (on the example of the analysis of the work "Grave of Azis", published in the book of the same name by V. A. Shuf (1895)). The article draws Parallels with the legends recorded By N. A. Marx and V. H. Kondaraki (in particular, "Kemal-Babai-Grandfather Kemal"), "Crimean essays" by S. Y. Elpatyevsky. Based on descriptive, comparative, biographical methods, the peculiarities of translations of Crimean Tatar folklore were revealed. The results and conclusions of surveys have been undertaken to expand the scientific understanding of the V. A. Shufeh and his creative heritage and, at the same time, outline further prospects for the study of his lyrical and prose works based on the Crimean Tatar folklore, confirm the need to continue archival and bibliographic search works.

Keywords: V. A. Shuf, N. A. Marx, V. H. Kondaraki, Crimean legends, Karadag, Crimea, Russian literature.

УДК 81'373.612.2

**СМЫСЛООБРАЗУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ МЕТАФОРЫ «ЧЕЛОВЕК – ЗВЕРЬ»
В РОМАНЕ Б. ПОПЛАВСКОГО «ДОМОЙ С НЕБЕС»**

Луговая Н. В.

**ФГБОУ ВО «Ростовский государственный университет путей сообщения»,
Ростов-на-Дону, Россия
E-mail: kondova@mail.ru**

Б. Поплавский в романе «Домой с небес» показал проблему духовного выбора человека и его взаимоотношений с Богом на примере главного героя произведения. Писатель попытался разрешить этот вопрос не только посредством сюжетной линии, но и за счет лексического строя произведения, который обусловлен метафорой «человек – зверь». Животрепещущая тема неоднократно вовлекает читателя в немой диалог, касающийся человеческого самоопределения в жизни. Б. Поплавский, проводя тонкую грань между духовным и телесным восприятием любви, стремился донести до адресата первостепенность небесной сферы над земной, чему и способствует исходная метафора.

Метафора «человек – зверь», включающая ряд подполей: названия видов животных; повадки и действия зверей; части тела животных, а также слова с семой 'зверь', отражает многочисленные преобразования главного героя и его возлюбленной. Причиной таких перевоплощений является смена парадигмы взаимоотношений между ними или изменение их внутреннего состояния (грехопадение или духовное прозрение). Приверженность героев земному или небесному пространству воплощается сравнениями с уже конкретными животными, которые в тексте могут приобрести уникальное авторское видение, разнящееся с традиционным представлением о звере.

Ключевые слова: метафора «человек – зверь», домой с небес, орнаментальная проза, литература русского зарубежья, русская литература первой волны эмиграции

ВВЕДЕНИЕ

Большинство неординарных и самобытных произведений русской литературы двадцатого столетия были сокрыты от читателей несколько десятилетий из-за политических установок советского строя. В первую очередь это относится к эмигрантской литературе, в частности, к творчеству младоэмигрантов первой волны, одним из представителей которой был поэт и прозаик Б. Поплавский. Он прожил немного, и поэтому его творческий путь составил всего десятилетие, с 20-е по 30-е годы прошлого века. Однако известность Б. Поплавский получил только после смерти, когда в конце 90-х годов XX столетия его произведения были разархивированы, а в первое десятилетие XXI века изданы. Именно это вызвало в последнее время интерес филологов к его творчеству.

Однако интерес исследователей несколько лет был сфокусирован только на отдельных сочинениях Б. Поплавского, в частности, на романе «Аполлон Безобразов» [1, 2, 3 и др.]. По этой причине последний роман писателя «Домой с небес» был практически не изучен и упоминался лишь вскользь [4, 2, 3 и др.]. Может быть, это обусловлено простой сюжетной линией произведения или его местом в творчестве Б. Поплавского – «Домой с небес» несколько выделяется по форме из общей стилистики автора. Неординарная структура произведения в определенной степени связана с предпосылками эпохи модернизма, в контексте которой росла и развивалась творческая личность Б. Поплавского. Целью этого направления было свержение старых канонов в искусстве и утверждение иной парадигмы, в том числе и в языке (манифесты Ф. Т. Маринетти, А. Бретона и др.).

Реформаторы пришли к заключению, что новое время обусловило возникновение нового мировоззрения, которое не может быть в полной мере реализовано посредством старых приемов. Вдохновившись идеями авангардистов и пристально изучив принципы неклассической философии (Ф. Ницше, А. Шопенгауэр и др.), а также мистические религиозные учения, в том числе каббалу, Б. Поплавский начинает экспериментировать с языком прежде в поэзии, а затем и в прозе. Отметим, что его неоднократно критиковали за несовершенство формы произведений, однако в результате эти попытки привели к созданию оригинального орнаментального произведения – романа «Домой с небес», который объединил языковые особенности как прозы, так и поэзии.

Форма данного произведения позволяет предположить, что тексту со сложной языковой структурой необходим лингвистический анализ, в основе которого будет заложено вычленение определенных – эстетически значимых – языковых единиц. Именно такой подход предоставит возможность декодировать философскую концепцию произведения, спрятанную в сложной языковой ткани. В результате лингвистический анализ романа расширит его интерпретационный потенциал и поможет проникнуть в суть. **Цель** настоящего исследования – доказать необходимость применения метафоры «человек – зверь» как одной из эстетически значимых единиц при анализе произведения Б. Поплавского «Домой с небес».

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Одной из важных составляющих художественного мира романа «Домой с небес» является развернутая метафора «человек – зверь», которая, в свою очередь, включает следующие подполя: обозначение разновидностей животных; действия и привычки зверей; части тела животных; использование слов с семой 'зверь' (например, *зверь*, *животное*, *скот*). Согласно контекстуальному признаку, обозначенная метафора относится к незамкнутым, поскольку в романе имеются ключевые слова, позволяющие «отгадать» ее [5, с. 148]. В тексте также встречаются слова-параметры, входящие в состав «звериной» метафоры, которые помогают создать образ благодаря яркому лексическому наполнению. Кроме того, данная метафора считается живой (согласно степени целостности внутренней формы), потому что слово-параметр порождает в сознании человека определенный чувственный образ, который можно дополнить [6, с. 227]. Например, метафора *ее львиные волосы* имеет слово-параметр *львиные*, которое мгновенно пробуждает в воображении читателя образ женщины-хищницы, обладающей императорскими повадками, так как лев считается царем зверей.

В данной статье будут рассмотрены «животные» образы главного героя (Олега) и его возлюбленной (Тани). Система зооморфных образов в романе выстраивается согласно концепции «хищник – жертва»: каждый герой в зависимости от своего внутреннего состояния и духовного развития может поочередно соотноситься с разными представителями плотоядных или травоядных зверей. Сравнение с хищниками говорит о духовной стойкости, жесткости или порой даже жестокости, доминировании и хладнокровии; сопоставление с жертвами повествует о внутренней слабости, постоянных сомнениях, потерянности и созависимости. Перемены в отношениях героев ведут к изменению животных образов.

Актуализация «звериной» метафоры происходит в первых главах романа при описании отдыха героев на море. Животный образ Тани формируется уже тогда. Звериная натура девушки, проявляющаяся как во внешности, так и в повадках,

характере, притягивает и завораживает Олега. Его отношение к возлюбленной отчасти напоминает поклонение языческим божествам, например, сверхъестественным существам из мифологии Древнего Египта, которые имели человеческие тела и звериные головы. Олег чувствует в Тане сильную хищницу, которая может противостоять ему и даже уничтожить его. Главный герой неоднократно подчеркивает животное естество девушки: «<...> и тогда желание поцеловать мгновенно превращалось почти в ненависть и чуть не в желание ударить это грубо-совершенное, так таинственно **животное** лицо» [7, с. 239]. Ее жестикация также отсылает к зверям: «<...> такие совершенные **звериные** и точные **движения** поражали его прямо в сердце» [7, с. 275]. Однако героиня не только внешне, но еще и по характеру напоминает животных. На это указывают универсальные лексемы *зверь, звериный, по-звериному*. Так, например, Таня «**по-звериному** молчалива и скрытна» [7, с. 264], и для главного героя, не понимающего ее, это черта характера становится убийственной. Кроме того, девушка, осознавая собственное превосходство над несчастным Олегом, «**со звериным удивлением**» [7, с. 368] в определенный момент приходит к заключению, что молодой человек больше не является ее рабом и перестает ей подчиняться.

Однако поначалу дикая мощь героини обезоруживает Олега, и поэтому он не может справиться с ней ни физически, ни духовно. В результате герой предстает на курорте в образе израненного зверя, который регулярно забивается в угол: «Олег почувствовал себя в фокусе электрического глаза и дико, **как пойманный зверь**, уставился в него» [7, с. 268]; «<...> он **выл**, плакал, бросался на землю, но чаще всего это было тяжелое оцепенение какого-то недоумения» [7, с. 276]; «<...> с горьким наслаждением зарывшись **мордой** в пыль, едя, жуя, царапая пыль, **завыл, забился**, с наслаждением, симулируя, мимируя, повторяя, разрешаясь **в эпилептическом припадке слез**» [7, с. 286]. Надломленность и безысходность подчеркивает атрибутив *пойманный* в сравнении *как пойманный зверь*. Градационный ряд *выл, плакал, бросался* показывает эмоциональный накал, происходящий в душе Олега. Ряды однородных обстоятельств (*едя, жуя, царапая; симулируя, мимируя, повторяя,*

разрешаясь) и сказуемых (*завыл, забился*) передают безнадежное состояние героя, вызванное нестерпимой болью.

Слабость Олега, как внутренняя, так и внешняя, воплощается в сравнении героя с животным, который загнан в клетку. Молодой человек еще не один раз будет биться в припадках боли, рычать и выть. Так, в определенный момент положение главного героя сопоставляется с участью незащитного быка, которого в ближайшее время должны принести в жертву: *«Как бык на заклание, явился он к Тане, и она унизительно-покровительственно повела его в Сен-Троpez к автобусу»* [7, с. 288]. Данное сравнение подтверждает мысль о том, что в образе Тани присутствуют черты языческого божества: бык в таком случае воплощает преданность влюбленного, который готов пожертвовать всем, даже собственной жизнью ради любимой. Однако мучения Олега не пробуждают в Тане сочувствия, поскольку омерзительны ей. Превосходство и победа над другим зверем позволяют хищнице отослать несчастную жертву обратно в Париж, чтобы Олег не мешал девушке при выяснении отношений с другим мужчиной.

Но возвращение в город не преобразило героя, и он продолжает быть страдальцем: *«<...> он, буквально дрожа, как овца, ведомая на заклание, входил в подъезд, как в пасть адова»* [7, с. 370]. Олег сопоставляется с овцой, и это сравнение становится очень символичным. Традиционно образ данного животного вызывает в человеческом сознании определенные коннотации: «безобидность, кротость, пассивность, терпение, простота, невинность, жертвенность. В Библии также упоминаются <...> отличительные черты овцы: боязливость, кротость и беспомощность овец, отставших от стада. В христианстве овцы олицетворяют паству Христа, верующих и апостолов» [8, с. 188]. В результате можно провести параллель между верующим и ранним главным героем и жертвенной овцой. Отметим, что Олег осознанно решает на греховное существование, которое воплощено в образе возлюбленной и ее дома (подъезд – пасть адова).

Помимо главного героя, на себя примеряет образ конкретных зверей и его возлюбленная. Поначалу девушка предстает сильной и жестокой хищницей, которая способна съесть слабохарактерного Олега: *«И какой за нею стелется лисий, песий*

запах. Идет и хвостом за собою следы замечает. Толстая лиса Патрикеевна с татарскими глазами. Нет, не тебе меня съестъ» [7, с. 254]. Однако молодого человека это не отталкивает, а, наоборот, привлекает в Тани. Ее животное естество воплощает развернутая метафорическая картина, которая включает фольклорный перифраз *лиса Патрикеевна*, а также ряд деталей, отсылающих к образу лисы: запах, хвост, повадки. Отметим, что хвост лисы-Тани в тексте имеет нейтральные коннотации, в отличие от эпитетов *лисий*, *песий*, которые обозначают запах и вызывают отрицательные ассоциации. Оба эпитета имеют подчеркнутую общность звукового облика: гомеология с аллитерацией – присутствует общий согласный *с* в разных корнях, а также есть повтор флексий; наблюдается равное количество слогов и мягкость согласных. Все это утверждает и максимально усиливает неприятные для человеческого обоняния ассоциации. Однако в случае с Олегом данные эпитеты показывают его преклонение перед животным естеством героини. Такой звериный образ Тани ассоциируется с лисой из восточнославянской народной сказки «Колобок». В произведении сказочно-метафорическая картина развертывается, проецируясь на взаимоотношения героев, и трансформирует Олега в обманутого колобка, которого проглотил хитрый зверь – Таня.

Девушка также сопоставляется и с другими хищными животными, например, со львом и медведем. В этих случаях подчеркивается ее физическая мощь. Сравнение Тани с хищниками, которые обычно относятся к героям-мужчинам, можно объяснить стремлением автора показать ее доминирование. Кроме того, львиная натура девушки подчеркивает ее привилегированное, царское положение и, как результат, высокомерное отношение к окружающим: *«Словами "память, дружба, цыгане, сумерки" они отделяли себя от Тани и ее львиного хамства, не помнящего родства»* [7, с. 346]. Однако образ царя зверей проявляется не только в поведении, но и в облике Тани: *«Волосы ее, золотые, львиные, низко свешиваясь, касаются его лица, от них пахнет дешевым одеколоном, мылом, здоровьем, вареньем, табаком»* [7, с. 371]. Даже дача, которую арендует девушка на курорте, подчеркивает ее львиную натуру: *«<...> он, как к львиной клетке, подходил к даче и стучал в окно, не получая ответа»* [7, с. 264].

Медвежьи черты в образе Тани воплощают ее силу и жестокость: «<...> она, рядом с их узкоплечей бледнолицестью, казалась медведем, попавшим в метро; Это тебе не Таня, медвежья лапа...» [7, с. 345]. Но внешняя мощь девушки временами отходит на второй план, и появляется грациозная, нежная и смиренная кошка: «<...> Таня перекочевала на диван и, поджав ноги, по-русски с ногами устроившись, замурлыкала за облаками дыма» [7, с. 371]. Подробнее образы медведя и кошки описаны нами в другой статье².

Однако на свидании с Олегом Таня перевоплощается не только в кошку, но и в лошадь: «<...> лениво погарцевав перед зеркалом и надушив ушные мочки, губы и тяжелую грудь, Таня перекочевала на диван» [7, с. 371]. Лексема погарцевав подчеркивает как свободолюбивую натуру девушки, так и ее неожиданную покорность герою. Образ лошади периодически встречается в русской прозе и поэзии. Обычно он воплощает жизнеобитание коня на необъятных просторах («Как быстро в поле, вокруг открытом», А. Пушкин), преданность и покорность хозяину-воину (былины о русских богатырях), подчинение всаднику («Люблю я цепи синих гор», М. Лермонтов; «На поле Куликовом», А. Блок; «Я буду скакать по холмам», Н. Рубцов и др.). В произведении «Домой с небес» акцентируется внимание на повиновении и смирении Тани, которая прекращает относиться к Олегу как к жалкому и слабому созданию и признает его физическую привлекательность благодаря приобретенной внутренней силе. Отныне девушка старается заслужить внимание героя, которого ранее регулярно притесняла и прогоняла.

В тексте встречается также образ волка, отражающий различные изменения, которые происходят с главными героями. Подробнее эти преобразования описаны в другой статье³.

² Луговая, Н. В. Базовая языковая метафора “человек – зверь” как стилиобразующее средство орнаментальной прозы Б. Поплавского (на примере романа «Домой с небес») / Н. В. Луговая // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2016. – №1. – С. 103–111.

³ Луговая, Н. В. 2016. «Звериная» метафора: фольклорная традиция и авторское новаторство (на примере романа Б. Поплавского «Домой с небес») / Н. В. Луговая // В сб.: «Транспорт: наука, образование, производство». Гуманитарные и юридические науки. – Ростов н/Д: Рост. гос. ун-т. путей сообщения. – Том 5. – С. 135–137.

Трансформация Олега завершается под конец произведения, когда герой выбирает духовный путь, отказываясь от земных отношений. Озарение пришло не сразу: вначале главный герой пережил грехопадение, согласившись на физическую близость с Таней – его духовной единомышленницей. Олег разочарован возлюбленной-божеством, поскольку им завладело порочное начало. Греховная страсть была неприемлемой для главного героя, особенно если она была вызвана провокационным поведением Тани, которая разделяла на протяжении практически всего романа близкие Олегу идеи. Разозлившись на возлюбленную-кумира, молодой человек свергает ее с метафорического постаamenta и предрекает ей унылое бытовое существование: *«Как тупые, ангельские животные, как херувимы, эти коровы с крыльями <...> Нет, Олег, она и не заметит своего отчаяния, потолстеет, по-скотски отупеет, выйдя замуж за белобрысого молодого человека себе на уме, который все понял и умеет себя держать; родит, проснется, вступит в жизнь, как волчица, корова, кобыла всеми четырьмя копытами вращет в навоз, в жизнь»* [7, с. 405]. Именно это предсказание показывает гендерное различие: новые сравнения Тани с животными в основе имеют лексемы женского рода. В образе героини подчеркивается женская доминанта, которая отсылает к несправедному, греховному существованию. Поначалу Таня мечтала познать Абсолют, но затем порочная натура взяла верх. В связи с этим Олег приходит к выводу, что мыслящая когда-то девушка в будущем окончательно деградирует и погрязнет в семейных заботах. Так, метафора *вступит в жизнь четырьмя лапами, вращет в навоз* подчеркивает стремительное падение бывшей возлюбленной, которая не реализует свой потенциал.

Физическая близость омерзительна Олегу и противоречит его убеждениям. Именно поэтому греховная связь пробуждает в герое ярость, которая показана посредством лексем *животные, по-скотски, волчица, корова, кобыла*, воспринимающихся в данном контексте отрицательно. Если в начале романа слова с семой 'зверь' акцентировали внимание на восхищении девушкой, то в конце звериное начало больше не привлекает молодого человека, поэтому слова, реализующие «животную» метафору, обретают снижено-бытовое, порой даже бранное значение.

Деградацию Тани подчеркивают лексемы *корова* и *кобыла*, которые обладают в переносном смысле уничижительным значением и порой используются в качестве оскорбления по отношению к женщинам. Но в данном случае эти слова не столько передают грубость и ярость оскорбленного Олега, сколько отражают выбор Тани обывательского существования.

В финале романа девушка перестает быть гордой хищницей и становится одной из представительниц домашнего скота. Новое амплуа Тани настолько разочаровывает героя, что он предсказывает ей примитивную, бездуховную жизнь, в которой уже многие люди растворились: *«Так наивно, по-скотски божественно прожив жизнь над бездной, <...> оплывет жиром среди карт, книг, благотворительности, собачьей, свинячей, конурной жизни»* [7, с. 405]. Однородный ряд *собачьей, свинячей, конурной* подчеркивает победу будничного мышления над былыми величием и хладнокровием. Атрибут *по-скотски* неожиданно сочетается с наречием *божественно*, в результате чего создается оксюморон, поскольку, согласно философии Олега, человек не может жить одновременно в согласии с небом (*божественно*) и землей (*по-скотски*). Он должен выбрать что-то одно. Это изобразительное средство можно интерпретировать в данном контексте как выражение иронии со стороны Олега по отношению к жизни героини, которая теперь лишена духовности. Герой отзываясь о таком выборе максимально негативно, подчеркивая это лексемой *по-скотски*.

Окончательное разочарование Олега в Тани побуждает его к тому, что он *«вырастает на три головы»* и преобразуется из *«обезьяны, тапира, медведя, крокодила в оленя, тигра, коршуна»* [7, с. 404]. Превращение молодого человека в независимых животных символизирует его решение – посвятить жизнь Богу. В итоге победа духа над материей позволяет герою в конце романа перевоплотиться из жертвенной овцы в матерого льва: *«Ободришь, лохматый, матерый лев»* [7, с. 429]. Экзотическое для европейской географии животное акцентирует внимание на стойкости духа, целомудренности мыслей и преданности выбранному пути. Метаморфозы, которые происходят с Олегом на протяжении романа, отсылают к теории из Библии о тетраморфных существах, воплощающих жизнь Иисуса Христа:

«<...> при рождении он человек (*incarnatio*), при смерти – жертвенный бык (*passio*), при воскресении – лев (*resurrectio*), при вознесении – орел (*ascensio*)» [9, с. 3]. Доподлинно неизвестно, специально или случайно Б. Поплавский провел параллель между Христом и главным героем, но определенная связь с животными образами наблюдается. Так, например, Олег вначале является человеком, затем трансформируется в жертвенного быка и духовно умирает, когда решается на грехопадение. Однако после раскаяния он возвращается к Богу и уже предстает в образе льва. Финальное решение героя отдать предпочтение небесной сфере знаменуется появлением крыльев, которые присутствуют и у других одухотворенных персонажей (Тереза, Аполлон Безобразов). В результате грехопадения и сожаления о совершенном Олег завершает трансформацию и обретает покой. Это подтверждает последний диалог молодого человека с лучшим другом, когда Олег признает, что земля не смогла принять его, и поэтому ему предназначен иной путь.

ВЫВОДЫ

Таким образом, развертывание метафоры «человек – зверь», основу которой составляют гипо-гиперонимические отношения, исключает постоянное сопоставление героев только с одним животным, что ведет к созданию многогранного образа, включающего множество звериных обликов. Обусловлены эти метаморфозы внутренними изменениями, которые вызваны внешними факторами либо сменой парадигмы отношений с людьми. В итоге животные образы не застывают в произведении, а остаются пластичны. Так, Олег перестает быть жертвенной овцой и преобразается в смелого льва в результате как смены статуса в отношениях с возлюбленной, так и духовного роста. Он перебарывает рабское мышление и убивает жалость к себе. Таня же, наоборот, совершает переход из хищницы в травоядное, но это вызвано не ее гуманностью либо смирением, а принятием обыденного существования и желанием жить как все.

Б. Поплавский внес также уникальное видение в некоторые анималистические образы: лексема *животное* утратила негативную оценку, поскольку стала обозначать

силу, которая воспринимается, согласно философии романа, положительно; *зверь* в определенных контекстах предполагает духовное развитие и стойкость; *лев*, относящийся к образу Олега, продолжает обозначать силу, но ее характер имеет не агрессивный, как у Тани-льва, а миролюбивый оттенок; *медведь* сохраняет свое основное значение (физическая мощь, крупные габариты), однако утрачивает неуклюжесть; образ Тани-медведя воспринимается Олегом положительно, поскольку это говорит о ее силе. Образ *лошади* уходит от традиционного обозначения трудолюбивого человека, описывая подчинение Тани, меняющей в определенный момент в отношениях с Олегом облик властительницы на подданную. Однако некоторые звериные образы сохраняют ассоциативные соответствия национального уровня: *лиса* (хитрость); *скот*, *корова* и *кобыла* обозначают духовное падение, отупение, обусловленные исключительно бытовыми интересами; *свинья* (грязное земное существование, лишенное духовности). В случаях с лексемами *скот*, *корова*, *кобыла*, *свинья* Б. Поплавский привносит авторскую детализацию в восприятие образов, но в основу закладывает народный стереотип.

Список литературы

1. Латышко, О. В. Модель мира в романе Б. Ю. Поплавского «Аполлон Безобразов» [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / О. В. Латышко. – М., 1998. – 222 с.
2. Матвеева, Ю. В. Самосознание поколения в творчестве писателей Младоземляков [Текст] / Ю. В. Матвеева. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2008. – 196 с.
3. Токарев, Д. В. Между Индией и Гегелем. Творчество Бориса Поплавского в компаративной перспективе [Текст] / Д. В. Токарев. – М. : Новое литературное обозрение, 2011. – 352 с.
4. Ермилова, Е. В. Поплавский [Текст] / Е. В. Ермилова // Литература русского зарубежья. 1920-1940. – Вып. 2. – М. : ИМЛИ. Наследие, 1999. – С. 233–249.
5. Москвин, В. П. Русская метафора: Очерк семиотической теории [Текст] / В. П. Москвин. – изд. 4-е, испр. и доп. – М. : Издательство ЛКИ, 2012. – 200 с.

6. Балли, Ш. Французская стилистика [Текст] / Ш. Балли. – М. : Книжный дом «Либроком», 2009. – 398 с.
7. Поплавский, Б. Ю. Домой с небес [Текст] / Б. Ю. Поплавский // Поплавский Б. Ю. Собр. соч. в 3-х т. – Т. 2. – М. : Книжница; Русский путь; Согласие, 2000. – С. 227–430.
8. Кондратьева, О. Н. Зооморфные образы как источник осмысления концепта «душа» (диахронический аспект) [Текст] / О. Н. Кондратьева // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. – 2011. – № 2. – С. 186–191.
9. Подосинов, А. В. Символы четырех евангелистов. Их происхождение и значение [Текст] / А. В. Подосинов – М. : Языки русской культуры, 2000. – 176 с.

References

1. Latyshko O. V. *Model' Mira v Romane B. Yu. Poplavskogo Apollon Bezobrazov: Dis. ... Kand. Filol. Nauk* [The Model of the World in the Novel Apollon Bezobrazov by B. Yu. Poplavsky. Thesis]. Moscow, 1998. 222 p.
2. Matveeva Yu. V. *Samosoznanie Pokoleniya v Tvorchestve Pisatelei Mladoemigrantov* [The Self-Consciousness of the Generation in the Works of the Writers-Mladoemigrants]. Ekaterinburg: Ural University Publ., 2008. 196 p.
3. Tokarev D. V. *Mezhdru Indiei i Gegelem. Tvorchestvo Borisa Poplavskogo v Komparativnoi Perspective* [Between India and Hegel. The Creativity of Boris Poplavsky in Comparative Perspective]. Moscow: New Literary Review Publ., 2011. 352 p.
4. Ermilova E. V. *Poplavskii* [Poplavsky]. *Literatura Russkogo Zarubezh'ya. 1920–1940*. Issue 2. Moscow: IMLI. Nasledie Publ., 1999, pp. 233–249.
5. Moskvina V. P. *Russkaya Metafora: Ocherk Semioticheskoi Teorii* [Russian Metaphor. Essay on Semiotic Theory]. Moscow: LKI Publ., 2012. 200 p.
6. Balli Sh. *Frantsuzskaya Stilistika* [French Stylistics]. Moscow: Librokom Publ., 2009. 398 p.
7. Poplavskii B. Yu. *Domoi s Nebes* [Home to Heaven]. *Sobranie Sochinenii*. Vol. 2. Moscow: Knizhnitsa; Russkii Put'; Soglasie, 2000, pp. 227–430.

8. Kondrat'eva O. N. *Zoomorfnye Obrazy kak Istochnik Osmysleniya Kontsepta Dusha (Diakhronicheskii Aspekt)* [Zoomorphic Images as a Source of Understanding of the Concept of Soul (Diachronic Aspect)]. *Vestnik Krasnoyarskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta im. V. P. Astaf'eva*, 2011, no. 2, pp. 186–191.
9. Podosinov A. V. *Simvol'y Chetyrekh Evangelistov. Ih Proiskhozhdenie i Znachenie* [Symbols of the Four Evangelists. Their Origin and Meaning]. Moscow: Languages of Russian Culture Publ., 2000. 176 p.

THE SEMANTIC FUNCTION OF THE METAPHOR “A HUMAN – A BEAST” IN THE NOVEL “DOMOY S NEBES” BY B. POPLAVSKY

Lugovaya N. V.

The article proves that it is necessary to use the concept of a metaphor to analyze non-classic type of narration. B. Poplavsky in his novel “Domoy s nebes” showed the problem of the spiritual choice a human is to make and the problem of relationships with God on the example of the main hero of the story. The writer has tried to solve that task not only with the help of the storyline, but also by means of lexical structure of the novel, which is determined by the metaphor “a human – a beast”. This stirring topic involves the reader again and again in a mute conversation about a human's realization in life. Drawing a fine distinction between spiritual and physical apprehension of love, B. Poplavsky was striving to show the supremacy of the heavens over the earth, which was also done with the help of the initial metaphor.

The metaphor “a human – a beast” which includes a row of subfields – names of animals' species, beasts' habits and actions, animals' parts of the body, as well as words with the same “beast” – reflects the numerous transformations of the main hero and his beloved. The reason of such transformations is the change of the paradigm of relationships between them or the change of their inner condition (either a lapse from virtue or spiritual insight). The heroes' adherence to the earth or heaven is shown in comparisons with exact animals, which in the text can get a unique author's vision that can differ from the traditional image of a beast. It is notable that neither of the heroes doesn't have a specific animal's image. Different beasts' transformations which follow the heroes all through the novel say about their inner growth or complete retrogression, and they also show the author's attitude towards the hero's decision or action.

Keywords: metaphor “a human – a beast”, domoy s nebes, ornamental prose, literature of Russian emigre community, Russian literature of the first wave of emigration.

2. ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА

УДК 811.161.1'37

ОБРАЗ РЕВОЛЮЦИИ В ДНЕВНИКЕ И. А. БУНИНА «ОКАЯННЫЕ ДНИ»: ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Антипина Е. С.

Байкальский государственный университет,
Иркутск, Россия
E-mail: antipina418@yandex.ru

В настоящей статье рассматривается произведение И.А. Бунина «Окаянные дни», написанное в исключительный момент истории, в период острых социально-политических конфликтов, когда наша страна стояла на пороге коренных перемен. Взгляд современника тех страшных, кровавых событий позволяет критически переосмыслить прошлое, взглянуть со стороны на самих себя, а также установить причины появления стереотипов о России и русских.

На примере художественного дневника «Окаянные дни» производится реконструкция образа революции, выявляются ключевые слова, эксплицирующие этот образ, устанавливается его лексико-семантический потенциал. Раскрывается тема исторической памяти, доказываемая взаимосвязь образа революции с лексико-семантическими группами группам *Пространство, Время, Цвет, Жизнь, Смерть, Религия, Человек, Общество, Эмоция, Власть, Природа* и концептом *Память*. С опорой на лексический состав дневника «Окаянные дни» и семантику ключевых слов обосновывается детерминация языковой картины мира писателя лингвокультурной и историко-культурной ситуациями, в которых создавалось это произведение.

Образ революции изучается с позиций научной объективности: в рамках современных направлений русистики (лингвокультурологии, когнитивной лингвистики и социолингвистики).

Ключевые слова: образ революции, И.А. Бунин, концепт, лингвокультурная ситуация, языковая картина мира, лексико-семантическая группа.

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на то, что со дня окончания русской революции 1917 года прошло уже более ста лет, она по-прежнему вызывает общественные и научные дискуссии. События тех лет оказали существенное влияние на формирование представлений о нашей стране за рубежом. Сегодня ученые-лингвисты все чаще посвящают свои работы изучению образа России, в которых пытаются представить объективную модель имиджа нашего государства.

Нередко исследователи обращаются к наследию великих мастеров слова, поскольку в рамках художественной литературы создаются особенно запоминающиеся образы, служащие прекрасным материалом для наблюдения над тем, как факты истории и культуры отражаются в языке. Кроме того, русским писателям всегда были доступны те стороны национальной жизни и тайны бытия, которые не способны увидеть и постичь обычные люди. Именно поэтому в настоящей статье образ революции рассматривается на материале произведения нобелевского лауреата, ярчайшего представителя культуры XX века – И. А. Бунина. «Окаянные дни» стали бесценным образцом культурного наследия этого писателя и воспринимаются сегодня как историческое завещание и предостережение ныне живущим поколениям.

Цель настоящей статьи – раскрыть специфику такого исторического феномена, как российская революция на материале художественного дневника «Окаянные дни», выявить особенности репрезентации образа революции в художественной картине мира И. А. Бунина.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

В ходе истории образ революции не раз подвергался серьезным трансформациям. Первая попытка его реконструкции была осуществлена сразу же после февральских событий 1917 года. С переосмыслением революционной реальности и переоценкой реакций на явления, связанные с ней, мы сталкиваемся и сегодня. Такое положение дел объясняет актуальность выбранной темы, продиктованная необходимостью переоценки образа революции с позиций научной объективности. Кроме того, этим подтверждается и научная значимость исследования, обусловленная идеологическим детерминизмом феномена революция, а также его влиянием на конкретную историческую практику.

В современной лингвокультуре образы событий начала XX столетия входят в концепт «тысячелетней истории», в котором эмоциональная составляющая отодвигается на второй план [12]. На сегодняшний день отношение к революционной символике сильно изменилось (например, в контексте исторической памяти красный

флаг воспринимается уже не как символ Октября, а как символ Победы). О.Ю. Малинова видит в этом положительную сторону и утверждает, что власти, корректируя подобным образом символическую политику, пытаются противостоять тиражированию негативного образа Нас [9].

Как известно, на протяжении многих лет зарубежные СМИ восторгались русской революцией: будто бы она явила конкретный пример национальной трансформации немислимых масштабов, предложив не просто новое видение, но и реализацию многих политических и эстетических стремлений [17]. Безусловно, события 1917 года оказали огромное влияние на систему международных отношений, определили тенденции мирового развития в XX–XXI веках, однако все эти восторги были связаны, в первую очередь, с предвкушением победы демократии.

В постреволюционный период, как замечают В. Гарднер [15] и Б. Гелб [16], особой популярностью пользовались публикации Л. Брайант, Б. Биттик, произведения Дж. Рида, А. Вильямса, а также журналистские материалы Т. Драйзера, в которых содержались призывы к активному вмешательству других стран во внутренние дела России. Так, в одном из своих репортажей Дж. Рид приводит следующие слова российского нефтяного магната С.Г. Лианозова: «Революция – это болезнь. Раньше или позже иностранным державам придется вмешаться в наши дела, точно так же, как вмешиваются врачи, чтобы излечить больного ребенка и поставить его на ноги» [18, с. 14].

Публицисты, общественные деятели, философы, осознавая провокационность складывающейся вокруг России ситуации, поспешили на борьбу не только с внутренними, но и внешними политическими врагами. Не принимая однобокого, политически пристрастного взгляда на современную им действительность, они пытались корректировать представления о русской революции на Западе, стремились показать истинную картину социально-политического пространства России и дать объективную оценку происходящему.

По замечанию М. О. Кармановой, одной из первых, кто обратил на себя внимание за рубежом, стала русская эмигрантка А. Рэнд; ее работы были изданы на английском языке, что в дальнейшем и обеспечило им популярность [7]. Остальные

авторы долгое время находились «в тени», так как их труды публиковались на русском языке. Многие произведения получили известность лишь к концу XX века, так случилось и с художественным дневником И. А. Бунина «Окаянные дни».

В «Окаянных днях» И. А. Бунин, как и Н. А. Бердяев [2], высказывает свои опасения по поводу того, что «умная» нация может покорить нашу «глупую», и с иронией замечает: «Слух: союзники – теперь уж союзники! – вошли в соглашение с немцами, поручили им навести порядок в России» [5, с. 278]. В произведении подчеркивается безразличие русского народа к угрозе «порабощения» и его пассивная политическая позиция: «Что ж, пусть приходит. Он, немец-то, и прежде все равно нами владал. Он уж там, говорят, тридцать главных евреев арестовал. А нам что? Мы народ темный. Скажи одному “трогай”, а за ним и все» [5, с. 269]. Писатель обвиняет и «новое» правительство в том, что оно пошло по пути ослабления России. Неслучайно в его дневнике концептуально значимыми становятся имена прилагательные *русский* и *немецкий*. Для И. А. Бунина в сложившейся лингвокультурной ситуации важно сформировать объективное понимание того, что русское, а что нет, поэтому он свое (русское) интерпретирует сквозь призму чужого (нерусского).

В этом «документе эпохи» писатель пытается разрешить и другие важные проблемы, одна из которых связана с вопросом об ответственности за случившиеся исторические события. Тогда во всем обвиняли интеллигенцию, каждый выносил ей свой приговор. Так, член ЦК партии кадетов А. В. Тыркова-Вильямс в своем дневнике пишет, что ответственность должен нести не русский народ, не низы, не так называемые массы, а верхи, интеллигенция, грамотные люди всех градаций, все те, кто не сумел образовать сильное правительство [6].

И. А. Бунин, как и большая часть его современников, не принявшая революцию, был вынужден отбиваться от подобных нападков. На страницах «Окаянных дней» он вступает в ожесточенную полемику со своими идеологическими противниками: “Левые” все “эксцессы” революции валят на старый режим, черносотенцы – на евреев. А народ не виноват! Да и сам народ будет впоследствии валить все на другого

– на соседа и на еврея: “Что ж я? Что Илья, то и я. Это нас жида на все это дело подбили...” [5, с. 296].

Характеризуя окружающую социальную реальность, выстраивая собственную картину мира, писатель пытается разрушить стереотипные суждения относительно интеллигенции («белых»), корректируя тем самым представления о революции и ее «героях». Именно по этой причине И. А. Бунин обращается к теме исторической памяти, которая, согласно Л. П. Репиной, представляет собой символическую репрезентацию исторического прошлого [11].

И. А. Бунин вслед за В. О. Ключевским говорит о чрезвычайной «повторяемости» русской истории и подчеркивает, что подобная ситуация разрушения «обыденного мира», государства и общества происходит в русской истории не в первый раз: «Новизна форм! В том-то и дело, что всякий русский бунт (и особенно теперешний), прежде всего, доказывает, до чего все старо на Руси <...> Русь – классическая страна буяна» [5, с. 372].

Стремясь осознать происходящее в России, он проводит аналогии с подобными потрясениями в прошлом: с татаро-монгольским нашествием, с периодом Смутного времени, с Крестьянской войной под предводительством Степана Разина и с бунтом Емельяна Пугачева. Кроме того, пытаясь определить степень кровожадности русских «вождей», он проводит параллели и с фактами из зарубежной истории: «Как раз читаю Ленотра Сен-Жюст, Робеспьер, Кутон... Ленин, Троцкий, Дзержинский... Кто подлее, кровожаднее, гаже? Конечно, все-таки московские. Но и парижские были неплохи. Кутон, говорит Ленотр, Кутон диктатор, ближайший сподвижник Робеспьера, лионский Аттила, законодатель и садист, палач, отправлявший на эшафот тысячи ни в чем не повинных душ» [5, с. 345].

Конструируя концепт памяти, И. А. Бунин придает образу революции особое символическое значение. Те символы, которые Б. М. Колоницкий [8] считает ключевыми – рабочая Марсельеза, красный флаг, двуглавый орел, Невский проспект и Казанский собор (в Петербурге), – приобретают в «Окаянных днях» негативную коннотацию: «Есть “Рабочая Марсельеза”, “Варшавянка”, “Интернационал”, “Народовольческий гимн”, “Красное знамя”... И все злобно, кроваво донельзя, лживо

до тошноты, плоско, убого до невероятия» [5, с. 327]. При этом писатель существенно расширяет названный символический ряд.

В контексте революционных событий в «Окаянных днях» важную роль играют типичные для русской культуры образы «старой» России: тройка как символ самодержавия, православия, народности, царский трон как олицетворение династии Романовых и власти императора Николая II. Не менее значим в произведении образ пира: «<...> шел тогда у нас пир на весь мир, и трезвы-то на пиру были только Ленины и Маяковские» [5, с. 316]. В приведенном фрагменте очевидна отсылка к статье С. Булгакова «На пиру богов [Pro и contra]» [3], в которой философ делится своими размышлениями о том, что происходит с Россией и русскими в угнетающей обстановке. Идею взаимосвязь произведения писателя и этим философским диалогом доказывает факт использования в качестве приема воздействия на читателя одних и тех же строк из стихотворения Ф. И. Тютчева: «Счастлив, кто посетил сей мир/В его минуты роковые <...>». В образе пира И. А. Бунин реализует булгаковское противопоставление ужаса эпохи – веселой вакханалии, шутовского отношения к смерти – надежде на избавление от революционной «чумы». Кроме того, в тексте С. Булгакова один из участников диалога – писатель – цитирует «Гимн чуме» Вальсингама, есть отсылка и к «Пиру во время чумы» А. С. Пушкина. Следовательно, перед нами образ-«матрешка», наполняющий текст сакральным смыслом и способствующий раскрытию его социально-политической проблематики. В «Окаянных днях» можно увидеть и литературную аллюзию на главу поэмы Н. А. Некрасова «Пир на весь мир»; здесь перед нами все те же мужики-вахлаки, которые устроили праздник, узнав, что «старый князь умер». В произведении И. А. Бунина пир становится метафорой «вахлацкого» понимания жизни как вечного праздника. Сам же писатель, противопоставляя традиционную картину мира и новую, сложившуюся в условиях повседневной революционной реальности, проводит параллель с произведением Платона «Пир», в котором древнегреческий философ высказывает идею о том, что любовь и устремление к прекрасному являются основной целью существования человека. И. А. Бунин, применяя такую аллюзию,

намеренно демонстрирует культурный и когнитивный диссонанс, возникающий у него в процессе осмысления реальной действительности.

Постигая свое бытие и бытие человека в единстве с многовековой историей человечества, писатель использует те лексические единицы, которые наиболее точно выражают его мысли, чувства и отвечают концептуальному строю произведения. Образ революции в его дневнике эксплицируют лексемы, относящиеся к разным лексико-семантическим группам.

Важнейшей категорией, определяющей образ революции в «Окаянных днях», становится время; оно эксплицируется с помощью лексемы *день*, которая является «<...> выразителем некоего “вещного” плана жизни» [10, с. 192]. На уровне текста наиболее значима связь слова *дни* с оценочным эпитетом *окаянный* в значении ‘проклятый’.

В словосочетании *окаянные дни* очевидна отсылка к фольклору, в частности, к русским былинам, в которых прилагательное *окаянный* ассоциируется со злыми силами (ср. в былинах: *змеище проклятое*). Имя существительное *день* встречается в составе устойчивого выражения *не по дням, а по часам*, характерного для русских сказок. Данная формула гиперболизирована, но описывает не положительный процесс – то, как быстро растет и развивается ребенок (ср. у А. С. Пушкина в «Сказке о царе Салтане»: «И растет ребенок там / Не по дням, а по часам»), а выражает негативную оценку, мнение по поводу происходящего. Прилагательное *окаянный* участвует в создании литературной аллюзии: оно обращает нас к библейскому ветхозаветному сюжету Книги Бытия, когда первый сын Адама и Евы, земледelec Каин, убил своего младшего брата Авеля. Вступая в синтагматические отношения с именами прилагательными *пустые, последние, долгие*, слово *дни*, наряду с другими лексическими единицами, репрезентирующими время (наименования времен года, месяцев, частей суток), обуславливает связь с историческим прошлым и работает на формирование концепта *Память*.

Следует отметить, что в «Окаянных днях» И. А. Бунин демонстрирует собственное восприятие времени, в котором прошлое важнее настоящего и будущего, строящегося на лингвокультурной универсалии «разрушения сегодня».

Ключевыми единицами, эксплицирующими образ революции в дневнике писателя, становятся нарицательные имена существительные *город, деревня*, а также топонимы *Москва, Петербург, Одесса*, которые символизируют замкнутое пространство и неволю. Олицетворением замкнутого пространства, несвободы становятся такие символы революционной эпохи, как грузовик (в нем, по мнению И. А. Бунина, была воплощена вся грубость современной культуры и ее «социального пафоса») и веревка, являющаяся в русской языковой картине мира аллегорическим образом социального угнетения, инструментом мученичества, зависимости, подчиненности.

Важной пространственной лексемой, которая транслирует несвободу и служит средством создания образа революции, является имя существительное *дом*. Дом отождествляется у И. А. Бунина с Россией. Наряду с лексемой *Россия* используется устаревшее слово *Русь*. Противопоставляя в своем дневнике эти два названия, писатель подчеркивает, что власти хотят разрушить Великую державу, превратить царскую Россию в «единую Русь», отбросив страну назад в прошлое.

Образ революции идейно и сюжетно расширяет лексико-семантическая группа *Природа*. Так, символом революции в произведении является *огонь*. Эта природная стихия служит средством создания оценочности и связана с лексико-семантическими группами *Эмоция* и *Время*. Слово *огонь* чаще всего встречается в составе фразеологизмов («лицо залилось огнем», «бояться как огня», «днем с огнем поискать», «из огня да в полымя»). И. А. Бунин использует также имя существительное *пожар*. Наиболее значимо употребление данной лексической единицы в метафорическом словосочетании «мировой пожар», которое в XX веке стало символом революции (ср. у А. Блока: «Мы на горе всем буржуям / Мировой пожар раздуем...»).

Еще одной значимой стихией в произведении является *вода*; эта лексема входит в состав крылатых выражений и выполняет аксиологическую функцию, характеризуя дисгармонию того времени («с них все как с гуся вода»; «Корнилов ввел смертную казнь – весь июль Васильевское было тише воды, ниже травы»). Заметим, что поговорка *тише воды, ниже травы* получает авторское переосмысление. Писатель

иронизирует, намекая на то, что жители деревни ступевались перед лицом настоящей опасности. *Вода* в дневнике «Окаянные дни» представлена именами существительными *море* и *река*, которые, работая на создание образа революции, приобретают семантику смерти («читал о стоящих на дне моря трупах»; «реки крови, море слез, а им все нипочем»). Употребление лексической единицы *море* наиболее значимо в выражении «этот остров “старого” мира в море грязи, подлости и низости». В произведении И. А. Бунина грязное, разливанное море обозначает «новый» мир, новую реальность. Важно заметить, что пространство «нового» мира олицетворяет черное, мрачное, угрюмое, ночное небо, которое противопоставлено яркому, светлому, синему небу – символу «старой» жизни. Иными словами, все «ландшафтные» лексемы, называющие землю, небо, водные стихии, принимают активное участие в реконструкции образа революции и погружают нас в атмосферу хаоса и беспорядка.

В произведении «Окаянные дни» образ революции репрезентируют также лексические единицы, которые указывают на положение человека в социуме и его взаимоотношения с окружающим миром. На первый план выходят антропонимы, называющие имена реальных исторических лиц (В. И. Ленин, Л. Д. Троцкий, А. В. Колчак, В. В. Маяковский, А. А. Блок) и их некоторые ненормативные номинации (*сукины сыны* – в тексте в сокращенном виде: с. с.).

В дневнике важна портретная характеристика исторических личностей. И. А. Бунин описывает не только их поведение, но и внешний вид. В оценке ключевая роль отводится таким лексемам, как *голова*, *руки*, *глаза*, *лицо*, *волосы*, *шея*, которые нередко входят в состав фразеологизмов. Неслучайно Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев отмечают, что «уникальность человека, отличающую его от животного мира, язык видит не столько в его интеллектуальных или душевных качествах, сколько в особенностях его строения и в функциях составляющих его частей, в частности, в строении тела» [4, с. 523]. Оценивая политические взгляды и человеческие качества своих идеологических противников – Ленина и Маяковского – И. А. Бунин использует аллюзивную метонимическую портретную характеристику героя Гомера – Циклопа: «Одноглазый Полифем, к которому попал Одиссей в своих

странствиях, намеревался сожрать Одиссея. Ленин и Маяковский (которого еще в гимназии пророчески прозвали Идиотом Полифемовичем) были оба тоже довольно прозорливы и весьма сильны своим одноглазием» [5, с. 316]. В приведенном фрагменте один глаз становится символом зла, глупости и недалекости. Писатель намеренно акцентирует внимание на физическом уродстве всех тех, кто принял революцию, создавая характеристики, созвучные традиционным представлениям в русской культуре о демонах и чертях, которые всегда изображались уродливыми и хромыми.

Подобные оценки И. А. Бунин дает и героям низших сословных классов. Писатель говорит о том, что «в человеке просыпается обезьяна», что внешний вид солдата разительно переменился, он стал каким-то звероподобным, страшным, особенно матрос. Используя различные устойчивые зооморфные метафорические сравнения и перенося характерные черты, повадки животного на человека, И.А. Бунин подчеркивает аморальность поведения, бездуховность людей.

Писатель видит, насколько сильно изменилось все российское общество: «Голоса утробные, первобытные. Лица у женщин чувашские, мордовские, у мужчин, все как на подбор, преступные, иные прямо сахалинские» [5, с. 278] (имя прилагательное *сахалинский* в данном контексте синонимично таким лексемам, как *азиатский, нерусский, чужой*; оно формирует представление о «русском простонародье» как о биологически ином подвиде, репрезентируя оппозицию «свой-чужой»).

Подобные метаморфозы он отмечает даже в своем ближайшем окружении: «О Коллонтай (рассказывал вчера Н. Н.): Была когда-то похожа на ангела. <...> Судебная и психиатрическая медицина давно знает и этот (ангелоподобный) тип среди прирожденных преступниц и проституток [5, с. 319]. С. А. Аскольдов, пытаясь объяснить данный социальный феномен, утверждает: «Ангельская природа, поскольку она мыслится прошедшей мимо познания добра и зла и сохранившей в себе первобытную невинность, во многом гораздо ближе и родственнее природе зверя, чем человека. Правда, святость есть нечто иное, чем ангелоподобность» [1, с. 225].

Важным ресурсом описания образов героев и революции в произведении становится символика цвета. Так, имя прилагательное *белый* олицетворяет «старый», привычный мир, слово *красный* в произведении приобретает отрицательную окраску и является символом «новой» действительности.

Народ, толпа ассоциируются в дневнике «Окаянные дни» с серым цветом. Имя прилагательное *серый* эксплицирует семантику смерти, вражды, тоски, скуки, мучения. Так, в произведении появляется символ смерти – *черный ворон*, который напрямую сопряжен с образом революции.

Мастерски реконструируемая с помощью цвета, модель мира представляет в произведении действительность, в которой торжествует антигуманное, безнравственное начало. Красный, черный, серый цвета, соотносясь с семантикой смерти, работают на воссоздание образа повседневной революционной реальности. При описании ужасов революции И. А. Бунин использует такие словосочетания, как *великая смерть*, *смертью истязательной*, а также лексему *кровь* в переносном значении “убийство” [13, с. 1522]. Слово *кровь* употребляется либо в сочетании с фразеологическими единицами, либо в их составе («*проливают напрасно кровь*», где лить кровь означает ‘убивать кого-либо’ [14, с. 227]; «*по горло ходил в их крови*» или «*шагать по колено в крови*» в значении ‘сверх всякой меры’ [14, с. 501].

Очевидно, что образ революции связан и с лексико-семантической группой *Эмоция*, которую вербализуют лексемы *страх*, *ужас*, фразеологизмы и крылатые выражения («камень на душе», «египетская казнь», «помертветь от страха»), а также различные сравнительные обороты. С помощью ключевых слов, репрезентирующих категории страшного и ужасного, воплощается идея нестабильности, иррациональности действительности, резкой смены исторических периодов, в результате которой меняется сам человек.

Образ революции И. А. Бунин рассматривает сквозь призму взаимоотношений между человеком и Богом. При этом писатель опирается на традиционные нравственные категории и понятия христианской культуры и на нравственные нормы поведения человека в обществе. Базовыми лексемами, отражающими корреляцию «религиозного» и «социального», становятся имена существительные *сатана*,

дьявол, Каин, черти и т.п. С образом революции в «Окаянных днях» связаны не только библейские герои, символы, сюжеты, но и представители русской православной церкви. Известно, что при осмысливании событий тех лет важную роль отводят Г. Распутину. Так, С. А. Аскольдов замечал: «Гр. Распутин – это первый и крупнейший деятель русской революции, ибо именно он был главным фактором глубочайшего падения видимой русской Церкви» [1, с. 227]. И. А. Бунин не оправдывает Г. Распутина, но писатель вынужден корректировать представления о нем, поскольку «красный народ», по его мнению, является более нравственно несовершенным: «Развратник, пьяница Распутин, злой гений России». Конечно, хорош был мужичок. Ну, а вы-то, не вылезавшие из “Медведей” и “Бродячих Собак”»? [5, с. 281]. Итак, очевидно, что образ революции транслируется в соответствии с лингвокультурной ситуацией, когда утрачивается вера в Бога и бытовая сфера жизни становится важнее надбытовой.

ВЫВОДЫ

Дневник «Окаянные дни» представляет собой уникальное явление, поскольку он предполагает художественное моделирование действительности (в том числе и образа революции) при помощи фактов. Для этого произведения характерна повторяемость определенных лексем, которые формируют макротемы, связывают записи в единое целое, становясь концептуальными ядрами лексико-семантических групп.

В формировании образа революции в произведении «Окаянные дни» ведущая роль отводится ключевым словам, относящимся к лексико-семантическим группам *Пространство, Время, Цвет, Жизнь, Смерть, Религия, Человек, Общество, Эмоция, Власть, Природа*. Все языковые единицы, эксплицирующие названные лексико-семантические группы, отражают взгляды И. А. Бунина на историко-культурную ситуацию начала XX века. Ключевые слова, репрезентирующие революционную реальность в анализируемом дневнике, образуют обширные синтагматические, парадигматические, ассоциативные текстовые связи, характеризующие лингвокультурную ситуацию того времени и языковую картину мира писателя. Через

эстетику ключевых слов раскрываются индивидуальные черты языковой личности дневника, особенности его психики и мировоззрения. Так, лексические единицы со значением пространства раскрывают религиозно-философскую проблематику, а со значением времени – идеологические и гражданско-патриотические воззрения писателя. Лексические единицы, входящие в ЛСГ *Цвет*, с одной стороны, выражают колористическую семантику, а с другой – становятся репрезентантами социально-политического и гражданского раскола российского общества. ЛСГ *Жизнь* и ЛСГ *Смерть* предстают как двуединое пространство. Если жизнь – это динамика и движение, то смерть – статика, не подверженная временным изменениям. Смерть представлена не только как физиологическое состояние живого организма, которое означает прекращение жизнедеятельности, но еще и ассоциируется с отсутствием развития или совершенствования, приводящим к духовной гибели. ЛСГ *Религия* взаимодействует с ЛСГ *Жизнь* и ЛСГ *Смерть*, а также с ЛСГ *Власть*; являясь значимой в религиозно-философском аспекте. Эта группа раскрывает мировосприятие писателя, на которое повлияла философия всеединства В.С. Соловьева, утверждающая глубокую взаимосвязь и взаимозависимость всего сущего в мироздании. ЛСГ *Религия* приобретает новые смыслы за счет такого важного содержательного компонента, как *социальное*. Тесная взаимосвязь религии и социума раскрывает, в свою очередь, один из всечужнейших конфликтов произведения – отношение человека к Богу. ЛСГ *Человек* реализует гендерный, возрастной и социальный аспекты; И. А. Бунин дает характеристики социальным классам и идеологическим противникам через призму собственного мировосприятия и восприятия исторической ситуации. Лексические единицы, эксплицирующие ЛСГ *Эмоция*, раскрывают индивидуальные черты языковой личности дневника; данная группа связана с категориями *счастье* и *несчастье*. ЛСГ *Общество* выстраивается на бинарной оппозиции *свой-чужой*. Представление о том, что есть свое и чужое важно для И. А. Бунина, у которого вещи имеют не материальную, а духовную, нравственную ценность. Наиболее значимым оказывается политическое и идеологическое содержание данной оппозиции, поскольку она выражает гражданскую позицию писателя. ЛСГ *Власть* приобретает ортодоксальный смысл. в

произведении власть ассоциируется с дисгармонией, беспорядком, хаосом. ЛСГ *Природа* тесно связана с ЛСГ *Человек*; лексемы, вербализующие эти группы, символизируют и олицетворяют жизнь человека (его бытие), окружающий мир, явления действительности.

Все названные лексико-семантические группы, в свою очередь, связаны с концептом *Память*. Это обусловлено событиями начала XX века – временем, когда позиционировалось особое отношение к прошлому и по-особому воспринималось будущее. Лексемы, эксплицирующие образ революции, направлены на развенчивание мифа о начале новой эры и построении справедливого общества. При этом определяющую роль в выборе слова играют идеологические воззрения писателя.

Среди частеречных констант особое место занимают личные местоимения *я* и *мы*, повторяемость которых обусловлена не только спецификой жанра произведения, но и другими задачами, связанными с раскрытием основных тем, идей и значимой для И. А. Бунина оценочной сферы. Повторяемость ключевых лексем свидетельствует о том, что за ними закреплена важная информация и определенные сегменты знания. Детерминируя эстетику образа революции, которая задана предельно поляризованной с идеологической точки зрения оппозицией *свое – чужое*, они позволяют проникнуть в логику прагматикона языковой личности писателя и наблюдать за тем, как под воздействием внешних обстоятельств может меняться картина мира писателя.

Список литературы

3. Аскольдов, С. А. Религиозный смысл русской революции [Текст] / С. А. Аскольдов // Вехи : сб. ст. о рус. интеллигенции ; Из глубины : сб. ст. о рус. революции / [сост. и подгот. текста А. А. Яковлева ; примеч. М. А. Колерова, Н. С. Плотникова, А. Келли]. – Москва : Правда, 1991. – С. 210–249.
4. Бердяев, Н. А. Духи русской революции [Текст] / Н. А. Бердяев // Вехи : сб. ст. о рус. интеллигенции ; Из глубины : сб. ст. о рус. революции / [сост. и подгот. текста

- А. А. Яковлева ; примеч. М. А. Колерова, Н. С. Плотникова, А. Келли]. – Москва : Правда, 1991. – С. 250–289.
5. Булгаков, С. Н. На пиру богов. Pro и contra [Текст] / С. Н. Булгаков // Вехи : сб. ст. о рус. интеллигенции ; Из глубины : сб. ст. о рус. революции / сост. и подгот. текста А. А. Яковлева ; примеч. М. А. Колерова, Н. С. Плотникова, А. Келли. – Москва : Правда, 1991. – С. 290–353.
 6. Булыгина, Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) [Текст] / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. – Москва : Языки русской культуры, 1997. – 574 с.
 7. Бунин, И. А. Собрание сочинений : в 9 т. [Текст] / И. А. Бунин ; сост. И. Владимиров. – Москва : Terra-кн. клуб, 2009. – Т. 8 : Из дневниковых записей. Окаянные дни. – 384 с.
 8. Тыркова, А. Дама против Ленина [Текст] / А. Тыркова ; ред. Л. Роговая // Российская газета. – 2017. – 21 апр. (№ 86).
 9. Карманова, М. О. Феномен восприятия революции 1917 г. в США (1917–1933) [Текст] / М. О. Карманова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2017. – № 2 (42). – С. 37–46.
 10. Колоницкий, Б. М. Политические символы и борьба за власть в 1917 г. : лекция [Электронный ресурс] / Б. М. Колоницкий // Единое окно доступа к образовательным ресурсам : федер. портал. – Режим доступа: <http://window.edu.ru/catalog/pdf2txt/483/38483/16281>.
 11. Малинова, О. Ю. Проблема политически «пригодного» прошлого и эволюция официальной символической политики в постсоветской России [Текст] / О. Ю. Малинова // Политическая концептология. – 2013. – № 1. – С. 114–130.
 12. Михеева, Л. Н. Время в русской языковой картине мира [Текст] / Л. Н. Михеева. – Иваново : Иван. гос. ун-т, 2003. – 252 с.
 13. История и память : историческая культура Европы до начала нового времени [Текст] / ред. Л. П. Репина. – Москва : Кругъ, 2006. – 768 с.
 14. Рожнева, С. С. Политика Президента РФ как фактор трансформации исторической памяти об Октябрьской революции 1917 года в современной России [Текст] /

- С. С. Рожнева // XX век и Россия : общество, реформы, революции : сб. ст. – Самара, 2018. – Вып. 6. – С. 42–53.
15. Толковый словарь русского языка : в 4 т. [Текст] / под ред. Д. Н. Ушакова. – Москва : Сов. энциклопедия : ОГИЗ, 1935-1940. – Т. 1. – 1562 с.
16. Фразеологический словарь русского языка [Текст] / сост. Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров ; под ред. А. И. Молоткова. – 4-е изд., стер. – Москва : Рус. яз., 1986. – 543 с.
17. Gardner V. Friend and Lover: The Life of Louise Bryant. New York: Horizon Press, 1982. 390 p.
18. Gelb B. So Short a Time: A Biography of John Reed and Louise Bryant. New York: Norton & Company, 1973. 304 p.
19. McKible A. The Space and Place of Modernism: Little Magazines, The Russian Revolution and New York. Abingdon: Routledge, 2002. 185 p.
20. Reed J. Red Russia. The Liberator. 1918. № 1. P. 14–21.

References

1. Askoldov S. A. *Religioznyi Smysl Russkoi Revolyutsii* [Religious Meaning of the Russian Revolution]. In Yakovleva A. A., Kolerov M. A., Plotnikov N. S., Kelli A. (eds). *Vekhi. Iz Glubiny* [Milestones. From the Depths]. Moscow, Pravda Publ., 1991, pp. 210–249.
2. Berdyaev N. A. *Dukhi Russkoi Revolyutsii* [Spirits of the Russian Revolution]. In Yakovleva A. A., Kolerov M. A., Plotnikov N. S., Kelli A. (eds). *Vekhi. Iz Glubiny* [Milestones. From the Depths]. Moscow, Pravda Publ., 1991, pp. 250–289.
3. Bulgakov S. N. *Na Piru Bogov. Pro i Contra* [At the Feast of the Gods]. In Yakovleva A. A., Kolerov M. A., Plotnikov N. S., Kelli A. (eds). *Vekhi. Iz Glubiny* [Milestones. From the Depths]. Moscow, Pravda Publ., 1991, pp. 290–353.
4. Bulygina T. V., Shmelev A. D. *Yazykovaya Kontseptualizatsiya Mira (na Materiale Russkoi Grammatiki)* [Language Conceptualization of the World (Based on Russian Grammar)]. Moscow, Yazyki Russkoi Kul'tury Publ., 1997. 574 p.

5. Bunin I. A.; Vladimirov I. (ed.). *Sobranie Sochinenii* [The Collected Works]. Moscow: Terra-Knizhnyi Klub Publ., 2009. Vol. 8. 384 p.
6. Tyrkova A.; Rogovaya L. (ed.). *Dama protiv Lenina* [The Lady against Lenin]. *Rossiiskaya Gazeta*, 2017, April 21.
7. Karmanova M. O. *Fenomen Vospriyatiya Revolyutsii 1917 Goda v SSHA (1917–1933)* [The Phenomenon of Perception of the Revolution of 1917 in the USA (1917–1933)]. *Izvestiya Vysshikh Uchebnykh Zavedenii. Povolzhskii Region. Gumanitarnye Nauki*, 2017, no. 2 (42), pp. 37–46.
8. Kolonitsky B. M. *Politicheskie Simvoly i Bor'ba za Vlast' v 1917 Godu: Lektsiya* [Political Symbols and the Struggle for Power in 1917. A Lecture]. *Edinoe Okno Dostupa k Obrazovatel'nym Resursam*. Available at: <http://window.edu.ru/catalog/pdf2txt/483/38483/16281>.
9. Malinova O. Yu. *Problema Politicheski Prigodnogo Proshlogo i Jevolyutsiya Ofitsial'noi Simvolicheskoi Politiki v Postsovetskoi Rossii* [The Problem of the Politically "Fit" Past and Evolution of Official Symbolic Politics in Post-Soviet Russia]. *Politicheskaya Kontseptologiya*, 2013, no. 1, pp. 114–130.
10. Mikheeva L. N. *Vremya v Russkoi Yazykovoii Kartine Mira* [Time in the Russian Linguistic Picture of the World]. Ivanovo: Ivanovo State University Publ., 2003. 252 p.
11. Repina L. P. (ed.). *Istoriya i Pamyat': Istoricheskaya Kul'tura Evropy do Nachala Novogo Vremeni* [History and Memory: Historical Culture of Europe before the Beginning of Modern Times]. Moscow, Krug Publ., 2006. 768 p.
12. Rozhneva S. S. *Politika Prezidenta RF kak Faktor Transformatsii Istoricheskoi Pamyati ob Oktyabr'skoi Revolyutsii 1917 Goda v Sovremennoi Rossii* [Policy of the President of the Russian Federation as a Factor of Transformation of the Historical Memory of the October Revolution of 1917 in Modern Russia]. *XX Vek i Rossiya: Obshchestvo, Reformy, Revolyutsii*. Samara, 2018, iss. 6, pp. 42–53.
13. Ushakov D. N. (ed.). *Tolkovy Slovar Russkogo Yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1935-1940. Vol. 1. 1562 p.

14. Voinova L. A., Zhukov V. P., Molotkov A. I., Fedorov A. I. (eds). *Frazeologicheskii Slovar Russkogo Yazyka* [Phraseological Dictionary of the Russian Language]. 4th ed. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1986. 543 p.
15. Gardner V. *Friend and Lover: The Life of Louise Bryant*. New York, Horizon Press, 1982. 390 p.
16. Gelb B. *So Short a Time: A Biography of John Reed and Louise Bryant*. New York, Norton & Company, 1973. 304 p.
17. McKible A. *The Space and Place of Modernism: Little Magazines, The Russian Revolution and New York*. Abingdon, Routledge, 2002. 185 p.
18. Reed J. Red Russia. *The Liberator*, 1918, no. 1, pp. 14–21.

THE IMAGE OF REVOLUTION IN I.A. BUNIN'S DIARY CURSED DAYS: LEXICO-SEMANTIC ASPECT

Antipina E. S.

This article considers Ivan Bunin's work *Cursed Days*, written at an exceptional moment of history, during acute sociopolitical conflicts, when our country was standing on the cusp of drastic changes. The contemporary view of those terrible, bloody events allows us to re-evaluate critically the past, have a perspective at ourselves, as well as define the reasons of appearing of stereotypes concerning Russia and the Russians.

Using the literary diary *Cursed Days* as an example, we reconstruct the image of revolution, discover the keywords explicating this image and establish its lexico-semantic value.

By the example of the artistic diary *Cursed Days*, the image of the revolution is reconstructed, the keywords explicating this image are revealed, its lexical and semantic potential is established. The theme of historical memory is revealed, the relationship between the image of the revolution and the lexical-semantic groups is proved to the groups Space, Time, Color, Life, Death, Religion, Man, Society, Emotion, Power, Nature and the concept of Memory. Based on the lexical composition of the *Cursed Days* diary and the semantics of keywords, the determination of the linguistic picture of the writer's world by the linguistic and historical-cultural situations in which this work was created is substantiated.

The image of the revolution is studied from the standpoint of scientific objectivity: within the framework of modern trends in Russian studies (linguoculturology, cognitive linguistics and sociolinguistics).

Keywords: image of revolution, I.A. Bunin, concept, linguocultural situation, linguistic representation of the world, lexico-semantic field.

УДК 81'42

ПОВЕСТЬ АНАТОЛИЯ СВЕТЛАНСКОГО «БЕГСТВО ИЗ РАЯ»:

ТЕМА-РЕМАТИЧЕСКАЯ СВЯЗНОСТЬ ТЕКСТА

Жамсаранова Р. Г., Ким Н. В.

ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»,

Чита, Россия

E-mail: rebeca_zab@mail.ru, natkim_4768@mail.ru

Статья посвящена одному из направлений дискурсивного анализа текста – семантическому аспекту, а именно вербализации тема-рематической связности текста. Автор анализируемой повести «Бегство из рая» – писатель восточной ветви русской эмиграции Анатолий Светланский. Макротема (бегство) и макрорема (из рая) заданы уже в названии повести, в зачине, и делятся на составляющие микротемы и микрорема, которые постоянно переплетаются, сохраняя при этом основную макротему и макрорема. Из пяти частотных тема-рематических связей художественного текста мы видим в повести ступенчатую структуру, называемую инкорпорированием, где рема по ходу повествования становятся последующими темами, поэтому все микротемы имеют рематическую природу. Для раскрытия идеи произведения и для тема-рематической связности повествования автор использует пять текстообразующих категорий: участники события, событие, место, время, пространство, оценка. Разного рода повторы: полные, парадигматические, деривационные, синонимические, антонимические, грамматические не приводят к тавтологии, а, наоборот, к семантическому разнообразию, способствуют формированию коннекторных рядов макротемы и макрорема, усиливают концентрацию мысли, раскрывают интенцию автора. Фундаментальные для русской языковой картины мира концепты «Родина», «Бог», «Человек», «Судьба», «Добро», «Зло», «Вера», «Надежда», «Любовь», «Изгнание», «Бегство», «Тоска», «Горе» связывают текст в единое целое, позволяют постичь эстетический смысл текста повести и понять художественный мир и идиостиль автора.

Ключевые слова: дискурсивный анализ, тема-рематическая связность, вербализация, тема, рема, инкорпорирование, бегство, рай.

ВВЕДЕНИЕ

Теоретические основания дискурсивного анализа текста были заложены на рубеже 70-х годов прошлого столетия, когда, вслед за работами русского фольклориста Владимира Проппа по исследованию русских сказок, стали появляться статьи, служащие примером структурного подхода к связному повествованию. В этом русле многие исследования связного текста проводились на стыке таких разделов языкознания как стилистика, грамматика, поэтика.

Со временем, в связи с нуждами новейших лингвоантропологических дисциплин, например когнитивной лингвистики, психолингвистики, возникла необходимость перестройки структурного подхода к связному тексту по причине не только понимания, но и восприятия текста с учетом соотношения памяти и дискурса.

Таким образом, основной задачей смены парадигмы изучения связного текста стала проблема моделирования знаний о мире, обществе или человеке, необходимых, например, для понимания повести или рассказа.

Известно, что современная теория дискурса, дискурс-анализа текста, равно как и сам термин «дискурс», возникла ещё во времена античной риторики. В середине 60-х годов XX века в рамках такого направления, как лингвистики текста, возникла как ее продолжение самостоятельная область знаний, получившая интенсивное развитие – теория дискурса. Это был период, совпавший с периодом «выхода» лингвистики за рамки изучения изолированного высказывания (предложения) и «перехода» к анализу синтагматической цепи высказываний, образующих текст. Исследовательский интерес к тексту, таким образом, возник первоначально в рамках лингвистики текста. Некоторые лингвисты называют «язык в действии», «акт речи», текст связной речи дискурсом, подразумевая под ним пересказ [12, p.1].

Согласно теории представителей немецкой школы критического анализа дискурса, «язык не только отображает социальные процессы и социальное взаимодействие, но и конституирует их. Дискурс всегда историчен, т. е. он всегда синхронически и диахронически связан с коммуникативными событиями, происходящими в настоящий момент или происходившими прежде» (Р. Водак и др.).

Известно, что конституирующими свойствами текста являются целостность, связность (когерентность и когезия), законченность, структурность, членимость, информативность, интертекстуальность и др. Интерес к изучению текста был обусловлен антропоцентрической парадигмой современной лингвистики, ставящей в центр внимания и изучения носителя языка, порождающего и воспринимающего текст желанием объяснить язык как важнейшее средство коммуникации, более глубоко исследовать разносторонние, порой неуловимые связи языка с различными сторонами человеческой деятельности, реализуемыми, в том числе, и посредством связного текста.

Свое внимание в данной статье мы сфокусируем на одном из направлений лингвистики текста, а именно семантическом аспекте. Известно, что семантический аспект любой информации – это характеристика информации с точки зрения ее

смысла, содержания. Проблема адекватного восприятия (и передачи также) заключается в условном «совпадении» тезаурусов знаний, например, создателя текста, адресанта, и читателя, адресата. М. М. Бахтин подчёркивал: «Событие жизни текста, т.е. его подлинная сущность, всегда развивается на рубеже двух сознаний, двух субъектов» [1, с. 229].

При условии соответствия информации связного текста в определенной мере тезаурусу знаний читателя как реципиента информации возникает восприятие, если же преобладает разность тезаурусов, автор текста и читатель не поймут друг друга. При полном совпадении сообщения с тезаурусом получателя оно не воспринимается как новая информация.

«Под семантической структурой текста понимается ассоциативно-семантическая сеть, отражающая связи и отношения между реализованными в тексте лексическими и грамматическими значениями слов, фразеологизмов, предложений» [2, с. 362].

Исследование семантики информации связано с теорией смыслового членения предложения, названного актуальным членением предложения основателем Пражской школы функциональной лингвистики В. Матезиусом. Исследователями был установлен порядок актуального членения высказывания, порядок слов в предложении, в последнее время – и в тексте.

План содержания органично связан с проблемой связности текста, когда возникает вопрос об актуальности членения смысла информации. Характер соотнесенности компонентов актуального членения с компонентами информационной структуры дискурса обусловлен и вербализован в виде *темы* и *ремы*. Сообщаемое (*рема*) обычно соотносится с той информацией, о которой еще не было речи в текущем дискурсе, и называется неактивированным (новым). Естественно сообщать то, что для слушающего ново. А тема обычно включает то, о чем только что шла речь, что в теории дискурса называют активированным (данным, старым). Активация относительна: она угасает по мере удаления текущей точки дискурса от активированных вещей, если они не реактивируются.

В данной статье представлен анализ вербализации тема-рематической связности повести А. Светланского «Бегство из рая», взятой из последнего тома «Сладкое или горькое» десятитомника «Литература русских эмигрантов в Китае, выпущенного в 2005 году в г. Пекине в издательстве «Китайская молодёжь». Главным составителем данного издания является профессор Цицикарского университета, член Союза писателей России, заместитель председателя правления Амурской областной общественной писательской организации, доктор Воронежской технологической академии, кавалер Ордена Дружбы России Ли Янлен (Ли Яньлин). В десятитомнике собраны произведения почти 100 русских литераторов-эмигрантов, проживавших и творивших в Китае в прошлом столетии.

Среди них есть и известные во всем мире и уже в России – Николай Байков, Валерий Перелешин, Ларисса Андерсен, Арсений Несмелов, Петр Северный, Лидия Хаиндрова, Елена Недельская, но большая часть писателей (как А. Светланский) и поэтов не известна даже русскому читателю и сейчас постепенно возвращается на родину.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Текст повести русского эмигрантского писателя-прозаика в Китае Анатолия Светланского «Бегство из рая» представляет собой монологический дискурс с элементами диалогического. В данном случае берётся одно из многих значений термина – «Дискурс – речевое произведение как данность – письменная или устная» [10, с. 467].

Повествование ведётся от первого лица, беженца Виктора Ивановича, который рассказывает собравшимся вокруг костра на берегу Сунгари русским эмигрантам о том, как он бежал из СССР в Китай, каким опасным и тяжелым был этот путь. Монолог временами прерывается вопросами, эмоциональными репликами, междометиями, оценками слушателей.

Макротема задана уже в заглавии – бегство. Выбор именно этой темы определяется степенью её актуальности для А. Светланского. В этой *макротеме* заключен весь смысл художественного текста повести, вся его суть. «Под *темой*

понимается смысловое ядро текста, конденсированное и обобщённое содержание текста» [9, с. 17].

Автор следует ей на протяжении всего повествования, она пронизывает весь текст и указывает на основное событие, на данность – бег героя. *Макротема* членится на пять *микротем*, составляющих один коннекторный ряд основной темы, который оформляется средствами когезии (повторами). Поскольку монолог главного героя не раз переходит в диалог, в ответы на поставленные вопросы, в дополнения по теме разговора, в обмен мнениями, в оценки событий, то и *микротемы* постоянно переплетаются, чередуются. Каждая *микротема* раскрывает всё больше смысл основной, сквозной темы, обогащает её, дополняет, конкретизирует и развёртывает в логической последовательности. Хотя автор и делит *макротему* на составляющие, текст повести, тем не менее, является *монотематическим*.

Выделяемые *микротемы*: 1. Причины бегства героя и всех беженцев; 2. Сам процесс бегства; 3. Гонители, преследователи беженцев; 4. Проводники и помощники беженцев; 5. Судьба беженцев.

Выделяемые *микротемы* как составные элементы *макротемы бегство* вербализованы следующими текстами:

Причины бегства из большевистского «рая» – «спастись, живым остаться... пожить бы ещё немного... ужасы творятся... люди уничтожаются любыми мерами и способами... расстреливают, убивают, арестуют, во вредители запишут... сошлют... увозили в ссылку... на северá... на Соловках умереть пришлось бы... отняли всё нажитое... ограбили всё... сплошное мучение...» и т.д. [6].

Сам процесс бегства – «Бежал я... Было жутко и страшно, что нагонят... то поднимались, то опускались... Падал я бесчисленно раз... Спуск был очень крутой... Я упал и покатился вниз...несколько раз ударился головой о камни... Мне сделалось дурно... Мне хотелось пить... я сметал снег... а потом клал его в рот.... Проводник бежал, бежал и я... Верёвка порвалась... я ринулся в каменистую пропасть... Нам надо бежать, сказал проводник... Не могу... я скоро умру...» и т.д [6].

Гонители, преследователи беженцев – «Большевистские главари... Антихристы... Убийцы... Большевики хотят уничтожить всё старое и насадить

новое... Советская власть... так называемое раскулачивание проделала и добрую половину всех крестьян выслала в отдаленные местности на север, на съедение мошке... А сколько бегут... Расстреливают их так много... На границе попадают. Из города тоже бегут: есть нечего и жить нельзя с людьми, у которых нет ничего хорошего в душе... Плохие люди... ничего нет у них человеческого... Злодеи... Разбойники... Известно ли вам, сколько этот погранотряд убил нашего брата – беженцев? Большевики – идола проклятые, хуже людоедов... Дикая люди, озверели... делают что хотят, а антихристу это и на руку...» и т.д. [6].

Очевидно употребление автором пейоративной лексики с целью порицания, неодобрения деяний большевиков. По мнению признанного русского лингвиста В. И. Карасика данную лексику можно классифицировать на различных основаниях. В повести А. Светланского пейоративные слова и словосочетания констатируют социальную опасность представителей советской власти, что и послужило причиной бегства из России нескольких миллионов людей и большого числа жертв среди оставшихся. По разным оценкам историков, исследователей, публицистов, писателей (И. А. Курганов, К. М. Александров, Р. А. Медведев, Б. С. Пушкарёв, А. И. Солженицын, О. А. Платонов и мн. др.), Россия потеряла в результате революционных преобразований – гражданская война, репрессии, коллективизация, ссылки, ГУЛАГ, голод, эмиграция – миллионы.

Проводники и помощники беженцев – «Здесь вот за Сунгари у добрых людей уголок нашёл... Мне люди помогали и у себя, на родине и здесь хорошо был принят... Мой проводник преподал мне инструкцию следования за ним... говорил он мало по-русски... поджидая меня, шепотом произнёс: «Ваши боли?» (Вам больно?) ... Плачи не надо... Я основательно устал. Проводник это заметил...: Скоро... отдохай много... Твоя кушь, кушь мало – подавая мне мёрзлую пампушку, произнёс он...» и т. д. [6]. Помогли Виктору Ивановичу и китайские рабочие из барака, и сменивший заболевшего проводника Лю Фанчан, и добрая старушка-китаянка с её красавицей невесткой из убогой фанзы, и Аввакум Елиазарович, добрый человек с лошадкой и телегой, ехавший по дрова, и его жена, жизнерадостная женщина Прасковья Капитоновна, и кореец Борис Ким, оказавшийся в банде хунхузов, и начальник

станции, и, наконец, славная девушка Зорика. Другие беженцы вспоминают добрым словом Беженский Комитет – «Вечно Бога молить будем за Беженский Комитет. Много помогает он: спасает людей от смерти...».

Судьба беженцев – «...волной беженской из России выбросило... революция разбросала по всему свету... брожу по свету – ищу детей своих... в дороге ежеминутно дрожать за жизнь приходится... в дороге сколько горя перенёс и опасностей пережил... Ни одна партия беженцев не проходила границу без человеческих жертв. Вся тридцативерстная полоса у границы усеяна трупами наших русских людей.... Через тонкое полено поперёк... грудью вверх лежал замёрзший труп молодой женщины... некоторые части тела были объедены (волки)... Всех нас ждёт горькая участь... на чужой стороне. Я тоже похоронила двоих любимых маленьких деток, не досмотрела: под телеги беженские попали. И не забыть никогда утери такой... У каждого из нас русских беженцев есть немало горя великого и скорби душевной... Если хотите увидеть своих беженцев, то можно будет пойти к поезду – очень часто их высылают на Гродеково пойманных в сопках и в Пограничной. Сколько плачут, истерики, а некоторые прямо тут же хотят покончить с собой... У всех вид измученный, ужасный, у женщин были заплаканные глаза... Освободите нас! ... Нас там (в СССР) убьют, расстреляют... Горе наше... За что нас Бог так наказывает... страдальцы русские...» [6].

Микротемы связаны между собой такими категориями текста (по А. Ф. Папиной), как участники события, само событие, время, пространство (место), результат, оценка, которые образуют семантическое пространство текста повести, способствуют организации цельности, единства произведения и подчинены главной **теме**. При этом автор порождает у читателя и фиксирует в его памяти один и тот же образ беженца с помощью повторения однокоренных слов с наименьшим изменением семантики. В тексте эти ключевые слова (бегство, беженцы и т.д.) актуализируются автором более 60 раз, обнаруживая тем самым авторскую интенцию, коммуникативную стратегию развёртывания текста, и являются доминантами.

В лингвистике существуют разного рода описания функций повторов. В. А. Мальцев отмечает, что повторы преодолевают линейность текста. А. П. Сковородников подчеркивает, что повторы выделяют главную идею, существенные детали, рему высказывания и т. д. Повтор как способ создания смысловой целостности художественного текста отмечается в работах И. Я. Чернухиной и И. В. Арнольд, у И. Р. Гальперина как способ детализации основного содержания. В повести А. Светланского повторы, а их здесь несколько видов, осуществляют связь и передачу содержательной информации и являются скрепами текста. В тексте повести встречаются и полные повторы (слово «*беженцы*» встречается 28 раз), и парадигматические (одни и те же слова в измененной грамматической форме), и деривационные повторы (однокоренные слова, представляющие собой разные части речи – *бег, бежал, беженский*), и синонимические «*уничтожают – убивают, расстреливают, антихристы – безбожники, раскидало – разбросало, исколесил – объехал, усилил ход – поспешил – ускорил шаг, омывает – орошает, Русь Святая – Россия – Родина, Китай – Поднебесная Республика, Богу душу отдал – помер, миновать – пройти, дурно – плохо, дикие – озверели, страдания – мучения – горе – участь горькая и т.д.*», и антонимические повторы (*горе – радость, красивый – ужасный, страшный, голодать – съесть много, жить – помирать, назад – вперёд, старушка – девушка, устать – отдохнуть, подняться – спуститься, голубчик – гадина, нищие – богатые*) [6].

Присутствуют в тексте и грамматические повторы, точнее местоимённые (я, мы), которые осуществляют и морфологическую, и содержательную связность частей текста. Известно, что повторные слова в тексте, по Ю. М. Лотману, свидетельствуют «о более сложном, хотя и едином смысловом содержании» [7, с. 158-159]. Все выявленные в ходе лингвистического анализа повторы текста повести А. Светланского помогают сосредоточить внимание читателя (а внутри повести – слушателя) на авторском видении ситуации, героев, места, времени и создают эмоциональное напряжение, сопереживание. Кроме того, они осуществляют сквозную связь всего текста. Повторы осуществляют здесь номинативную, когнитивную и экспрессивно-эмоциональную функции при восприятии

семантического содержания информации дискурса или связного рассказа, повествования.

Макрорема, равно как и **макротема** данного произведения, также задана уже в названии повести, в заглавии – *из рая*. «Рема имеет двойную функциональную направленность: внутри предложения она противопоставлена **теме**, соединяя исходную и новую, коммуникативно значимую информацию в коммуникативном акте; за рамками предложения **рема** данного предложения вступает в смысловые отношения с **ремами** соседних предложений, создавая **рематическую** доминанту текстового фрагмента, сигнализирующую его семантическую общность и способствующую членению текста» [5, с.131].

Бежать можно откуда угодно, но не из рая, из него можно только быть изгнанным, здесь же бегут из «советского рая». Большевики обещают «*у нас рай земной скоро будет*», по рассказам же беженцев складывается картина ада, а не рая. **Макрорема** отсылает нас к эпизоду библейского предания из книги Бытия, следующего за грехопадением Адама и Евы, прародителей человечества, за что Бог изгнал их из Эдемского сада.

Уместными здесь кажутся слова польского сатирика прошлого века Владислава Гжещика: «Человек был создан для жизни в раю. А в этом мире он – беженец».

Согласно дискурсу с рядом выделенных **микротем**: 1. Причины бегства героя и всех беженцев; 2. Сам процесс бегства; 3. Гонители, преследователи беженцев; 4. Проводники и помощники беженцев; 5. Судьба беженцев считаем возможным выделить и описать наличие **микрорем**: 1. Бывший рай; 2. Изгнание из рая; 3. Настоящий «рай» (т.е. Китай); 4. Антихрист – гонитель из рая.

Выделяемые **микроремы** как составные элементы **макроремы из рая**, вербализованы следующими текстами:

1. Бывший рай – «*Вернуться бы на Родину – Русь Святую скорей... Из Петербурга, голубчик. Председателем судебной палаты служил... Грамоте большой он учился. К высшей квалификации специалистом причислен был. Должности большие занимал... Я оглядывался назад и припоминал оставляемые позади местности... Жалко мне было... Главной красивой улицы большого Приморского*

города, где я проводил большую половину свободного своего времени, купанья морского, коим я пользовался почти до пяти месяцев в году... Старик – отец мой... Наживал всё... денежку копил... нас сыновей вырастил, выучил малость... домик хороший с усадьбой красивой отстроил... скотинкой хорошей, породистой обзавёлся... Всем известно, господа, какой процент крестьянского населения имела Россия...» [6].

2. Изгнание из рая – «Революция нас русских людей разбросала по всему свету. Кто куда успел. Спаслись бы где-либо... Миллионы лучших русских людей уничтожаются всякими способами и мерами, какие только могут быть придуманы большевистскими главарями в интересах удержания власти в своих руках. А сколько бегут. Бежал, вот, я сам...» и т.д. [6].

3. Настоящий «рай» (Китай) – «Здесь вот за Сунгари у добрых людей уголок нашёл... Здесь хорошо был принят... Русских людей здесь принимают и жить им дают... Радость в душе моей промелькнула: на свободе – в Поднебесной Республике – в Стране Величавого Народа... Полный противоречий Харбин показывал своё лицо... Уверенно и самодовольно выглядывали из машин разбогатевшие китайские купцы... Равнодушно и презрительно проезжали, сами управляя машинами иностранцы... Наёмные форды... подвозили семьи русских коммерсантов... У входа в Яхт-Клуб стояла толпа нищих...» и т.д. [6].

В данном эпизоде чувствуется скрытая горькая ирония автора – не соотносится «толпа нищих» с приобретенным «раем». Встретили эмигрантов в Китае и отрицательные стороны китайской действительности: суровый закон Поднебесной, «свои» сограждане в лице представителей русского консульства, которые пытались возвращать беженцев в СССР, безработица, чужая культура и язык, сумбейцы, хунхузы, позже японские оккупанты и проч.

4. Антихрист – гонитель из рая: его представляют в повести «большевистские главари... А антихристы (большевики), день и ночь сговариваются: уничтожить бы скорее всё живущее теперь и насадить новое... Истерики женщин, проклинавших антихриста, который, якобы, сотворил большевиков... и не понимают они хитросплетений антихриста...» и т.д. [6].

Отметим, что текстовые фрагменты *микротемы-3* перекликаются с таковыми *микротемы-4*. «Антихристами» названы те, кто сделал невыносимой жизнь миллионов людей после революции и вынудил их рассеяться по свету. Антихристами их называли беженцы и за богоборчество, за отрицание Бога, к сожалению, эта тема не раскрывается в повести. Сухие цифры статистики свидетельствуют: в СССР – тысячи расстрелянных священников всех конфессий, десятки тысяч разрушенных церквей и храмов, аресты, ссылки проповедников, уничтожение святынь, глумление над Библией, армия воинствующих атеистов и даже искусственное инспирирование раскола РПЦ.

Смысл этой *микротемы* – разлука с Богом, что, в принципе, и есть суть ада, ада беженцев. В воспоминаниях репатриантов из Китая, которые не попали в СССР в тюрьмы и выжили, описываются чувства пережитого ими настоящего шока от возвращения не на ту Родину, которую они когда-то покинули. Среди фактов окружающей советской действительности – пьянство, бедность, ненормативная лексика, неустроенность, грязь, враждебное отношение к вернувшимся эмигрантам и проч. Особо подчёркивается отсутствие религиозности у населения страны Советов.

В раскрытии *макротемы рай* А. Светланский использовал такой литературоведческий прием, как антитеза (от др.-греч. ἀντίθεσις «противопоставление»), т.е. прием, который сродни риторическому противопоставлению. Антитеза как яркая стилистическая фигура контраста в ораторской речи или художественной речи заключается в резком противопоставлении понятий, положений, образов, состояний, однако связанных между собой общей конструкцией или внутренним смыслом» [4, с. 10].

Писатели используют обычно антитезу для противопоставления двух героев, событий, предметов, состояний, явлений, противопоставлены могут быть разные качества одного героя, например в образе Раскольникова у Ф. М. Достоевского. В повести «Бегство из рая» автор посредством антитезы раскрывает образ России. Становится понятным, что царская Россия была раем для многих беженцев, а советская стала адом, из которого они бегут, спасая свои жизни и жизни своих близких в поисках другого рая.

ВЫВОДЫ

Из пяти основных *тема-рематических структур* в тексте повести выявлено употребление самой частотной из них, называемой *инкорпорированием*, где *ремы* по ходу повествования становятся последующими *темами*, т.е. все темы имеют *рематическую* природу.

Мы наблюдаем у А. Светланского использование нескольких *микротем* и *микрорем*, создающих «*дисконтинуум*, т. е. соединение нескольких миров в одну цельную, но сложную картину» [11, с. 54].

Символично, что среди нескольких лодок на берегу писатель упоминает в зачатке повести только две, названные «Родина» и «Беженка», что является рефреном заданных в заглавии «Бегство из рая» *темы и ремы*.

Повесть Анатолия Светланского «Бегство из рая» является автобиографическим произведением – настолько подробно излагаются здесь детали бегства, как будто автор описывает свою судьбу, факты своей биографии. «Образ автора» легко угадывается в тексте через кодовый признак – субъективная форма 1-го лица местоимения Я и авторское МЫ. К сожалению, о самом А. Светланском ничего не известно, кроме того, что он – русский, эмигрант, при этом равнодушный к судьбе Родины, человек явно неробкого десятка, т. к. пишет в 1931 г. голую правду о Советском Союзе, подвергая себя «*величайшей опасности*» и открывая русским людям (читателям) то, «*что творится за занавесью*». Известно расхожее положение о том, что «эмигрантскую литературу и поэзия создала советская власть» [3, с. 7], субъективность которого очевидна.

Естественно ожидать от любого историко-культурного периода или эпохи культурной рефлексии в виде художественного произведения как «истинного носителя культуры» [8, с. 87].

Любое художественное произведение – это результат и духовной рефлексии художника, частный вариант концептуализации окружающего мира, индивидуально-авторская система взглядов на мир, которая может: а) отличаться от общечеловеческих, универсальных, б) совпадать полностью в) совпадать частично.

Анализируемая повесть, автор которой сам являлся беженцем, транслирует **концепты** русского мира – «Родина», «Судьба», «Человек», «Бог», «Вера», «Надежда», «Любовь», «Эмиграция» («Бегство», «Изгнание»), «Беженцы» («Эмигранты»), «Свобода», «Добро», «Зло», «Горе», «Тоска». Большинство из этих концептов является одновременно фундаментальным для русской культуры, а повесть, несомненно, имеет культурно-историческое значение и может найти запоздалый, но адекватный отклик и понимание современного читателя. Как известно, понимание художественного произведения меняется от эпохи к эпохе.

В перспективе целесообразно, во-первых, продолжить лингвистический анализ повести А. Светланского «Бегство из рая», точнее, провести контекстуальный анализ, семантический анализ концептов «движение», «бегство» и др., во-вторых, проанализировать глаголы движения от начала повествования до конца, провести их классификацию. В-третьих, определенный интерес представляет дискурсивный анализ произведений других, не очень известных русских писателей и поэтов, представителей восточной (китайской) ветви русской эмиграции.

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках : Опыт философского анализа [Текст] / Бахтин М. М. // Русская словесность : Антология / под ред. проф. В. П. Нерознака. – М. : Academia, 1997. – С. 227–249.
2. Болотнова, Н. С. Филологический анализ текста : учеб. пособие [Текст] / Н. С. Болотнова. – 4-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 520 с.
3. Витковский, Е. В. Вступительная статья к «Антологии поэзии русского зарубежья». «Мы жили тогда на планете другой» [Текст] / Е. В. Витковский. – М. : Московский рабочий, 1995. – 496 с.
4. Жамсаранова, Р. Г. Особенности представления образа Родины в повести Анатолия Светланского «Бегство из рая» / Р. Г. Жамсаранова // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2019. – № 5(105). – С. 35–42.

5. Золотова, Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка [Текст] / Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1973. – 351 с.
6. Литература русских эмигрантов в Китае. Т. 10. Сладкое или горькое [Текст] / Главный составитель Ли Янлен. – Пекин : Изд-во «Китайская молодежь», 2005. – 500 с.
7. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста [Текст] / Ю. М. Лотман. – М. : Искусство, 1970. – 384 с.
8. Маслова, В. А. Лингвокультурология : Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений [Текст] / В. А. Лотман. – М. : Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
9. Москальская, О. И. Грамматика текста (Пособие по грамматике немецкого языка для ин-тов и факультетов иностранных языков) [Текст] / О. И. Москальская. – М. : Высшая школа, 1981. – 183 с.
10. Николаева, Т. М. Краткий словарь терминов теории текста [Текст] / Т. М. Николаева // Лингвистика текста / Отв. ред. Т. М. Николаева. – М. : Прогресс, 1978. – 479 с.
11. Папина, А. Ф. Текст : его единицы и глобальные категории [Текст] / А. Ф. Папина. – М. : УРСС, 2002. – 368 с.
12. Benveniste E. On Discourse. The Theoretical Essays: Film, Linguistics, Literature. Manchester: Manchester Univ. Press, 1985. 152 p.

References

1. Bakhtin M. M. *Problema Teksta v Lingvistike, Filologii i Drugikh Gumanitarnykh Naukakh: Opyt Filosofskogo Analiza. Russkaya Slovesnost': Antologiya*. [The Problem of the Text in Linguistics, Philology and Other Humanities. Experience of the Philosophical Analysis. Russian Literature. Anthology]. Ed. by prof. V. P. Neroznak. Moscow: Academia Publ., 1997, pp. 227–249.
2. Bolotnova N. S. *Filologicheskii Analiz Teksta: Uchebnoye Posobie* [Philological Analysis of the Text. A Handbook]. 4th ed. Moscow: Flinta: Nauka Publ., 2009. 520 p.

3. Vitkovskii E. V. *Vstupitel'naya Statya k Antologii Poezii Russkogo Zarubezhya. My Zhili Togda na Planete Drugoi* [Introduction to the Anthology of Russian Emigrant Poetry. When We Lived on the Other Planet]. Moscow: Moskovskii Rabochii Publ., 1995. 496 p.
4. Zhamsaranova R. G. *Osobennosti Predstavleniya Obraza Rodiny v Povesti Anatoliya Svetlanskogo Begstvo iz Raya* [Peculiarities of the Image of Motherland in the Story Escape from Paradise by Anatolii Svetlanskii]. *Vestnik Chuvashskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta Im. I. Ya. Yakovleva*, 2019, no 5(105), pp. 35–42.
5. Zolotova G. A. *Ocherk Funktsionalnogo Sintaksisa Russkogo Yazyka* [Essay on the Functional Syntax of the Russian Language]. Moscow: Nauka Publ., 1973. 351 p.
6. *Literatura Russkikh Emigrantov v Kitae. Tom 10. Sladkoe ili Gorkoe* [Literature of Russian Emigrants in China. Volume 10. Sweet or Bitter]. Comp. by Li Yanlen. Beijing: Kitaiskaya Molodezh' Publ., 2005. 500 p.
7. Lotman Yu. M. *Struktura Khudozhestvennogo Teksta* [Structure of the Literary Text]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1970. 384 p.
8. Maslova V. A. *Lingvokulturologiya: Uchebnoye Posobie dlya Studentov Vysshykh Uchebnykh Zavedenii* [Linguoculturology. A Handbook for Students of the Universities]. Moscow: Akademiya Publ., 2001. 208 p.
9. Moskal'skaya O. I. *Grammatika Teksta (Posobie po Grammatike Nemetskogo Yazyka dlya Institutov i Fakultetov Inostrannykh Yazykov)*. [Grammar of the Text (A Handbook of German Grammar for the Universities and Faculties of Foreign Philology)]. Moscow: Vysshaya Shkola Publ., 1981. 183 p.
10. Nikolaeva T. M. *Kratkii Slovar Terminov Teorii Teksta. Lingvistika Teksta* [A Short Dictionary of Theory of the Text Terminology. Linguistics of the Text]. Ed. by T. M. Nikolaeva. Moscow: Progress Publ., 1978. 479 p.
11. Papina A. F. *Tekst: Ego Edinitsy i Globalnye Kategorii* [The Text, Its Items and Global Categories]. Moscow: URSS Publ., 2002. 368 p.
12. Benveniste E. *On Discourse. The Theoretical Essays: Film, Linguistics, Literature*. Manchester: Manchester Univ. Press, 1985. 152 p.

**ANATOLY SVETLANSKY'S "ESCAPE FROM PARADISE" STORY:
THEME-RHEME COHERENCE OF THE TEXT**

Zhamsaranova R. G., Kim N. V.

The article is devoted to one of the directions of the discourse analysis of the text – the semantic aspect, namely the verbalization of the theme-rheme coherence of the text of the novel "Escape from Paradise" by the writer of the eastern branch of Russian emigration Anatoly Svetlansky. The macrotheme (escape) and macrorheme (from paradise) are already set in the title of the story and in the beginning, and are divided into components of microthemes and microrhemes, which are constantly intertwined, while maintaining the main macrotheme and macrorheme. Of the five topic-rheme structures, we see the incorporation in the text when the rheme of the previous statement becomes the topic of the next statement, therefore all microthemes are of a rhematic nature. To reveal the idea of the work and for the theme-rheme connection of the narrative, the author uses five text-forming categories: participants of the event, event, place, time, rating. Different kinds of repetitions: full, paradigmatic, derivational, synonymic, antonymic, grammatical, do not lead to tautology, but, on the contrary, to semantic diversity, contribute to the formation of the connection series of macrothemes and macrorhemes, increase the concentration of thought, reveal the author's intention. Fundamental to the Russian language picture of the world, the concepts of "Homeland", "God", "Man", "Fate", "Good", "Evil", "Faith", "Hope", "Love", "Exile", "Flight", "Longing", "Woe" connect the text into a single whole, allow you to understand the aesthetic meaning of the text of the story and understand the artistic world and idiosyncrasy of the author. **Keywords:** discourse analysis, theme-rhematic coherence, verbalization, theme, rheme, incorporation, escape, paradise.

УДК 80, 808.5

ДИАЛОГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ВСТАВОЧНЫХ КОНСТРУКЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО, РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА И СПОНТАННОЙ РЕЧИ)

Мазикова Н. Ю.

ФГБОУ ВО «Ростовский государственный университет путей сообщения»,
Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: newnat46@yandex.ru

Настоящее исследование посвящено актуальному вопросу прагмалингвистики: поиску наиболее эффективных языковых способов воздействия на воспринимающего адресата. Рассматривается прагматический потенциал вставных конструкций в современном языке, в двух его формах: письменной и устной. На примерах художественного текста (рассказы А.И. Солженицына), рекламного текста (реклама из женских журналов «Лиза» и «Cosmopolitan»), спонтанной устной речи (спортивный репортаж Д. Губерниева и видео Е. Комаровского) описывается диалогическая функция вставных конструкций. Делается вывод о том, что в основе эффективного текста лежат особенности живой разговорной речи. Для актуализирующей прозы, рекламного текста, журналистского репортажа, телевизионного монологического обращения на актуальную тему характерны диалогичность, прагматичность, использование косвенных тактик речевого воздействия. Действенным средством реализации коммуникативной функции оказываются вставные конструкции. Разные их типы: и металингвистические (в большей степени), и даже традиционные становятся площадкой для выражения мировоззрения и творческой энергии говорящего, его оценок, а также для его опосредованного общения, установления контакта с воспринимающим реципиентом. Именно категория адресата, учет этого фактора, уважение к нему и помогает авторам сделать текст или речь более многоплановыми, экспрессивными, а следовательно, более прагматично эффективными, что помогает им добиться поставленных целей, различных для конкретных жанров: убедить, объяснить, повлиять на мысли и чувства, продать товар, воодушевить и др.

Ключевые слова: вставная конструкция, парантеза, прагматика, диалогичность, рекламный текст, художественный текст, спонтанная речь.

ВВЕДЕНИЕ

Лингвистика XXI века как никогда интересуется тем, что связывает слово с реальной жизнью человека. Сегодня слово, язык, текст, устная речь анализируются все чаще не сугубо лингвистически, отвлеченно, «в чистом виде», а в окружении экстралингвистических факторов, дискурсивного фона. Современных ученых необычайно волнуют вопросы имплицитной информации, подтекста, интертекста, авторской картины мира, концептуальной системы языка конкретного народа или произведения и др.

В списке популярных в современной лингвистике областей исследования особое место занимают вопросы прагмалингвистики. Можно даже утверждать, что никогда наука о языке не была настолько прагматичной. Многие авторы [1; 6; 7; 10; 11] сегодня озабочены поиском наиболее эффективных способов и механизмов воздействия слова, текста, речи на воспринимающего субъекта, читателя, адресата. Как с помощью разных уровней языка: фонетического, лексического, морфологического, синтаксического, стилистического – повлиять на адресата так, чтобы достичь главной цели адресанта; как передать реципиенту мысли, идеи, чувства автора; как в конечном счете понравиться читателю и определить его выбор? Наибольшую актуальность изучение этих вопросов приобретает в сфере рекламы, политической пропаганды, в журналистике, в современном сегодня жанре блогерского текста или блогерских видео (сторис). Весьма часто от понимания воздействующих механизмов языка того или иного жанра напрямую зависит успех человека, создающего тот или иной текст.

Однако знать и учитывать прагматические средства современного языка важно не только в сферах, связанных с профессиональной деятельностью человека, с его коммерческим успехом (см. выше). Художественный текст с течением времени тоже меняется, как и меняется воспринимающий его читатель. Безусловно, первая задача художника слова – культурная, эстетическая, поскольку он создает произведение искусства. Но и интересы писателя, связанные с финансовым успехом произведения, также важны, так как донести созданный текст до большего читательского круга сегодня непросто. Произведение искусства нужно иметь продать. Именно поэтому художественный текст каждой эпохи меняется, подстраиваясь под особенности мировосприятия современного читателя. В связи с этим, становится очевидной необходимость изучения прагматики и художественного текста. Этим объясняется актуальность настоящей работы.

Объектом данного исследования является прагматический потенциал такого синтаксического средства, как вставные конструкции, реализуемый в современном языке, в двух его формах: письменной и устной. В качестве предмета для анализа выбраны художественный текст (рассказы писателя XX века А. И. Солженицына),

рекламный текст (реклама из женских журналов «Лиза» и «Cosmopolitan»), а также примеры спонтанной устной речи (репортаж по биатлону спортивного комментатора Д. Губерниева и два видео популярного врача-педиатра, ведущего авторских телепрограмм Е. Комаровского). Цель данной научной статьи – выявить и описать в рассматриваемых текстах и обращениях диалогическую прагматическую функцию вставных конструкций. В своем исследовании мы опираемся на идеи прагмалингвистики, экспрессивного синтаксиса, а также на работы, рассматривающие вопросы *влияния разговорной речи* в различных речевых жанрах. По нашему убеждению, именно особенности живой разговорной речи кладутся в основу эффективного текста.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Итак, рассмотрим особенности функционирования в тексте и речи **вставных конструкций** (ВК). Известно, что к *парантезам*, как их еще называют, относятся слова, группы слов, выражения и даже сложные синтаксические целые (микротексты), дополняющие, уточняющие, разъясняющие информацию в главном предложении. Характерной чертой вставок является то, что они, перебивая основной текст, осложняют его структуру, увеличивают информативность (закладывая пласт подтекстной информации), усиливают экспрессивность. В письменной речи вставные конструкции обозначаются скобками или тире. В устной речи парантезы обязательно выделяются говорящим интонационно: понижением тона голоса, ускорением темпа, паузами, иногда изменением громкости.

Надо отметить, что если в письменной речи ВК могут быть включены, добавлены автором и позже написания основного предложения, передачи главной мысли, то в речи устной парантезы передают новые мысли говорящего, возникающие «здесь и сейчас», в момент самого высказывания. Природа вставок такова, что они, структурно и интонационно разъединяя гладкий текст, служат своеобразными комментариями. Комментаторский характер парантез делает их элементом авторского рассуждения, замечания, некой авторской свободы, когда говорящий

волен прерывать свою речь, отвлекаясь на то, что кажется ему на данный момент наиболее актуальным.

Таким образом при включении в текст вставок происходит актуализация второстепенной информации, относящейся к оценочной стороне языковой личности, выдвижение ее на первый план. Эту же мысль находим у О.В. Павловой. Говоря о таком виде вставных конструкций, как металингвистические, ученый отмечает, что они происходят из сферы человеческой деятельности, отличной от сферы происхождения основного текста. «Временная актуализация этой сферы и привела к появлению в речевом акте вставной конструкции» [13, с.244].

В научной литературе нет общепринятой классификации парантез. Мы будем придерживаться терминологии О. В. Павловой, которая, вслед за Н. В. Богдановой [3], выделяет два основных типа вставок: классические и металингвистические. **Классические** вставные конструкции передают дополнительную информацию и содержательно относятся к уточняемому основному тексту. **Металингвистическими** называют конструкции, выходящие за содержательные рамки текста. Сюда относится информация об источнике цитирования, отвлеченная от текста информация, ставшая здесь и сейчас актуальной для говорящего, а также оговорки («конкурентные намерения» по З. Фрейду) [13, с.243–249].

Поскольку целью нашего исследования является определение диалогической функции вставок, то обратимся к классификации основных функций ВК.

1) *Информативная функция*, или функция *дополнительного сообщения*. На основе этой функции выделяются три типа вставных конструкций:

- ВК, содержащие информацию обстоятельного характера (временные и пространственные характеристики, причинные отношения, способ и образ действия);
- ВК, содержащие информацию присоединительного характера (об истинности события, действия, явления; о непосредственном участнике события, исполнителе действия);
- ВК с атрибутивно-характеризующей информацией (дополнительные сведения о предметах и явления окружающего мира) [2].

2) *Коммуникативная функция* ВК, благодаря которой создается иллюзия непосредственного общения автора с адресатом. Эту функцию также будем называть *диалогической*.

3) *Прагматическая функция*, позволяющая адресанту с помощью вставки оказать максимальное воздействие на адресата [4, с.107; 7].

Рассмотрим особенности функционирования парантез в художественном тексте. Как мы уже отмечали, вставки более характерны для устной речи. Однако в художественном тексте, часто содержащем черты устной речи, ВК не менее популярны. Особенно это касается так называемой актуализирующей прозы, к которой исследователи относят рассказы А. И. Солженицына. Творчество этого писателя XX века, нобелевского лауреата является противоречивым и сложным. Именно за свои тексты, острые темы, свою манеру передачи информации Солженицын долгие годы был опальным, запрещенным в своем Отечестве автором. Писатель, благодаря своему воздействию слову, сумел оказать на воспринимающего читателя такое влияние, так искусно передать свои мысли, оценки действительности, свои чувства и настроения, что был признан правительством страны опасным. Даже не углубляясь в анализ, можно сделать вывод о том, что тексты Солженицына, создающие такой экспрессивно-эстетический эффект, весьма прагматичны.

Еще одной особенностью рассказов писателя (как и многих авторов этого времени) является имплицитность, богатство подтекста, использование косвенных тактик речевого воздействия. Прозаик XX века, опираясь на свое мировосприятие и исторический контекст эпохи, пытался найти решение волновавших его вопросов с помощью «диалога с читателем». Реализовать такой диалог открыто, собрав толпы народа в публичных местах, в то время было равносильно смерти. Поэтому мыслящими и рассуждающими писателями были выбраны языковые формы имплицитного диалога, «внутреннего диалога», и не прямые, косвенные тактики воздействия, на ту аудиторию, которой стремились сообщить свои мысли авторы эпохи.

Как показал наш анализ, имплицитные смыслы, часто концептуальные, специфика языковой картины мира писателя, его оценки действительности умело передаются и на уровне синтаксиса русского языка. К средствам косвенной тактики речевого воздействия, экспрессивного синтаксиса, относятся и вставные конструкции, о прагматическом потенциале которых в лингвистической науке на данный момент мало исследований.

В текстах рассказов Солженицына вставные конструкции достаточно частотны и разнообразны по структуре и семантике. Остановимся подробнее на некоторых примерах. Классические вставки, уточняющие и детализирующие информацию в основном предложении, иногда бывают у автора структурно сложными, строятся по типу «матрешки», парантеза в парантезе: *В приёмном покое – / куске большого обшарпанного зала, отгороженном грубыми перегородками / (за ними где-то была здесь баня, передевальня, парикмахерская), / днём всегда теснились больные и измидали долгие часы, пока их примут* [14] («Правая кисть»). Здесь, как видим, автор использует две ВК с ведущей информационной функцией, содержащие атрибутивно-характеризующую информацию (дополнительные сведения об особенностях интерьера приемного покоя и окружения тех импровизированных «комнат», в пространство которых был встроен больничный пункт). Хотя автор во вставках просто комментирует, уточняет по ходу повествования некоторые детали для передачи полной картины описываемой действительности, в самих парантезах содержатся слова, сигнализирующие об оценках автора и о принадлежности их к разговорному стилю речи и даже просторечию: «кусок зала», «обшарпанный», «грубые». Подчеркнутая разговорность манеры повествования заметна и на уровне синтаксиса, например, в использовании писателем инверсии «где-то была здесь баня». Так автор стремится пояснить некоторую информацию не просто читателю, а будто конкретному, сидящему рядом с ним читателю. Потому выбирается нарочито разговорный стиль, упрощающий восприятие, и потому автор может позволить себе выразить свое личное отношение к описываемой действительности, поделиться наболевшим. Этот почти физический читатель очень нужен автору, именно категория адресата помогает писателю сделать текст более многоплановым. Итак, мы видим,

что даже в примере вставок, где информационная функция является ведущей, она, несомненно, связана с коммуникативной функцией, диалогической.

Кроме внешне «нейтральных», содержательно классических вставок, в текстах Солженицына много (их даже количественно больше) эмоционально маркированных, причем и внешне, например, с помощью восклицательного знака. Такие вставки можно отнести к металингвистическим, которые, как показывает наш анализ, гораздо более связаны с разговорной речью, а следовательно, ведущей в них будет именно функция коммуникации, диалога с адресатом. Как в следующем примере из рассказа «На краях»: *А пробыть Главнокомандующим сухопутными войсками досталось ему всего месяц: на Главном Военном Совете вдруг стали зачитывать показания бывшего адъютанта Жукова / (оказывается, арестованного!) / и главного маршала авиации Новикова / (оказывается, тоже недавно арестованного!) / – и ещё других арестованных офицеров, – что Жуков будто бы готовил военный заговор / – какой бред!* [14]. Все три парантезы представляют собой эмоциональные реплики, по сути своей являющиеся несобственно-прямой речью размышляющего, оценивающего Жукова, призывающего читателей разделить его отношение к происходящему. Заметим, кстати, что писатель здесь намеренно использует еще один синтаксический прием, помогающий нарастить экспрессию, – лексический повтор с синтаксическим распространением (первые две ВК). В данном примере во вставках А.И. Солженицын применяет излюбленный прием – переключение модально-речевых планов: с описания реальных событий на обращение к ментальному плану, внутренней речи героя (за которым часто скрывается сам писатель). Такие вставки подобны театральным «репликам в сторону». Автор как бы «поворачивается лицом к читателю», смотрит в глаза, активно жестикулирует, передает в мимике лица свои эмоции. Все это свидетельствует о необычайной диалогичности текста писателя во вставках, которые активизируют восприятие читателя, создают эффект неожиданности, интимной доверительности, почти зрительного присутствия адресанта.

Часто встречающиеся у Солженицына **эмотивно-оценочные** ВК передают разные субъективные оценки сообщаемого в основном тексте: удивление,

возмущение, сомнение, восхищение, одобрение, иронию и др. Такие парантезы интонационно отличаются от основного текста, содержат вопрос или (и) восклицание: *Однако вот написать своей рукой в воспоминаниях, что за все свои мировые победы трижды Герой Советского Союза – единственный такой в стране!* – был сброшен в командующего военным округом, – перо не берёт, перед историей стыдно, об этом надо как-то промолчать («На краях») [14].

Диалогичность манеры повествования во вставных конструкциях усиливается благодаря вопросительным предложениям. Это и риторические вопросы, и открытые вопросы к читателю, провоцирующие на решение поставленной автором проблемы. Так коммуникативная функция сопрягается с апеллятивной, *функцией обращения*, и эффект доверительного диалога с читателем многократно усиливается, важность категории адресата увеличивается. Читатель приглашается автором к соразмышлению, сопереживанию героям произведения. Автор как бы предлагает читателю самое важное – свою дружбу, предлагает войти в узкий круг тех, кому он доверяет. Например: *А парни – и здоровые и плюгавые – все с победным выражением (кого они победили за свои пятнадцать-двадцать лет? – разве что шайбами в ворота...), все почти в кепках, шапках, кто с головой непокрытой, так не тут снял, а так ходит, каждый четвёртый выпитыми, каждый десятый пьян, каждый второй курит, да противно как курит, прислонивши папиросу к нижней губе.* («Пасхальный крестный ход») [14]. Парантезой автор вмешивается в свое повествование о наблюдаемом событии, чтобы как можно скорее поделиться своим мнением с читателем. На поставленный во вставке риторический вопрос он дает свой иронический ответ.

Подобные диалогические (и даже полемические) ВК похожи по содержанию с вопросно-ответными единствами, строятся по модели «реплики-реакции» (теория диалога), «стимул-реакции» (психолингвистика), «аргумента-контраргумента» (логика) [7]: *И на партийных собраниях разгулялись теперь всякие язвы. Опять обвиняют в повышенной резкости (как будто это – недостаток боевого командира), в жёсткости, в грубости, что не знал снисходительности (а иначе – какая служба?), даже во вражеском подходе к воспитанию кадров: замораживал*

ценные кадры, не выдвигал. (Вот этих клеветников и не выдвигал. Да некоторые и клеветают-то не со зла, а только – чтобы через то самим наперёд обелиться.) («На краях») [14]. Данный фрагмент представляет собой яркий пример диалогических «реплик-реакций». Три разные по объёму парантезы (последняя даже представляет собой микротекст) попеременно включаются в основное предложение, прерывая плавность повествования. Всякий раз перебивая основную мысль, автор (говоря от лица Жукова) во вставках эмоционально комментирует каждый довод, каждое обвинение в адрес главного героя. Так внимание читателя переключается с внешнего описания событий на их субъективное восприятие и оценку. Руководствуясь своим прагматическим намерением: уверить читателя в истинности слов главного героя, – писатель во вставках «защищает» позицию Жукова, убеждает аргументами, доказывает. Эти своеобразные реплики в сторону – диалог с читателем.

Солженицын нередко во вставках преследует цель расширить фоновые знания адресата. Это особенно ценно для читателя, воспринимающего текст спустя несколько десятилетий или веков, далекого от понимания описываемых реалий. Автор старается в таких отступлениях помочь читателю полнее понять и почувствовать ситуацию, и, конечно, облегчить читательское восприятие. Например: *Грамм двадцать не дотягивает, – решил Шухов и преломил пайку надвое. Одну половину за пазуху сунул, под телогрейку, а там у него карманчик белый специально пришит / (на фабрике телогрейки для эков шьют без карманов)* («Один день Ивана Денисовича») [14]. В таких парантезах писатель передает «опытную» информацию, накопленную им лично за долгие годы ссылки в трудовом лагере.

Обратим внимание еще на один пример, характерный для писательской манеры Солженицына, когда он в ВК подчеркивает важность адресата художественной коммуникации: *Я отступил к кухонной дверке и так перегородил её собою.*

– Право, не заметил. Не видно было.

/ (Мне и действительно не видно было, только слышно.) («Один день Ивана Денисовича») [14]. Заметим, здесь рассказчик как бы оправдывается перед читателем. Этот комментарий, надо полагать, адресован именно читателю, так как если в своей прямой речи он мог бы даже сказать неправду, то с читателем рассказчик остается

предельно откровенным. Так автор мягко и ненавязчиво формирует у адресата доверие и сочувствие к герою, т.е. достигает своего иллокутивного замысла.

Итак, как мы увидели, различные типы вставных конструкций в рассказах Солженицына (но в большей мере металингвистические) реализуют коммуникативную функцию, диалогическую, апеллятивную. Вставки нужны автору для открытого, доверительного общения, диалога с читателем, постановки проблемных вопросов, совместного поиска решений, для сотрудничества и даже дружбы.

Перейдем к рассмотрению прагматического потенциала парантез в современных рекламных текстах. Напомним, что, по нашему мнению, вставки представляют собой в текстах средства непрямого, косвенного воздействия на адресата. Суть такого неявного прагматического воздействия в том, что почти любая косвенная тактика предлагает реципиенту некоторую загадку, разгадав которую он получит представление о содержании сообщения, и даже поймет, по какой причине сообщение строится непрямо [12].

В рекламе разгадывание такой загадки часто приводит читателя к выводу о том, что автор текста, скромно заключивший важные аргументы в дополнительную конструкцию в скобках, уважительно относится к личности адресата, не навязывает ему то или иное мнение, не диктует прямо, что ему делать (а именно эти, прямые, тактики являются ведущими в рекламе), а как бы делиться с тем, что ему известно, или с тем, что он думает по этому поводу. Например, в рекламе нового аромата «For Her Eau Délicate» от Narciso Rodriguez: *«Это ода естественной грации женщины, – говорит Нарцисо Родригез. – Аромат подчеркивает врожденную элегантность, которую нельзя описать словами». То, что дизайнер не считает возможным облечь в словесную форму, в новинке передано с помощью чувственной ноты мускуса / («Аромат раскрывает соблазнительную грань мускуса, – утверждает Родригез. – Он отличается своей сложностью и эмоциональностью, при этом его нельзя назвать излишне агрессивным или насыщенным»), / которая может показаться волнующей, а может и приносить умиротворение и спокойствие.* Видим, как прямая речь дизайнера, создателя новинки скромно «прячется» в достаточно объемной

вставке. Тем самым автор текста как бы подчеркивает дополнительную, второстепенность данной информации, которая выражает личные оценки дизайнера изобретенного им аромата. Родригез субъективно называет «For Her Eau Délicate» сложным, эмоциональным, в меру агрессивным, насыщенным. Так ненавязчиво эти оценки, качества нового продукта передаются потенциальному покупателю, который еще не имел возможности лично познакомиться с ароматом. Так вставка с дополнительной оценочной информацией дает читателю возможность услышать из первых уст характеристику продукта. Цитата приводится сознательно со ссылкой на авторитет – имя известного дизайнера. Рекламодатель таким образом осуществляет мягкое, но действенное манипулирование. Форма представления информации в парантезе – прямая речь – является тоже своего рода «репликой в сторону», вставка диалогически обращена к читателю, призвана заинтересовать его новинкой.

Рассмотрим другой пример – рекламу питательно-восстанавливающего шампуня Vichy Dercos: Этот шампунь подходит для интенсивного питания и восстановления волос, подвергающихся агрессивному воздействию внешних факторов / **(фен, химическая завивка, UV-излучение и т. д.)** /. Лаборатории VICHY DERCOS впервые объединяют питательные масла / **(миндальное, сафлоровое и розовое)** / и 5 аминокислот / **(аргинин, глутамин, серин, цистеин и пролин)** / в одном комплексе для восстановления «строительных» компонентов волос. Видим, что в трех вставных конструкциях дана дополнительная уточняющая информация, представляющая собой перечисление конкретных ингредиентов в составе шампуня и всех губительных внешних факторов, от которых он «спасает» волосы. Прагматическая задача автора текста, выносящего эту информацию в ВК, – придать значимости и убедительности целебным свойствам нового шампуня, доказать их. Приводя как можно большее число «умных» названий аминокислот (в последней парантезе), автор рассчитывает на убеждение «умного», взыскательного читателя. И хотя внешне ведущей здесь является информационная функция, но большую роль играют коммуникативная, диалогическая и прагматическая (в рекламном тексте все подчинено реализации именно этой функции). Все эти комментарии, уточнения – для лучшего восприятия читателя, для более эффективного воздействия на него

рекламодателя. Автор текста как бы предугадывает вопросы придирчивого искушенного покупателя «А какие факторы?», «Какие масла, аминокислоты?» и спешит дать свой исчерпывающий ответ.

Парантезы в рекламном тексте часто содержат актуальную информацию о «боли» покупателя, о том, чем он живет и что является для него авторитетной информацией. Такие ссылки на авторитет, как в риторическом искусстве убеждения, являются мощными аргументами. Например, в рекламной статье о модных «горячих» трендах весны-лета 2020 в женской обуви находим: *Самая модная обувь сезона весна-лето 2020 – модели с завязками, / это подсказывает нам фотохроника стритстайла с недель моды. / Фэшн-блогеры по всему миру придумали способ, как стильно обыграть в образе туфли и босоножки со шнурками: они завязывают их поверх брючин. Пока этот модный прием еще не набил оскомину, предлагаем попробовать его при первой же возможности / **(хотя бы ради фото в Instagram)*** [5]. В ВК упоминаются авторитетные для современных модниц, следящими за новинками, «эталоны» моды – фотохроника стритстайла с недель моды, а также затрагивается элемент ежедневного досуга современной молодой женщины – виртуальное позиционирование себя, «жизнь» в Инстаграме. Парантезы диалогичны не только по своей сути, но и по форме: употребление местоимения «нам», объединяющего говорящего и тех, к кому он обращается, разговорные слова и конструкции («хотя бы», «ради» – на месте более нейтрального «для»).

В рекламе, которая сама по себе достаточно диалогична, коммуникативна, вставки довольно часто могут быть эмоциональными, что усиливает ее воздействие на адресата: *Если ты ищешь высокоэффективное антивозрастное средство, которое действительно работает, то, кажется, мы его нашли. Сыворотка Extra Lift способна сделать кожу на пять лет моложе. Использование этого продукта в течение месяца действительно способствует уменьшению глубины и количества морщин / **(и это не просто слова, подтверждено исследованием)**. / Так что можешь смело брать на подарок маме и бабушке.* Данная вставная конструкция, как и весь рекламный текст, отличаются высокой степенью разговорности. «Разговор по душам», с позиции «ты» делает обращение рекламодателя к потенциальному

покупателю интимным, личным, легким. Причем автор текста прекрасно «видит» предполагаемого читателя. В отличие от примера с аминокислотами в составе шампуня (см. выше), здесь расчет на менее взыскательную покупательницу, молодую девушку, для которой убеждающими аргументами могут быть абстрактные и эмоциональные выражения «*это не просто слова*», «*подтверждено исследованием*».

Таким образом, мы увидели, что современный рекламный текст отличают разговорность, коммуникативность, диалогичность, простота, создаваемые среди прочих языковых средств и с помощью парантез. Вставки для рекламодателей, выбирающих тактику мягкого, косвенного воздействия на адресата, являются эффективным инструментом скрытой манипуляции. ИмPLICITный способ представления информации в ВК позволяет установить контакт, доверительные отношения с читателями, повышает экспрессивность, маркирует важные понятия.

Все приведенные нами выше примеры из художественной литературы (актуализирующей прозы Солженицына) и рекламы были выбраны, поскольку содержат в себе черты разговорного стиля речи. Сама же разговорная речь в наибольшей степени диалогична. Как мы уже отмечали, вставные конструкции наиболее характерны для устной спонтанной (не подготовленной) речи. Особенность такой речи в том, что, с одной стороны, она лишена возможности редактирования и домысливания, рождается здесь и сейчас, а с другой стороны, она действительно обращена к реальному адресату. Цель такой речи – установить контакт с собеседником, поделиться своим мнением по тому или иному вопросу и (иногда) узнать мнение слушателя, вступить с оппонентом в спор, доказать ему что-то, убедить, объяснить и др. Целей у спонтанной речи может быть достаточно много, большинство из них представлены в теории речевых актов.

Для анализа мы выбрали интересные, по нашему мнению, примеры ситуации, когда говорящий обращается к большой аудитории слушателей, но их не видит. Это: 1) спортивный репортаж биатлонного спринта на Чемпионате мира по биатлону (март 2020 г.) российского журналиста, спортивного комментатора Дмитрия Губерниева и 2) два видео популярного украинского педиатра Евгения Комаровского, посвященных актуальным темам (апрель 2020 г.)

Как верно заметила О. В. Павлова, парантезы являются неотъемлемой частью спонтанной речи, могут даже служить «маркером спонтанности» и «маркером уровня речевой компетенции говорящего» [13, с. 248]. Два выбранных нами адресанта обладают речевой компетенцией, на протяжении многих лет выступая публично. Вставки в их обращениях нередки. Рассмотрим примеры их употребления в репортаже Д. Губерниева.

Чаще всего включение журналистом парантез в свою речь о происходящих событиях обусловлено необходимостью отвлечься от своего рассказа и прокомментировать важную деталь, новое действие. Комментатор волен выбирать, нужно ли продолжать рассказ или прерваться на новый факт, который возникает в ходе спортивной борьбы, остановиться ли на этом новом факте или вернуться к предыдущему комментарию. Здесь, в жанре репортажа с места события, все зависит от мировосприятия языковой личности, от фонда знаний и субъективных оценок журналиста. Поэтому во вставках Губерниев, подсознательно ощущая эту власть и связанную с ней ответственность перед зрителем, который не обладает всей полной информацией, старается сделать описание происходящих событий максимально полным и понятным. Так журналист, отвлекаясь, во вставке может рассказать зрителям о том, что остается за кадром основной камеры, а видно только ему из комментаторской кабины, или поделиться по ходу гонки информацией о некоторых результатах ее участников: 1) *Молодцы! Боеспособная мужская команда! Саша Логинов! Мы сегодня видим это и по Елисееву, да даже по Поршиневу, друзья / (он сейчас на финише семнадцатый, будет борьба). / И вы посмотрите, кого мы опережаем, каких соперников! 2) Матвей Елисеев, хорошая скорость. Ах, если бы не промах. Матвей конкурентоспособен, мы это видим. / (Гараничев два махнул, идет сороковым). / Молодец Елисеев! Попал! Молодец.* Здесь комментатор описывает стрельбу М. Елисеева, прерываясь во вставке на информацию о промахах другого российского спортсмена Е. Гараничева и о его рейтинге в общем зачете гонки. Такое отступление очень важно для тех зрителей, кто, например, болеет за Гараничева. В подобных вставках подчеркивается забота о зрителе, который не видит всего, но, по мнению комментатора, имеет право все знать. Так Губерниеву удастся выстроить

доверительный диалог со зрителями. Для них он употребляет и подчеркнуто разговорные и даже просторечные слова («махнул»). Стремительность спортивного события заставляет говорящего использовать короткие фразы.

Чаще всего во вставках журналист передает свои оценки, делает свои выводы: И конечно, если это победа, выдающаяся победа / **(а все к этому идет)**, / представляете, как всколыхнет это нашу биатлонную сборную?! – или ссылается на источник информации: Церемонию награждения мы, конечно, покажем на основном канале, либо в программе «Все на МАТЧ!», где, может, быть, будут изменения / **(программа и дирекция решит)**. Такие вставки тоже сближаются с диалогическими «репликами в сторону».

Но наиболее диалогичными в репортажах Д. Губерниева, как показал наш анализ, являются парантезы, содержащие намеки на известную постоянным зрителям, поклонникам биатлона и в частности, специальных программ комментатора, информацию. Например: 1) *Вы представляете, если бы не этот простой / (сами знаете, с чем связанный), / чего бы он достиг!.. Но Саша пытается со всем справиться.* 2) *Да, сложно поверить в нашу победу. Особенно сегодняшнюю / (день еще как начинался...).* / Но у спортивного бога с иронией все в порядке. В первом примере в ВК комментатор намекает на антидопинговый скандал, связанный с Александром Логиновым; во втором – Губерниев напоминает о трудном начале дня для биатлонистов российской сборной, когда им неожиданно ранним утром устроили проверку на допинг. Такие умолчания, опущения важной информации создают между комментатором и зрителями атмосферу дружеского общения, ведь отгадывание адресатом своеобразной загадки дает ему радость ощущения «посвящения в круг своих». Кроме диалогического содержания эти парантезы имеют и явно выраженную диалогическую форму: часто это прямые обращения, типа «сами знаете».

Уважение к личности адресата, зрителя, которого не видит говорящий, также является основным во вставных конструкциях в речи Евгения Комаровского. Например: *Неужели вы действительно верите в то / (какая бы у вас ни была вера), / что великое Христово Воскресение, отношение к благой вести всего, что вокруг*

нас происходит, меняется от того, где вы находитесь в этот день? [8]. В парантезе мы видим отступление в прямом обращении к зрительской аудитории, в котором автор мягко, тактично, с позиции толерантности говорит о разных степенях веры в Бога. Так он показывает уважение и к тем, кто считает себя истинно верующим, и к тем, кто имеет «Бога в душе».

Нередко Е. Комаровский в парантезах указывает зрителям на источник сообщаемой информации, например: 1) Пасха – это когда есть то, что называется триумф ада. Когда никаких надежд, вообще. Ноль надежд! Когда все, чем дышало человечество / **(это основа Евангелия!)**, / все, чем дышало человечество, все, что было смыслом жизни, – закончилось [8]. 2) Клещи, как мы знаем / **(или кто не знает, может пересмотреть в программах доктора Комаровского)** / опасны в двух аспектах [9]. Благодаря таким ссылкам говорящий, добивается доверия аудитории (ссылка на источник – как аргумент, объективное доказательство), а также находит повод для более близкого знакомства зрителей с ним, приглашает их, предлагает им узнать о своей деятельности больше. Такие контактоустанавливающие вставки, которые тоже схожи с «репликами в сторону», несомненно, относятся к коммуникативной, диалогической функции. Прямой диалог со зрителями иногда также реализуется в речи доктора Комаровского: (Читает): «Евгений Олегович, во время титров хорошо видно мусор на берегу реки» / **(глазастые вы мои!)** / «Почему не убираете за собой?» [9].

ВЫВОДЫ

Анализ разговорной речи показал, что в ней вставные конструкции в качестве главной реализуют именно коммуникативную функцию – диалогическую, апеллятивную, контактоустанавливающую. В спонтанной монологической речи парантезы наиболее диалогичны: с одной стороны здесь велика роль самого говорящего, конкретной языковой личности, его свободы в выборе темы для обсуждения, детали для комментирования, с другой стороны в центре спонтанного монолога всегда находится адресат, к которому часто прямо обращается говорящий, за внимание которого он борется (выбранные нами жанры телевизионных обращений

это подтверждают). Фактор адресата важен для говорящего еще и потому, что его расположение, его симпатии напрямую влияют на популярность ведущего, журналиста. Поэтому даже в условиях дистанционного «общения» говорящие используют в своей речи диалогические приемы: открытые вопросы, намеки, обращения, часто раскрываемые именно во вставных конструкциях, в отступлениях.

Итак, в результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам: в основу эффективного текста кладутся особенности живой разговорной речи. Для актуализирующей прозы, рекламного текста, журналистского репортажа, телевизионного монологического обращения на актуальную тему характерны диалогичность, прагматичность, использование косвенных тактик речевого воздействия. Действенным средством реализации коммуникативной функции оказываются вставные конструкции. Разные их типы: и металингвистические (в большей степени), и даже традиционные становятся площадкой для выражения мировоззрения и творческой энергии говорящего, его оценок, а также для его опосредованного общения, установления контакта с воспринимающим реципиентом. Именно категория адресата, учет этого фактора, уважение к нему и помогает авторам сделать текст или речь более многоплановыми, экспрессивными, а следовательно, более прагматично эффективными, что помогает им добиться поставленных целей, различных для конкретных жанров: убедить, объяснить, повлиять на мысли и чувства, продать товар, воодушевить и др.

Список литературы

1. Александрова, О. В. Единство прагматики и лингвистики в изучении текста художественной литературы [Текст] / О. В. Александрова // Проблемы семантики и прагматики : Сб. науч. тр. – Калининград : КГУ, 1996. – С. 3–7.
2. Бильдяева, А. М. Коммуникативные особенности вводных слов и вставочных конструкций в художественном тексте (на материале английского языка) [Электронный ресурс] / А. М. Бильдяева // Новое в преподавании иностранных языков. – Режим доступа : <http://foreign.mordgpi.ru/?p=2796>. – (Дата обращения: 19.03.2020).

3. Богданова, Н. В. Разные типы коммуникативных сценариев в спонтанной речи и «текст о тексте» как разновидность вставной конструкции [Текст] : материалы X Междунар. научно-практической конференции (26–28 октября 2007) / Н. В. Богданова // Русистика и современность : В 2 т. – Т. 1. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация. – СПб. : МИРС, 2008. – С. 326–334.
4. Гаврилова, Г. Ф. Осложненные вставные конструкции в современном художественном дискурсе [Текст] : материалы международной конференции (19–21 июня 2009) / Г. Ф. Гаврилова // Активные процессы в различных типах дискурсов : функционирование единиц языка, современных речевых жанров. – М. – Ярославль : Ремдер, 2009. – С. 107.
5. Горячие тренды весны-лета 2020: самая модная женская обувь (50 актуальных моделей) [Электронный ресурс] // Лиза. – Режим доступа : <http://lisa.ru/moda/630222-goryachie-trendy-vesny-leta-2020-samaya-modnaya-zhenskaya-obuv-50-aktualnyh-modeley/>. – (Дата обращения: 12.04.2020).
6. Золотова, Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса [Текст] / Г. А. Золотова. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 368 с.
7. Ключева, Н. Ю. Прагматика синтаксиса художественного текста: на материале рассказов А.И. Солженицына [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Н. Ю. Ключева. – Ростов-на-Дону, 2014. – 186 с.
8. Комаровский, Е. О. Пасхальное, коронавирусное [Электронный ресурс] Е. О. Комаровский. – Режим доступа : http://www.youtube.com/watch?time_continue=372&v=GTB91Sk48AE&feature=emb_title. – (Дата обращения: 22.04.2020).
9. Комаровский, Е. О. Личное околоронавирусное [Электронный ресурс] / Е. О. Комаровский. – Режим доступа : <http://www.youtube.com/watch?v=KdGDVvk4f9E4>. – (Дата обращения: 24.04.2020).
10. Корпусова, Е. В. Прагматический аспект роли говорящего в функционально-смысловых типах речи «описание» и «повествование» [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Корпусова. – Кемерово, 2003. – 24 с.

11. Матвеева, Г. Г. Основы прагмалингвистики : монография [Текст] / Г. Г. Матвеева. – М. : ФЛИНТА, 2013. – 232 с.
12. Мягкова, А. Ю. Непрямое речевое воздействие в политической рекламе [Текст] / А. Ю. Мягкова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2010. – Выпуск 2. – С. 71–74.
13. Павлова, О. В. К вопросу классификации вставных конструкций (на материале спонтанной речи) [Текст] / О. В. Павлова // Вестник СПбГУ. Язык и литература. – 2009. – Сер. 9. Вып. 3. – С. 243–249.
14. Солженицын, А. И. Собрание сочинений в 30 томах [Текст] / А. И. Солженицын. – Том 1. Рассказы и крохотки. – М. : Время, 2006. – 560 с.

References

1. Alexandrova O. V. *Yedinstvo Pragmatiki i Lingvistiki v Izuchenii Teksta Khudozhestvennoy Literatury* [Unity of Pragmatics and Linguistics in the Study of the Literary Text]. *Problemy Semantiki i Pragmatiki: Sbornik Nauchnykh Trudov*. Kaliningrad: KSU Publ., 1996. pp. 3–7.
2. Bildyaeva A. M. *Kommunikativnyye Osobennosti Vvodnykh Sloz i Vstavochnykh Konstruktsiy v Khudozhestvennom Tekste (na Materiale Angliyskogo Yazyka)* [Communicative Features of Introductory Words and Insertion Structures in the Literary Text (Based on the English Language)]. *Novoye v Prepodavanii Inostrannykh Yazykov*. Available at: <http://foreign.mordgpi.ru/?p=2796>. (accessed: 19.03.2020).
3. Bogdanova N. V. *Raznyye Tipy Kommunikativnykh Stsenariyev v Spontannoy Rechi i Tekst o Tekste kak Raznovidnost' Vstavnoy Konstruktsii* [Different Types of Communicative Scenarios in Spontaneous Speech and Text about Text as a Type of Insertion Construction]. *Rusistika i Sovremennost': Materialy X Mezhdunar. Nauchno-Prakticheskoy Konferentsii: v 2 Tomakh. Tom 1. Lingvokul'turologiya i Mezhkul'turnaya Kommunikaciya*. St. Petersburg, 2008, pp. 326–334.
4. Gavrilova G. F. *Oslozhnennyye Vstavnyye Konstruktsii v Sovremennom Khudozhestvennom Diskurse* [Complicated Insertion Constructions in Contemporary Art Discourse]. *Aktivnyye Protsessy v Razlichnykh Tipakh Diskursov:*

Funktsionirovaniye Yedinitz Yazyka, Sovremennykh Rechevykh Zhanrov. Moscow, Yaroslavl: Remder Publ., 2009, p. 107.

5. Goryachiye Trendy Vesny-Leta 2020: Samaya Modnaya Zhenskaya Obuv' (50 Aktual'nykh Modeley) [Spring-Summer 2020 Hot Trends: the Most Fashionable Women's Shoes (50 Current Models)]. *Liza*. Available at: <http://lisa.ru/moda/630222-goryachie-trendy-vesny-leta-2020-samaya-modnaya-zhenskaya-obuv-50-aktualnyh-modeley/>. (accessed: 12.04.2020).
6. Zolotova G. A. *Kommunikativnyye Aspekty Russkogo Sintaksisa* [Communicative Aspects of the Russian Syntax]. Moscow: Editorial URSS Publ., 2001. 368 p.
7. Klyueva N. Yu. *Pragmatika Sintaksisa Khudozhestvennogo Teksta: na Materiale Rasskazov A. I. Solzhenitsyna: Dis. ... Kand. Filol. Nauk* [Pragmatics of the Syntax of the Literary Text (Based on Stories by A.I. Solzhenitsyn). Thesis]. Rostov-on-Don, 2014. 186 p.
8. Komarovskiy E. O. *Paskhal'noye, Koronavirusnoye* [Easte. Coronavirus]. Available at: http://www.youtube.com/watch?time_continue=372&v=GTB91Sk48AE&feature=emb_title. (accessed: 22.04.2020).
9. Komarovskiy E. O. *Lichnoye Okolokoronavirusnoye* [Personal. Near-coronavirus]. Available at: <http://www.youtube.com/watch?v=KdGDV4f9E4>. (accessed: 24.04.2020).
10. Korpusova E. V. *Pragmaticheskiy Aspekt Roli Govoryashchego v Funktsional'no-Smyslovykh Tipakh Rechi Opisaniye i Povestvovaniye: Avtoref. Dis. ... Kand. Filol. Nauk* [Pragmatic Aspect of the Speaker's Role in the Functional-Semantic Types of Speech Such as Description and Narration. Abstract of Thesis]. Kemerovo, 2003. 24 p.
11. Matveeva G. G. *Osnovy Pragmalingvistiki: Monografiya* [Fundamentals of Pragmalinguistics. A Monograph]. Moscow: FLINT Publ., 2013. 232 p.
13. Myagkova, A. Yu. *Nepryamoye Rechevoye Vozdeystviye v Politicheskoy Reklame* [Influence of the Indirect Speech in Political Advertising]. *Vestnik Vyatskogo Gosudarstvennogo Gumanitarnogo Universiteta*, Issue 2, 2010, pp. 71–74.

14. Pavlova O. V. *K Voprosu Klassifikatsii Vstavnykh Konstruktsiy (na Materiale Spontannoy Rechi)* [On the Classification of Insertion Structures (Based on Spontaneous Speech)]. *Vestnik SPbGU. Ser. 9. Yasyk i Literatura*, Vol. 3, 2009, pp. 243–249.
15. Solzhenitsyn A. I. *Sobraniye Sochineniy v 30 Tomakh. Tom 1. Rasskazy i Krokhotki* [Collected Works in 30 Volumes. Volume 1. Stories and Krokhotki]. Moscow: Vremya Publ., 2006. 560 p.

DIALOGICAL FUNCTION OF PLUG-IN CONSTRUCTIONS ON THE EXAMPLE OF ART, ADVERTISING TEXT AND SPONTANEOUS SPEECH)

Mazikova N. Yu.

This study is devoted to the actual issue of pragmalinguistics: the search for the most effective linguistic methods of influencing the perceiving addressee. The pragmatic potential of plug-in constructions in the modern language is examined, in its two forms: written and oral. Examples of literary text (stories by A. I. Solzhenitsyn), advertising text (advertising from the women's magazines *Lisa* and *Cosmopolitan*), spontaneous spoken language (D. Guberniev's sports report and video by E. Komarovskiy) describe the dialogical function of plug-in constructions. It is concluded that the basis of an effective text is based on the characteristics of live conversational speech. For actualizing prose, advertising text, journalistic reporting, television monologue on a relevant topic, dialogism, pragmatism, and using of indirect tactics of speech influence are characteristic. An effective way of implementing a communicative function are plug-in constructions. Their different types: metalinguistic (in the most cases) and even traditional ones become a base for expressing the speaker's worldview and creative energy, his assessments, and also for his conditional communication, establishing contact with the perceiving recipient. It is the category of the addressee, taking this factor into account, respect for it and helps the authors to make the text or speech more multifaceted, expressive, and therefore more pragmatically effective, which helps them achieve their goals that are different for specific genres: convince, explain, influence thoughts and feelings, sell goods, inspire, etc.

Keywords: plug-in constructions, paranthesa, pragmatism, dialogism, advertising text, literary text, spontaneous speech.

УДК 81'373=161.1(292.471)

РЕДЕРИВАЦИЯ
КАК СПОСОБ ОККАЗИОНАЛЬНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ УСТНОЙ СПОНТАННОЙ РЕЧИ ЖИТЕЛЕЙ КРЫМА)

Чепурина И. В.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
E-mail: simgt@inbox.ru

В статье исследуется спонтанная разговорная речь жителей Крыма в аспекте действующего механизма окказиональных способов словопроизводства, в частности редеривации, или обратного словообразования. Выявлены и проанализированы окказиональные деривационные модели обратного словообразования, по которым создаются новые лексические единицы в повседневном непринужденном общении. Установлено, что в этом типе речи редеривация представлена всеми традиционно выделяемыми видами – десуффиксацией, депрефиксацией и депостфиксацией. Проанализированы структурно-семантическая специфика и особенности употребления редериватов выделенных типов с опорой на конкретную коммуникативную ситуацию общения. Проиллюстрирована наибольшая продуктивность депостфиксации как способа неузального словотворчества в сфере безличных глаголов, что свидетельствует об активном грамматическом процессе – превращении непереходных глаголов в переходные.

Автор приходит к выводу о том, что в спонтанной речи крымского города редеривация функционирует как словообразовательно-грамматическое явление. Обратное словообразование является способом создания не только окказиональных лексических единиц, но и окказиональных глагольных форм и выявляет креативный потенциал таких грамматических категорий, как вид и залог глагола, род имени существительного. Высокая продуктивность представленных деривационных моделей обратного словообразования в устной спонтанной речи позволяет рассматривать редеривацию как языковую технику по окказиональному заполнению пустующих клеток в словообразовании и грамматике.

Ключевые слова: окказиональное словообразование, окказиональные способы словообразования, деривация, редеривация, обратное словообразование, депрефиксация, десуффиксация, депостфиксация, речевое высказывание.

ВВЕДЕНИЕ

Динамика общественно-политической, экономической и культурной жизни российского общества в начале XXI века обусловила интенсивную динамизацию языка. Последняя отмечается лингвистами как общая доминанта развития современного русского языка, проявляющаяся в мощных тенденциях к его неологизации, экспрессивизации и демократизации [15, с. 30]. В этих условиях одной

из самых актуальных для лингвистики задач становится описание движения, развития, формирования всего нового на различных уровнях языка.

Общие языковые изменения, инновационный вектор их исследований определили особенный интерес к словотворческой активности носителей русского языка. Ярким проявлением этой активности являются лексические новообразования: они реализуют «индивидуальную творческую компетенцию говорящего» [7, с. 180], демонстрируют его способность к лингвокреативному мышлению. В то же время в процессах словотворчества раскрывается словообразовательный потенциал языка, отражаются определенные тенденции его развития. Об актуальности исследования лексических инноваций Р. Ю. Намитокова замечает: «...новые слова – это феномен живого языка... Следовательно, необходимость изучения с разных сторон появляющихся в языке и речи новых слов в связи с общим поступательным развитием лингвистической теории – не снимается никогда» [13, с. 6].

Многочисленные современные исследования демонстрируют различные аспекты и направления в изучении лексических новообразований (Л. В. Алешина, Е. А. Земская, В. П. Изотов, С. В. Ильясова, Л. Ю. Касьянова, В. В. Лопатин, А. Г. Лыков, Р. Ю. Намитокова, И. А. Нефляшева, Т. В. Попова, Л. В. Рацибурская, Е. В. Сенько и др.). Одним из таких аспектов являются окказиональные способы деривации.

Окказиональная деривация – это наиболее творческое словообразование, проявляющееся как «спонтанная тактика, вносящая во взаимодействие коммуникантов элементы речевой эстетики, ее появление нарушает речевой автоматизм и фокусирует внимание коммуникантов на форме языкового выражения» [1, с. 127]. Словообразовательный механизм окказиональных способов речетворчества обеспечивает бесконечное разнообразие слов, отвечающих всем потребностям общения. Экспрессивность высказывания и выражение авторских интенций – основные функции таких лексических единиц.

Убедительной иллюстрацией действующего механизма окказиональных способов деривации является спонтанная разговорная речь современного города. Она отражает быденное, народное сознание, без учета которого картина языковой жизни

социума будет неполной, так как «народная точка зрения, взятая сама по себе, есть часть социолингвистической ситуации и заслуживает самостоятельного рассмотрения» [2, с. 37]. В нашем фактическом материале городская речь репрезентирована языковыми фактами, отражающими прежде всего обиходно-бытовую сферу. Современные исследователи региональных особенностей русской речи в Крыму отмечают тенденцию к активному использованию разговорно-обиходных единиц в речи жителей полуострова, усматривая в этом действие константной прагматической потребности языковой личности [6, с. 130]. Л. И. Плотникова мотивирует преобладание лексических инноваций в обиходно-бытовой сфере ее «приоритетным характером и спецификой бытового общения, которая открывает неограниченные возможности для творческой реализации языковой личности» [17, с. 314]. Наиболее яркие факты такой реализации носителей русского языка зафиксированы нами на примере окказиональных способов словопроизводства, в частности редеривации, или обратного словообразования.

Цель настоящей статьи – выявить и проанализировать окказиональные деривационные модели обратного словообразования, по которым жители крымского города создают новые лексические единицы в повседневном спонтанном общении.

Материалом исследования послужил корпус высказываний и реплик диалогов жителей Крыма. Основу корпуса составили разговорные лексемы, извлеченные из «домашних диалогов» и «непринужденных диалогов знакомых» жителей культурных центров полуострова – Симферополя, Севастополя, Евпатории. Хронологические рамки фиксации и анализа языковых фактов – 2017–2019 гг.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Как известно, окказионализмы могут создаваться с помощью только им присущих, окказиональных способов, которые уже давно представляют интерес для научного изучения (А. Ф. Журавлев, Е. А. Земская, В. П. Изотов, Р. Ю. Намитокова, И. С. Улуханов, Н. А. Янко-Триницкая и др.). Однозначной классификации способов образования окказиональных слов нет. По замечанию Е. А. Земской, полное исчисление способов образования окказионализмов вряд ли возможно в принципе,

так как их создание – явление индивидуальное, поэтому подвести их под какой-то типовой способ бывает нередко трудно, а иногда и невозможно [7, с. 191]. Наиболее полная и убедительная типология этих способов, на наш взгляд, изложена В. П. Изотовым и А. В. Панюшкиным [9]. Она положена в основу нашей классификации и выделения в ее рамках редеривации как самостоятельного неузуального способа словотворчества.

Под редеривацией, или обратным словообразованием, в дериватологии понимается такой способ создания слов, при котором новое слово образуется от существующего не в виде производного, а в виде производящего [21, с. 291]. И. С. Улуханов данный способ деривации трактует как процесс отсечения суффиксов, приставок или просто фонем, не обладающих значением, т. е. как усечение основ мотивирующих слов. Обратный словообразовательный процесс, утверждает исследователь, – это окказиональное заполнение пустующей клетки, предназначенной в неполной словообразовательной цепочке для отсутствующего в ней слова [18, с. 39].

А. Г. Лыков отмечает, что обратное словообразование очень необычно и во многом неясно как в самом существе, так и в границах распространения [11, с. 66], а производность редериватов носит особый, уникальный характер, отличающий их от остальных производных слов [Там же, с. 70]. Следствием «особого характера» описываемого явления стала различная интерпретация места редеривации в системе способов современного словопроизводства. Так, к самостоятельным способам обратное словообразование относят А. Ф. Журавлев, Е. А. Земская, В. П. Изотов, Р. Ю. Намиткова, А. Г. Лыков, И. С. Улуханов и т. д. По мнению же Д. В. Гугунавы, все виды редеривации не стоит выделять в самостоятельные способы. Редеривация не имеет собственных словообразовательных средств, отличаясь лишь обратным направлением действия деривационной операции [5]. В. Н. Немченко выделяет редеривацию как один из диахронических способов словообразования – как отделение «от основы производящего слова аффиксальной морфемы, так называемого отрицательного суффикса» [14, с. 241]. А. И. Моисеев выводит этот способ за рамки словообразования, признавая при этом его явлением, ведущим к

обогащению языка новыми словами [12, с. 135]. Е. В. Петрухина относит редериваты к потенциальным единицам – обычным и нейтральным производным, заполняющим пустые клетки русской словообразовательной системы [16, с. 434].

Мы придерживаемся первой, традиционной точки зрения и подтверждаем речевыми фактами выделение внутри обратного словообразования следующих его видов.

Десуффиксация – отсечение суффикса или отрезка, по составу фонем тождественного суффиксу, но лишённого значения. Десуффиксаты представлены, как правило, именами существительными, в том числе сложными, реже глаголами.

Десуффиксация у имен существительных обусловлена разными причинами.

1. Желанием говорящего снять ощущаемый им оттенок уменьшительности, ласкательности, свойственный суффиксам -ик, -к(а) в существительных похожей структуры, но не соответствующий коннотации. Отсекая эти суффиксы, адресант отсекает и их значения. Дериват же приобретает новые смысловые оттенки по сравнению с производящим, а также субъективно-оценочные коннотации. Ср.: [Покупательница на рынке, очевидно хорошо знакомая с продавцом, глядя на крупные, мясистые стейки толстолобика, но не решаясь их купить:] – *Лена, ты толстолоба чаще как готовишь? – Люблю запекать (толстолоб ← толстолобик);* [В домашней обстановке, на кухне старшая сестра просит младшую, указывая на крупную фисташку в розетке с орехами:] *Вот эту фистаху подкинь (фистаха ← фисташка).* Разговорные производные *толстолоб*, *фистаха* приобретают увеличительное значение. *Толстолоб* – это реакция-впечатление, которое произвели на покупательницу крупные, тяжелые, внушительные рыбные стейки. В ситуации конкретного речевого общения этот дериват приобретает оценочную коннотацию и смысловые наращения ‘крупный’, ‘тяжелый’, ‘внушительный’. *Фистаха* – речевое выделение и оценка девушкой крупного фисташкового ореха на фоне более мелких. В речевом высказывании дериват получает значение ‘крупная фисташка’. Оба производных – это и эмотивные речемы (В. И. Шаховский), мотивированные эмотивным состоянием говорящего, т. е. эмоциональной составляющей конкретного речевого общения.

2. Эмоциональным состоянием говорящего, его потребностью в ситуации конкретного речевого общения экспрессивно обозначить объект и выразить свое отношение к нему. Смысловой план высказывания при этом не затрагивается. Дериват приобретает лишь субъективно-оценочные коннотации. Средством такой модификации является отсечение суффикса у мотивирующего слова. Например: [В разговоре студентов второго курса о старшекурсниках:] *А третьекуры на концерт пойдут? (третьекуры ← третьекурсники). Третьекуры* – шутливо-неодобрительное название старшекурсников, вероятно связанное с тем, что младшие курсы чаще задействуют в частых общественных мероприятиях, которые проводятся во второй половине дня после учебных занятий. Дериват прагматически заряжен – передает ощущение несправедливости и некоторого недовольства, испытываемых адресантом в данной коммуникативной ситуации.

Структурно-семантические особенности представленных производных (*толстолоб, фистаха, третьекуры*) позволяют квалифицировать их как субъективно-оценочные дериваты, окказионально заполняющие пустые клетки русской словообразовательной системы, в частности оценочного модификационного словообразования (*толстолобый* → *толстолобик* → *толстолоб* ‘крупный, тяжелый, внушительный толстолобик’; *фисташка* → *фистаха* ‘крупная фисташка’; *третий курс* → *третьекурсник* и (разг., неодобр.) *третьекур*). Увеличительно- и усилительно-оценочная составляющая семантики, экспрессия формы переводит такие новообразования в средства экспрессивной оценки отдельных понятий, а также в инструмент экспрессивизации и прагматической характеристики речевого высказывания в целом. Ср. по этому поводу замечание В. В. Химика: «...увеличительно-усилительные преобразования слов при всей их этической и эстетической неоднозначности – значительный и важный лексико-семантический резерв русского лексикона, постоянно пополняющий и расширяющий его состав экспрессивными эмоционально-оценочными вариациями, а в некоторых случаях и дополнительными сигнификативными наращиваниями смыслов, что, несомненно, является свидетельством жизненности и богатства национального русского словаря» [19, с. 388].

3. Существительные-десуффиксаты могут возникать только как инструмент языковой игры, как способ экспрессивизации речевого высказывания. Уход от нормы в таких случаях оправдан желанием адресанта выделиться через речь, а также его потребностью повысить коммуникативную значимость произносимого слова. В качестве средства выбирается своеобразная деформация слова. Ср.: [Женщина лет 40, около зеркала, собираясь в выходной день на прогулку, обращается к дочке:] *Какие мне сегодня **серегу** надеть?* (*серегу* ← *серезжки*). Дериват *серегу* не приобретает ни смысловых, ни субъективно-оценочных коннотаций и отличается лишь «особой акцентной функцией» (О. Г. Ревзина).

Глагольные десуффиксальные производные образуются от сложных имен существительных на -ние со значением действия. Дериваты имеют транспозиционное значение и выполняют прежде всего компрессивную или компрессивно-экспрессивную функцию. Ср.: [Девушка в гостях, в тесном коридоре хрущевской квартиры, где собралось несколько человек:] *Давайте я уже выйду, чтобы здесь не **столпотворить*** (*столпотворить* ← *столпотворение*); [На прогулке в симферопольском городском парке девушка восхищается красотой природы, на что ее молодой человек отвечает:] *Ах-ах, ой, давай ты **красноречить** у себя в универе будешь* (*красноречить* ← *красноречие*). Сложные глаголы *столпотворить*, *красноречить*, не представленные в узуальной лексике, – это восстановленные промежуточные звенья словообразовательной цепи (*творить толпу* → (*столпотворить*) → *столпотворение*; *красная речь* → (*красноречить*) → *красноречие*). Они образованы окказионально посредством удаления форманта предшествующей стадии образования. «Творение» этих окказионализмов можно понять с учетом коммуникативной ситуации. В первом случае созданное говорящим слово является более емким и кратким языковым средством: *столпотворить* вместо *создавать столпотворение*; во втором, кроме компрессии, это еще реакция на поведение собеседницы, способ психологического воздействия на нее.

Десуффиксация глагольной лексемы может являться средством создания окказионального видового коррелята совершенного вида. Ср.: [Преподаватель коллеге в неформальной обстановке:] *О том, что защита прошла прилично, я узнала,*

когда ехала с дочкой по кресельной канатке на Эльбрусе. Спускались минут 20. Поэтому там же мы с Любой и **переписались** (переписаться ← переписываться). Так, окказиональное словообразование может сопровождаться окказиональным формообразованием.

Депрефиксация – отсечение префикса мотивирующего слова и его семантических компонентов. В отличие от предыдущей группы депрефиксаты представлены различными частями речи – существительными, прилагательными, глаголами, наречиями. Как правило, они создаются говорящим после употребления им в высказывании исходного слова и семантически четко коррелируют с мотивирующей лексемой. При этом отсечение приставок используется адресантом для образования контекстуальных антонимов. Сопоставление в тексте однокоренных антонимов, отличающихся наличием / отсутствием префикса, усиливает общую выразительность высказывания. Ср.: [Из диалога между двумя девушками в маршрутке, одна из которых достает из сумки телефон:] *Мне позвонили, а я как поставила свой телефон на беззвучку, чтоб ребенка не разбудить, так он и остался. Пора ставить на звучку*; [Разговор двух подруг, женщин лет 45, отправившихся в субботу на природу:] *Своему сказала, что в субботу меня не будет, так он сразу: «Целый день ребенок будет беспризорный». А если бы он [муж] остался в субботу дома, то ребенок был бы, конечно, **призорный**...*; [Из домашнего диалога на кухне между мамой и дочкой:] – *Я очень хочу фундук. Можно поем немножко? – Да хоть **множко**.*

Отсечение приставки в глагольном слове может являться средством образования окказионального видового коррелята – глагола несовершенного вида от совершенного. Например: [Туристы той части группы, которая отстала от основной для технической остановки и свернула в сторону от тропы:] – *А вот кто-то заблудился. Надо подождать. – Мы не заблудились. И вы к нам, пожалуйста, сюда не **блудитесь**.*

Реже в речевом контексте мотивирующее слово отсутствует. В таких высказываниях антонимичность словообразовательной пары, а также видовая соотносительность девербативных производных не эксплицируются. Ср.: [При

примерке шапки в магазине женщина обращается к другой покупательнице с вопросом:] *Как вы думаете, эта шапка сидит на мне **лепо**? (лепо ← нелепо);* [Женщина средних лет жалуется на свое состояние, изменившееся после конфликта на работе:] *Бессонница замучила. Все **циклюсь** и **циклюсь** на этом скандале. Ни днем не отпускает, ни ночью (циклиться ← зациклиться).*

Структура представленных депрефиксатов *звучка, призорный, множко, блудиться, лепо, циклиться* позволяет квалифицировать их как языковые единицы, окказионально заполняющие пропущенные звенья в неполных словообразовательных цепочках: *звук → звучать → (звучка) → беззвучка; призреть → (призорный) → беспризорный, много → (множко) → немножко, блудить → (блудиться) → заблудиться, цикл → (циклиться) → зациклиться*. При этом в данных цепочках на окказиональном деривационном шаге реализуется собственно номинативная функция словообразовательного средства – отсечения префикса, так как семантическая структура деривата приобретает новые номинативные элементы значения по сравнению с производящими.

Некоторые субстантивные окказионализмы, образованные посредством редеривации и окказионально заполняющие пропущенные звенья в словообразовательных цепочках, могут совпадать с вышедшими из употребления словами, от которых исторически было образовано существительное. Ср.: *нелепо → лепо*, где окказиональный дериват совпадает с вышедшим из употребления *лепо* ‘хорошо, красиво, бесподобно’; *призреть → (призорный) → беспризорный*, где, согласно В. И. Далю, *призорный* – ‘к призору вообще относящийся’. В таких случаях корректнее говорить не об окказиональном заполнении, а о восстановлении исторического звена, о вхождении бывшей нормы в современную речь.

Депостфиксация. Отсечение постфикса – самая распространенная разновидность обратной деривации, которая является предметом изучения не только в дериватологии, но и в грамматике. Интерес как к словообразовательному явлению мотивирован тем, что любой возвратный глагол, в том числе непроизводный, с точки зрения современных словообразовательных связей не утрачивает членимости. Это связано с особым, постфлексийным положением постфикса -ся. В основе

депостфиксации лежит использование механизма образования возвратных глаголов, действующего в современном языке [20, с. 270]. В грамматике же депостфиксация выявляется в сфере возвратных глаголов как словообразовательное средство для коммуникативной актуализации объекта действия, названного глаголом, и изменения его грамматических характеристик – перевода из непереходного в переходный. С помощью депостфиксации выражается каузативное значение ‘делать / сделать так, чтобы осуществилось действие, названное мотивирующим глаголом’, или ‘заставлять / заставить сделать что-либо’. Переходность глагола, как констатирует М. Н. Эпштейн, – это выражение семантики активного действия, преобразующего свой предмет. Переходное употребление непереходных глаголов служит “экономии мышления”, поскольку оно позволяет сразу обозначить не процесс, а результат каузации [22].

Ср.: [Из разговора женщин-филологов, разместившихся после долгой прогулки на берегу крымского степного озера:] *Я думала, что меня так **наслаждает** сегодня?* Поняла: *это полное отсутствие людей. Весь день и вся красота – только наши!* (*наслаждать* ← *наслаждаться*); [Женщина старшей дочери при выписке мужа из хирургического отделения городской больницы:] *Папа в больнице очень похудел. Нам придется его быстро **поправить**, чтобы на пляже прилично выглядел* (*поправить* ← *поправиться*); [Мама дочке-подростку, отправляющейся за покупками:] *Если в магазине тебя что-то будет **сомневать** – звони, посоветуемся* (*сомневать* ← *сомневаться*). [Женщина, лет 30, мужчине, ругающемуся в маршрутке с пассажирами:] *Мужчина, не нужно с ними ругаться. Вы же сами в них **просыпаете** агрессию* (*просыпать* ← *просыпаться*); [Из телефонного разговора преподавателя-журналиста относительно срочной встречи на факультете для пересдачи зачета:] *В три часа меня могут уже начать **совещать**. Постарайтесь успеть до трех* (*совещать* ← *совещаться*); [Из диалога между бабушкой и внучкой, которая обожглась горячим чаем, после чего взяла ложку сахара и положила его на язык:] – *Это откуда? – Один лайфхак: сахар – средство от ожога. – Терпеть не могу это слово. Есть доброе наше сочетание: полезный совет. Эти ваши лайфхаки скоро совсем **выродят** родной язык.*

Глаголы *наслаждаться, поправиться, сомневаться, просыпаться, совещаться, выродиться*, теряя указание на субъект действия, утрачивают постфикс *-ся* и приобретают зависимое местоимение или существительное со значением прямого объекта в форме винительного падежа. Становясь переходными, эти глаголы приобретают значение ‘заставить / заставляя совершить / совершать действие, названное производящим глаголом с постфиксом *-ся*’: *наслаждать* – ‘заставлять наслаждаться’; *поправить* – ‘заставить поправиться’; *сомневать* – ‘заставлять сомневаться’ и т. д. Так, один глагол обозначает и действие-результат, и действие-причину, которое к нему приводит.

Выявленные речевые употребления иллюстрирует продуктивность депостфиксации как способа неузальной деривации в сфере безличных глаголов и подтверждают наблюдения лингвистов (Н. А. Быковой, Е. М. Мельниковой, Б. Ю. Нормана, Е. А. Ремчуковой, Т. И. Стексовой, М. Н. Эпштейна и др.) о превращении непереходных глаголов в переходные как активном грамматическом процессе, который может стать причиной изменения содержания самой глагольной категории переходности, а также о кардинальной перестройке норм синтаксической сочетаемости в русском языке [3, с. 99].

Кроме десуффиксации, депрефиксации и депостфиксации, традиционно выделяемых способов обратного словообразования, И. С. Улуханов к редеривации относит пары типа няня → нянь, фифа → фиф, обезьяна → обезьян [18, с. 39], отражающие нестандартную вербализацию категорию рода имен существительных. Исследователь полагает, что в подобных корреляциях следует «усматривать либо «депарадигматизацию» (обратную конверсию), либо отсечение нулевого суффикса (своеобразную разновидность десуффиксации)» [Там же, с. 40]. Ср. выделенные нами единицы: [Реплика зрительницы на студенческом концерте:] *Хорошо играет. Наверное, у нее хороший муз* (*муз* – *муза*); [Школьник, иронично, о герое телепередачи, юноше 17–18 лет, сидящем на шее у родителей:] *Вот это Золушок, переутомился, наверное* (*Золушок* ← *Золушка*); [На улице девочка-подросток маме, глядя на подбежавшую рыжую дворнягу:] *Какой замечательный дворняжий собак!* *Когда же мы наконец свою заведем* (*собак* ← *собака*); [Женщина подруге о ее муже-

портном:] *Костя всегда швеем-волишебником был. Как мог без работы остаться? (швей ← швея)* и др.

В. П. Изотов квалифицирует отмеченные дериваты как результат заменительного словообразования, а именно трансфлексии: трансфлексия наблюдается, когда нулевое окончание заменяется материально выраженным или наоборот (при этом меняется род существительного) [10, с. 27]. Д. В. Гугунава подобные корреляции называет мутацией парадигмы, что является не средством, а собственно способом деривации. «Парадигма не заменяется, а изменяется, – замечает исследователь, – мутирует, что является не причиной, но следствием поиска новой формы для возникшей потребности в номинации феномена, соотносимого с имеющимся по семантическому критерию «женское/мужское начало» [4]. Однако большинство исследователей трактуют данный способ как флексацию (Е. А. Земская, А. И. Моисеев, Р. Ю. Намиткова, В. Н. Немченко и др.).

Как известно, родовые корреляты – это предмет исследования не только словообразовательной науки, но и грамматики. Например, приведенные пары рассматриваются в аспекте грамматических инноваций, в частности как креативное переосмысление грамматической категории рода (Н. Г. Бабенко, О. Л. Богатырева, Т. А. Гридина, Л. В. Зубова, Е. Н. Ремчукова и др.). Так, корреляции *муз ← муза, Золушок ← Золушка, собак ← собака, швей ← швея* и т. д., по мнению Л. В. Зубовой, мотивированы стремлением упорядочить родовую соотносительность одушевленных существительных: противопоставленности одушевленных существительных по роду «не хватает» грамматической полноты и четкости, что оправдывает стремление «представить категорию рода более коррелятивной» [8, с. 208].

Таким образом, нестандартное образование родовых коррелятов мужского рода от одушевленных существительных женского рода посредством обратного словообразования рассматривается в сфере и лексических, и грамматических инноваций, что указывает на морфолого-словообразовательный характер грамматической категории рода. Трактовки обратной деривации как словообразовательного явления отличаются нечетким различием редеривации,

субституции, флексии. Это свидетельствует о диффузности, сложности феномена редеривации, ясность в изучении которого еще не достигнута.

ВЫВОДЫ

Проанализированные деривационные модели обратного словообразования – яркая иллюстрация эффективности механизма окказионального словотворчества в условиях спонтанного городского общения. Редеривация в этом типе речи представлена всеми традиционно выделяемыми видами – десуффиксацией, депрефиксацией, депостфиксацией, которые выявляют деривационные процессы, активно идущие в современном разговорном дискурсе.

Редеривация это словообразовательно-грамматическое явление, поскольку является способом создания как окказиональных лексических единиц, так и окказиональных глагольных форм. Отсечение префикса и суффикса в именах существительных, прилагательных и наречиях квалифицируется как словообразовательное средство, в глагольных же лексемах оно может выступать как средство формообразования, в частности для создания окказиональных видовых коррелятов. Отсечение постфикса является средством транзитивации непереходных глаголов. При создании родовых коррелятов, флексия, указывающая на род, – это одновременно и словообразовательное, и формообразующее средство. Следовательно, редеривация как окказиональный способ речетворчества выявляет креативный потенциал таких грамматических категорий, как род существительного, вид и залог глагола, отражая тем самым морфолого-словообразовательный аспект русской грамматики.

Редеривация – действенный способ современного спонтанного речетворчества, при котором отсечение префиксов, суффиксов и постфиксов исходного слова говорящим производится свободно и частотно. В силу этого данный способ неузального словопроизводства может рассматриваться как функциональная языковая техника по окказиональному заполнению пустующих клеток словообразовательной или грамматической системы. При этом результатом

оказионального деривационного шага являются как номинативные, так и субъективно-оценочные дериваты.

Список литературы

1. Борисова, И. Н. Русский разговорный диалог : структура и динамика [Текст] / И. Н. Борисова. – М. : Изд-во КД «ЛИБРОКОМ», 2009. – 320 с.
2. Брайт, У. Введение: параметры социолингвистики [Текст] / У. Брайт // Новое в лингвистике. – Вып.7. Социолингвистика. – М. : Прогресс, 1975. – С. 34–42.
3. Быкова, Н. А. Развитие категории переходности у непереходных глаголов в современной речи [Текст] / Н. А. Быкова, Е. М. Мельникова // Ярославский педагогический вестник – 2014. – № 1 – Том I (Гуманитарные науки). – С. 99–103.
4. Гугунава, Д. К инвентаризации способов словопроизводства [Электронный ресурс] / Д. Гугунава. – Режим доступа : <https://www.proza.ru/2002/12/18-40>. – (Дата обращения: 12.04.20).
5. Гугунава, Д. Что такое субституция и редеривация? [Электронный ресурс] / Д. Гугунава. – Режим доступа : <https://www.proza.ru/2002/12/18-38>. – (Дата обращения: 15.02.20).
6. Забашта, Р. В. Традиции и инновации в концепции «Русского лингвокультурологического словаря Крыма» [Текст] / Р. В. Забашта // Ученые записки КФУ имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – Симферополь. – 2019. – Том 5 (71). – № 4. – С. 126–149.
7. Земская, Е. А. Словообразование как деятельность [Текст] / Е. А. Земская. – М. : КомКнига, 2005. – 224 с.
8. Зубова, Л. В. Категория рода и лингвистический эксперимент в современной поэзии [Текст] / Л. В. Зубова // Проблемы функциональной грамматики: Категории морфологии и синтаксиса в высказывании. – СПб. : Наука, 2000. – С. 194–210.
9. Изотов, В. П. Неузальные способы словообразования: конспекты лекций к спецкурсу [Текст] / В. П. Изотов, В. В. Панюшкин. – Орел : Изд-во ОГУ, 1997. – 40 с.

10. Изотов, В. П. Параметры описания системы способов русского словообразования (на материале окказиональной лексики русского языка) [Текст] : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / В. П. Изотов. – Орел, 1998. – 35 с.
11. Лыков, А. Г. Обратное словообразование [Текст] / А. Г. Лыков // Русская речь. – 1987. – № 2. – С. 66–70.
12. Моисеев, А. И. Основные вопросы словообразования в современном русском литературном языке [Текст] / А. И. Моисеев. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1987. – 206 с.
13. Намиткова, Р. Ю. Авторские новообразования: структура и функционирование (на материале русской поэзии второй половины XX века) [Текст] / Р. Ю. Намиткова. – Майкоп : Изд-во АГУ, 2015. – 359 с.
14. Немченко, В. Н. Современный русский язык. Морфемика и словообразование : учебник [Текст] / В. Н. Немченко. – Нижний Новгород : НГУ, 1994. – 296 с.
15. Норман, Б. Ю. Какая новая русская грамматика нам нужна? [Текст] / Б. Ю. Норман // Сборник тезисов международного научного симпозиума «Русская грамматика 4.0» (Москва, 13–15 апреля 2016 года). – Москва : ФГБОУ ВО «Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина», 2016. – С. 30–32 [Электронное издание].
16. Петрухина, Е. В. Возможности, функции и конкуренты словопроизводства в современном русском языке [Текст] / Е. В. Петрухина // Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование. Доклады XI Международной научной конференции Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов. – М. : Макс Пресс, 2010. – С. 424–443.
17. Плотникова, Л. И. Лексические новообразования в русском языке / Л. И. Плотникова // Теория и практика ономастических и дериватологических исследований : коллективная монография / науч. ред. В. И. Супрун, С. В. Ильясова. – Майкоп : Изд-во «Магарин О. Г.», 2017. – С. 307–327.
18. Улуханов, И. С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация [Текст] / И. С. Улуханов; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – М. : URSS, Изд-во ЛКИ, 2008. – 225 с.

19. Химик, В. В. Экспрессивно-оценочный потенциал русского модификационного словообразования [Текст] / В. В. Химик // Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование. Доклады XI Международной научной конференции Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов. М. : Макс Пресс, 2010. – С. 376–389.
20. Цейтлин, С. Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи [Текст] / С. Н. Цейтлин. – М. : Знак, 2009. – 362 с.
21. Шанский, Н. М. Очерки по русскому словообразованию [Текст] / Н. М. Шанский. – Изд. 4-е. – Москва : Ленанд, 2016. – 332 с.
22. Эпштейн, М. Н. О творческом потенциале русского языка. Грамматика переходности и транзитивное общество [Электронный ресурс] / М. Н. Эпштейн // Знамя. – 2007. – № 3. – С. 193–207. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/znamia/2007/3/ep18.html> (дата обращения: 10.03.2020).

References

1. Borisova I. N. *Russkii Razgovornyi Dialog: Struktura i Dinamika* [Russian Spoken Dialogue. Structure and Dynamics]. Moscow: Knizhnyi Dom LIBROKOM Publ., 2009. 320 p.
2. Brait U. *Vvedenie: Parametry Sotsiolingvistiki* [Introduction. Parameters of Sociolinguistics]. *Novoe v Lingvistike. Vypusk 7. Sotsiolingvistika*, Moscow: Progress Publ, 1975, pp. 34–42.
3. Bykova N. A., Mel'nikova E. M. *Razvitie Kategorii Perekhodnosti u Neperehodnykh Glagolov v Sovremennoi Rechi* [Development of the Category Transitivity and Intransitivity of the Verbs in Modern Speech]. *Jaroslavskii Pedagogicheskii Vestnik*, 2014, no. 1, Vol. 1 (Gumanitarnye Nauki), pp. 99–103.
4. Gugunava D. *K Inventarizatsii Sposobov Slovoпроизводства* [On Counting the Ways of Word Formation]. Available at: <https://www.proza.ru/2002/12/18-40> (accessed: 12.04.20).
5. Gugunava D. *Chto Takoe Substituciya i Rederivatsiya?* [What is Substitution and Rederivation?]. Available at: <https://www.proza.ru/2002/12/18-38> (accessed: 15.02.20).

6. Zabashta R. V. *Traditsii i Innovatsii v Konceptsii Russkogo Lingvokul'turologicheskogo Slovarja Kryma* [Traditions and Innovations of the Concept of the Russian Lingvoculturological Vocabulary of the Crimea]. *Uchenye Zapiski Krymskogo Federal'nogo Universiteta Imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie Nauki*, 2019, Vol. 5 (71), no. 4, pp. 126–149.
7. Zemskaja E. A. *Slovoobrazovanie kak Deyatel'nost'* [Word Formation as an Action]. Moscow: KomKniga Publ., 2005. 224 p.
8. Zubova L. V. *Kategoriya Roda i Lingvisticheskii Jeksperiment v Sovremennoi Pojezii* [The Category of Gender and Linguistic Experiment in Modern Poetry]. *Problemy Funktsional'noi Grammatiki: Kategorii Morfologii i Sintaksisa v Vyskazyvanii*. Saint-Petersburg: Nauka Publ., 2000, pp. 194–210.
9. Izotov V. P., Panyushkin V. V. *Neuzual'nye Sposoby Slovoobrazovaniya: Konspekty Lekcii k Spetskursu* [Occasional Ways of Word Formation. Synopsis of the Lecture to Special Course]. Orel: OGU Publ., 1997. 40 p.
10. Izotov V. P. *Parametry Opisaniya Sistemy Sposobov Russkogo Slovoobrazovaniya (Na Materiale Okkazional'noi Leksiki Russkogo Yazyka): Avtoref. Dis. ... Kand. Filol. Nauk* [Parameters of Description of the System of Ways of Russian Word Formation (Based on Occasional Lexics of the Russian Language). Abstract]. Orel, 1998. 35 p.
11. Lykov A. G. *Obratnoe Slovoobrazovanie* [Reverse Word Formation]. *Russkaya Rech'*, 1987, no. 2, pp. 66–70.
12. Moiseev A. I. *Osnovnye Voprosy Slovoobrazovaniya v Sovremennom Russkom Literaturnom Yazyke*. [Main Issues of Word Formation in the Modern Russian Literary Language]. Leningrad: LGU Publ., 1987. 206 p.
13. Namitokova R. Yu. *Avtorskie Novoobrazovaniya: Struktura i Funktsionirovanie (Na Materiale Russkoi Pojezii Vtoroi Poloviny XX Veka)* [Authorial New Formations. Structure and Functioning (Based on Russian Poetry of the Second Half of XX Century)]. Maikop: AGU Publ., 2015. 359 p.
14. Nemchenko V. N. *Sovremennyi Russkii Yazyk. Morfemika i Slovoobrazovanie: Uchebnik* [Modern Russian Language. Morphemics and Word Formation. A Textbook]. Nizhnii Novgorod: NGU Publ., 1994. 296 p.

15. Norman B. Yu. *Kakaya Novaya Russkaya Grammatika Nam Nuzhna?* [What New Russian Grammar Do We Need?]. *Sbornik Tezisov Mezhdunarodnogo Nauchnogo Simpoziuma Russkaya Grammatika 4.0 (Moskva, 13–15 Aprelya 2016 Goda)*. Moscow: Gosudarstvenyi Institut Russkogo Yasyka im. A. S. Pushkina Publ., 2016, pp. 30–32.
16. Petrukhina E. V. *Vozmozhnosti, Funktsii i Konkurenty Slovoпроизводства v Sovremennom Russkom Yazyke* [Opportunities, Functions and Competitors of Word Production in the Modern Russian Language]. *Novye Yavleniya v Slavyanskom Slovoobrazovanii: Sistema i Funktsionirovanie. Doklady XI Mezhdunarodnoi Nauchnoi Konferentsii Komissii po Slavyanskomu Slovoobrazovaniyu pri Mezhdunarodnom Komitete Slavistov*. Moscow: Maks Press Publ., 2010, pp. 424–443.
17. Plotnikova L. I. *Leksicheskie Novoobrazovaniya v Russkom Yazyke* [New Lexical Forms in the Russian Language]. *Teoriya i Praktika Onomasticheskikh i Derivatologicheskikh Issledovaniy: Kollektivnaya Monografiya*. Maikop: Magarin O. G. Publ., 2017, pp. 307–327.
18. Ulukhanov I. S. *Edinitsy Slovoobrazovatel'noi Sistemy Russkogo Yazyka i Ikh Leksicheskaya Realizatsiya* [Units of the Russian Word Formation System and Their Lexical Implementation]. Rossiiskaya Akademiya Nauk, Institut Russkogo Yasyka im. V. V. Vinogradova. Moscow: URSS, LKI Publ., 2008. 225 p.
19. Khimik V. V. *Jekspressivno-ocenochnyi Potentsial Russkogo Modifikatsionnogo Slovoobrazovaniya* [Expressively Evaluative Capability of the Russian Modifying Word Formation]. *Novye Yavleniya v Slavyanskom Slovoobrazovanii: Sistema i Funktsionirovanie. Doklady XI Mezhdunarodnoi Nauchnoi Konferentsii Komissii po Slavyanskomu Slovoobrazovaniyu pri Mezhdunarodnom Komitete Slavistov*. Moscow: Maks Press Publ., 2010, pp. 376–389.
20. Tseitlin S. N. *Ocherki po Slovoobrazovaniyu i Formoobrazovaniyu v Detskoj Rechi* [Essays on Word Formation and Form Formation in Children's Talk]. Moscow: Znak Publ., 2009. 362 p.
21. Shanskii N. M. *Ocherki po Russkomu Slovoobrazovaniyu* [Essays on Russian Word Formation]. Moscow: Lenand Publ., 2016. 332 p.

22. Jepshtein M. N. *O Tvorcheskom Potentsiale Russkogo Yazyka. Grammatika Perekhodnosti i Tranzitivnoe Obshhestvo* [About Creative Capacity of the Russian Language. Grammar of Transitivity and Transitive Society]. *Znamya*, 2007, no. 3, pp. 193–207. Available at: <http://magazines.russ.ru/znamia/2007/3/ep18.html> (accessed: 10.03.2020).

**REDERIVATION
AS A WAY OF OCCASIONAL WORD FORMATION
(ON THE MATERIAL OF CRIMEAN INHABITANTS' ORAL SPONTANIOUS
SPEECH)**

Chepurina I. V.

In the article spontaneous spoken language of inhabitants of the Crimea in the aspect of acting mechanism of occasional ways of word formation, namely rederivation or backward word formation is being studied. Occasional derivational models of backward formation on which new lexical units in everyday informal communication are being created, have been revealed and analyzed. It is established that in this type of speech rederivation is being presented by all traditionally distinguished kinds: desuffixation, deprefixation and depostffixation. Structural semantic specifics and peculiarities of usage of derivatives of distinguished types based on specific communicative situation has been analyzed. The biggest popularity and productivity of depostffixation as a way of non-usage word formation in the sphere of impersonal verbs have been illustrated, that testifies active grammatical process: transformation of intransitive verbs into transitive ones.

The author comes to the conclusion that in spontaneous speech of the Crimean city rederivation functions as a word formational and grammatical phenomenon. Backward formation is a method of creating not only occasional lexical units but also verbal forms and reveals creative capability of such grammatical categories as kind of verb and voice of verb, gender of a noun. High efficiency of revealed derivational models of backward formation in oral spontaneous speech allows to consider rederivation as a language technic in occasional filling of empty cells in word formation and grammar.

Keywords: occasional word formation, occasional ways of word formation, derivation, rederivation, backward formation, deprefixation, desuffixation, depostffixation.

УДК 81'42 : 35.08

СИСТЕМНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ОДНОПЕРЕХОДНЫХ ГЛАГОЛОВ

В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Шемелева Т. В.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»,

Краснодар, Россия

E-mail: shemelevanv@mail.ru

В статье анализируется категория переходности, отражающая в широком понимании определенный характер синтаксических свойств русского глагола в предложении с точки зрения наличия/отсутствия у него прямого дополнения. В исследовании акцентируется внимание на дейктическом характере грамматической абстракции этой категории слов. Грамматическое значение переходности/непереходности выводится из речевого употребления, предполагающего присутствие говорящего субъекта, речь которого включает, наряду с констатацией действия, его оценку как желательного, возможного и т.п. Говорящий создает некую семантическую структуру и, опираясь на заложенные в его сознании «правила», строит текст на основе известной ему ситуации, объектно-субъектные отношения которой выражаются средствами морфологии и синтаксиса. При этом возникают определенные группировки слов по возможности/невозможности реализовать значение переходности. На основании проанализированного материала автор приходит к выводу, что при выделении лексико-семантических групп переходных глаголов необходимо исходить из тесной взаимообусловленности лексического и дейктического значений слова, с одной стороны, и формального критерия, с другой. Содержательным критерием является определенная общность лексической семантики члена группы, формальным – их сочетаемость на основе одного и того же управления лексемами-дополнениями, относящимися к тем или иным семантическим разрядам. Как показал анализ, в этих аспектах, содержательном и формальном, не может быть полного уподобления членов группы друг другу, среди них наблюдаются дейктические (личный и локальный дейксис), а также иные различия, в частности, стилистического порядка, которые отражаются и на сочетательных возможностях.

В предлагаемом исследовании делается акцент на возможные изменения сочетаемости глагола в случае использования его в переносном значении, что может привести к созданию омонимичных глагольных лексем, принадлежащих разным лексико-семантическим группам; при этом глагол в обоих случаях остается переходным.

Ключевые слова: переходность/непереходность, грамматическое значение, сильное/слабое управление, дополнение, дейксис.

ВВЕДЕНИЕ

Русская грамматика-80 придерживается традиционного принципа отграничения переходных глаголов от непереходных с опорой на морфологический фактор (управление винительным падежом) [3, с. 614], не забывая о важности учета семантического фактора в синтаксических моделях, о чем в свое время писала Г. А. Золотова, отмечая признание «необходимости семантического анализа синтаксических конструкций» [4, с. 16].

В условиях, когда языковой статус переходных глаголов оставался совершенно неясным, возникла и получила широкое распространение теория, подразделяющая управление как синтаксическую связь на «сильное» и «слабое» [5, с. 112]. Такая ориентация на синтаксис привела к тому, что «сами же глаголы с их лексической семантикой и их системными отношениями в пределах лексико-семантических групп фактически оставались в тени» [1, с. 76]. При исследовании переходных глагольных лексем прежде всего возникает вопрос, что должно служить основанием для их классификации, по какому принципу переходные глаголы можно объединить в лексико-семантические группы. Учет общего лексического значения, дейктического указания на характер того или иного действия глаголов можно считать содержательным критерием, «общая же для них сочетаемость с существительными или местоимениями (лексемами-дополнениями) служит формальным дистрибутивным критерием, позволяющим исследователю решать вопрос о принадлежности переходных лексем к той или иной группе» [5, с. 7]. Важно не упустить из виду индивидуальные семантические, а также стилистические особенности членов группы. Факт вхождения двух внешне совпадающих переходных глаголов в две различные по составу группы, имеющие свои содержательные и формальные особенности, рассматриваются нами, в принципе, как свидетельство наличия в языке двух омонимичных переходных глаголов, различающихся по своему положению в лексической системе языка. Такими омонимичными переходными глаголами являются, например, «*подрывать*» в значении уничтожения или разрушения и «*подрывать*» в значении «дополнительно роя, сделать глубже, шире».

Исходя из особенностей управления переходных глаголов, мы разграничиваем класс однопереходных глаголов, способных к управлению только одним дополнением, и класс двупереходных глаголов, управляющих двумя лексическими дополнениями.

Выделение переходных глаголов на основе содержательного, дейктического и формального критериев с опорой на метод моделирования требует учёта возможных расхождений между членами группы в отношении вариативного управления.

Цель нашего исследования – рассмотреть особенности сочетаемости переходных глаголов с определенными существительными. Дополнив обязательный учет дейктического значения, выраженного в глаголе и существительном, выделить лексико-семантические группы однопереходных глагольных лексем.

Материалом для анализа послужили данные нормативных словарей [8; 9; 3; 2], в качестве дополнительных источников привлекался материал из Национального корпуса русского языка [6].

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

На основе расширения представления о грамматическом значении, в семантике которого могут быть выделены две составляющие: смысловая основа и дейктический компонент – однопереходные глаголы были распределены по лексико-семантическим группам.

Среди переходных глагольных лексем современного русского языка значительную часть составляют однопереходные глаголы, управляющие одним дополнением по модели – «глагол + сущ. в В.п.»:

1. Многочисленная группа однопереходных глаголов, подводимых под общее значение активного указания на изменения чего-либо: *снижать, изменять, ухудшать, улучшать, усиливать, замедлять, ослаблять, сокращать, наращивать, убавлять, углублять, удлинять* и др. Для указанных глаголов характерна сочетаемость как с существительными, обозначающими абстрактные понятия, действия (*преувеличивать значение, улучшать самочувствие*), так и с субстантивами, обозначающими конкретные неодушевленные предметы или вещества (*расширять*

сосуд, укорачивать платье). Экспериментально принадлежность данных переходных глаголов к одной общей группе доказывается посредством трансформации. Каждому из них соответствует субстантивированная форма, управляющая зависимым словом в род. падеже. Ср.: *Увеличивать объем – увеличение объема; снижать скорость – снижение скорости* и др. Для этой группы переходных глаголов характерно сильное управление, что проявляется в отсутствии фактов изменения управления (наличия вариативного управления), а также абсолютного употребления глаголов.

2. К рассмотренной группе глаголов близки следующие пять глаголов со значением указания на различные изменения посредством восстановления чего-либо в первоначальном виде: *восстанавливать, реконструировать, ремонтировать, реставрировать, реабилитировать*. Первые четыре сочетаются с существительными неодушевленными конкретного, а глагол «восстанавливать» – абстрактного значения: *восстанавливать отношения, реконструировать здание, ремонтировать машину, реставрировать храм*. Глагол «реhabilitировать» управляет одушевленным именем со значением лица: *реhabilitировать отца, меня*. Данная группа глаголов также подвергается субстантивации (по типу глаголов 1-ой группы): *восстановление отношений, реставрация храма* и др. Разница между этой группой и предыдущей проявляется не только в содержательном плане (наличие у 2-й группы особого оттенка в значении), но и в типе управления. В данном случае управление 2-й группы является менее сильным, так как в принципе на вопрос: "Чем вы сейчас занимаетесь?", возможен ответ: "Ремонтируем", т.е. "занимаемся ремонтом" вообще, без указания на конкретный объект. Возможность такого абсолютизированного употребления свидетельствует об ослаблении синтаксической связи данной группы глаголов.

3. Продуктивная группа глаголов характеризуется общим дейктическим значением созидательной, плодотворной деятельности: *реализовывать, делать, формировать, организовывать* и др. Они управляют именами существительными конкретного и абстрактного значения: *выполнять проект, осуществлять реформы, исполнять желания* и др. Общность их, как и в предыдущих случаях, доказывает

наличие субстантивированных форм (*выполнение, осуществление, исполнение...*), исключая глагол «делать». Возможная субстантивированная форма «делание» не находит применения в языковой практике, заменяясь любой другой из данной группы.

4. Группа однопереходных глаголов со значением познания чего-либо на опыте: *дегустировать, отведать, попробовать, испробовать* и др. Они сочетаются с разными по степени отвлеченности существительными (*пробовать салат, испытывать самолет, вкусить радость жизни, хлебнуть горя*). Причем формы несовершенного вида (*пробовать, дегустировать, испытывать*) сочетаются исключительно с винительным прямого объекта, они же допускают трансформацию (по типу глаголов 1-й группы): (*проба блюда, дегустация вина, испытание самолета*); формы совершенного вида (*испробовать, отведать, продегустировать*) могут управлять и родительным падежом существительных, обозначающих еду, питье (*испробовать напиток, отведать хлеба*), при этом в лексическое значение глаголов вносится оттенок частичного охвата предмета действия.

5. В группу фазисных глаголов можно объединить однопереходные глаголы со значением различных по времени этапов действия (темпоральный дейксис): *кончать, прекращать, заканчивать, перестать*. Приведенные глаголы сочетаются только с абстрактными существительными, в основном обозначающими активные действия: *начинать стирку, продолжить учебу, заканчивать испытания* и др. Особенностью данной группы глаголов является сочетание их с инфинитивом: *начал стирать, продолжил учиться, закончил испытывать*. Поскольку каждому из инфинитивов потенциально соответствует субстантивированная форма (*стирка, учеба, испытание* и др.), данный тип управления можно считать вариантом традиционного (с вин.п. прямого объекта). Ср.: «Россия будет *продолжать оказывать* помощь бывшим советским республикам – Россия будет *продолжать оказание* помощи бывшим советским республикам».

6. Близки по значению с предыдущей группой также фазисные однопереходные глаголы: *останавливать, откладывать, отсрочивать, возобновлять*. Они тоже обозначают различные по времени этапы деятельности. Однако необходимо

заметить, что глаголы «останавливать», «откладывать» входят в данную группу лишь в сочетании с существительными абстрактного значения: *останавливать работу, движение; откладывать заседание, поездку*. При сочетании с конкретными существительными меняется тип управления: например, «откладывать» в словосочетании «отложить игрушку», «отложить товар», требует распространителя (*в сторону, на полку, под прилавок*), т. о. глагол становится двупереходным и будет входить в другую лексико-семантическую группу.

7. Небольшую группу составляют глаголы с локальным дейктическим значением: *занять, оккупировать, завоевать*. Они сочетаются с существительными, обозначающими какое-либо место, территорию: *занять место, оккупировать район, завоевать город*. Возможна трансформация – *занятие Смоленска, завоевание Царьграда, оккупация Сирии*. Интерес для нас представляет глагол «занять». В современном употреблении широко распространилась конструкция «занять очередь». Исходя из лексического значения зависимого слова, глагол «занять» в данном сочетании не входит в рассматриваемую нами лексико-семантическую группу. Однако при выяснении происхождения данного словосочетания мы увидим, что оно образовалось путем переразложения связей между компонентами сложного глагольного словосочетания «занять место в очереди». Таким образом, перед нами пример образования нового словосочетания в результате распада трехчленной глагольно-именной конструкции. Сжатие конструкции повлияло на её линейную протяженность, но поскольку информативное значение конструкции осталось без изменений, т.е. произошло только её смысловое уплотнение, мы вправе говорить, что в сочетании со словом «очередь» глагол «занять» входит в данную группу.

8. Выделения в отдельную группу требуют глаголы, обозначающие математические операции: *высчитывать, дифференцировать, интегрировать, суммировать* и под. Для них характерна сочетаемость только с существительными, обозначающими отвлеченные понятия, действия, качества: *решать уравнение, исчислять доход, вычислять длину*. В отдельных случаях, в значении «счета как продолжительного занятия», возможно абсолютное употребление: *"Экономисты целый год считают, а толку никакого"* («Комс. правда», 20.12.2018). Для всех членов

группы характерно наличие соответствующих субстантивированных форм, также близких по значению: *вычисление, счет, подсчет (подсчитывание)* и т.д.

9. Небольшую группу однопереходных глаголов составляют глаголы, обозначающие выражение эмоций путем физического контакта с объектом (персональный дейксис): *целовать, лобызать (устар.), обнимать* и др. Они сочетаются только с существительными, обозначающими человека или животного: *целовать дочь, обнимать подругу, тискать щенка* и т.д.

10. Весьма активна группа глаголов со значением уничтожения, разрушения чего-либо: *уничтожать, ликвидировать, устранять, взрывать* и т.д. Для них характерна широкая сочетаемость с существительными и местоимениями различного по степени отвлеченности значения: *истреблять животных, разрушать замыслы, подрывать авторитет*. Причем существительные отвлеченного значения стоят только при глаголах, употребляемых в переносном значении.

11. Группа однопереходных глаголов, указывающих на конкретные физические воздействия: *варить, стирать, жечь, чистить, штопать, стричь, скоблить*, и т.д. – имеет узкую сочетаемость. Например, глаголы «варить», «готовить», «жарить» сочетаются с существительными тематической группы «пища»; «штопать», «латать» – с существительными тематической группы «одежда» и т.д. Возможны случаи, когда глаголы данной группы употребляются абсолютно. В таких сочетаниях они обозначают тот или иной вид деятельности вообще, без конкретизации объекта: *"Тетя Женя вспоминает, как три года работала в сельсовете уборщицей-истопницей, мыла, топила по ночам..."* («Комс. правда», 23.02.2016).

12. В большую активно пополняющуюся группу объединяются глаголы со значением эмоционального воздействия на кого-либо: *забавлять, развлекать, раздражать, убеждать, восхищать, интриговать, сердить, покорять* и др. Для приведенных глаголов характерна сочетаемость с одушевленными существительными или местоимениями: *беспокоить родителей, изумлять поклонников, утешать старика, волновать многих* и др.

13. Другую группу формируют глаголы, имеющие отрицательную коннотацию, со значением нанесения морального вреда путем наговора, клеветы, дурного поступка: *очернить, осрамить, обесчестить* и др. Сочетаемость их аналогична сочетаемости предыдущей группы глаголов: *опозорить отца, обеспечить девушку, опорочить товарища*. В некоторых случаях возможны сочетания с существительными абстрактного значения: *опозорить свой род, опорочить имя кого-либо* и др.

14. С выраженным личным дейксисом объединяются глаголы со значением тщательного изучения чего-либо: *исследовать, изучать, разбирать, расследовать, постигать* и др. Для них характерна широкая сочетаемость с существительными или местоимениями, обозначающими отвлеченные понятия, конкретные неодушевленные, реже – одушевленные: *анализировать проблему, выяснять отношения, обследовать ребенка* и др.

15. Привлекает внимание и группа глаголов со значением мыслительной деятельности: *понимать, думать, полагать, признать, считать* (в значении *думать*), *утверждать* (в значении *точно знать*), *знать, подозревать* (в значении *думать*) и др. Большая их часть способна управлять винительным прямым объектом: *понимать друга, считать решение неправомерным* и т.д. Некоторые глаголы либо утратили со временем способность к такому управлению (глаголы *думать, полагать*), либо при управлении вин. падежом имеют другое значение (*подозревать кого в чем*). Однако, по нашему мнению, все они являются переходными глаголами, так как по одной модели управляют придаточными изъяснительными, являющимися вариантами (распространенными до отдельной ПЕ) прямого объекта и отвечают на вопрос вин. падежа. Ср.: *«Я осознаю несправедливость принятого мною решения. – Я осознаю, что принятое мною решение несправедливо. – Я полагаю, что принятое мною решение несправедливо»*.

16. Отдельную группу составляют однопереходные глаголы со значением указания на обсуждение, принятия или неприятия чего-либо: *обдумывать, принимать, одобрять, утверждать* (в значении *принимать*), *оспаривать*. Они сочетаются с именами, имеющими конкретное (*критиковать начальство*), а чаще

абстрактное значение: *обсуждать ситуацию*. В отличие от глаголов предыдущей группы, они не управляют придаточным. Исключение – глагол «обдумывать». Он может управлять придаточным с союзом **как**: «Он обдумывал свои дальнейшие поступки. – Он обдумывал, как поступить дальше».

17. К глаголам, которые как-то связаны с умственной деятельностью, относится и группа глаголов с общим значением предвидения, представления чего-либо заранее: *предполагать, представлять, предугадывать, предусматривать*. Для них характерно сочетание с существительными, в основном, абстрактного значения: *предвидеть исход, предсказать погоду*, и др. Все они способны управлять придаточными с союзами **как, что**: «Он предвидел, как сложится исход. Мать предчувствовала, что сын вернется».

18. Глаголы со значением указания на активизацию памяти также могут быть объединены в небольшую группу: *запоминать, припоминать, напоминать* и т.д. Особенностью этой группы глаголов является их вариативное управление: *забывать друзей – забывать о друзьях; вспоминать ушедшее – вспоминать об ушедшем*. Современное языковое употребление стирает постепенно разницу между тем и другим управлением, при такой замене смысловое содержание подчас не меняется. Ср.: «Французский фильм «Дива» мы вспомнили по той причине, что он имеет прямое отношение к теме нашего разговора» («Комс. правда», 12.02.2017) – «О французском фильме «Дива» мы вспомнили по той причине, что он имеет прямое отношение к теме нашего разговора». Однако в некоторых случаях выбор управления зависит от семантического наполнения конструкции. Ср.: «А давайте-ка вспомним о законе» («Комс. правда», 24.02.2017) (существование закона) – «А давайте-ка вспомним закон» (содержание закона в целом).

19. По общему значению преодоления испытания каких-либо жизненных ситуаций в отдельную группу выделяются глаголы: *испытать, повидать, преодолеть*. Для них характерно сочетание с существительными абстрактного значения: *пережить радость, хлебнуть горя, перенести болезнь*. Глагол «хлебнуть» входит в данную группу лишь в переносном значении, однако управление род. падежом заимствовано из употребления глагола в его основном значении (при

указании на неопределенную меру или количество выпитого). Ср.: «*А хорошо бы теперь чайку хлебнуть. – Много ей пришлось хлебнуть горя.*».

20. Самостоятельную группу составляют глаголы со значением просматривания, прослушивания в поисках чего-либо: *оглядывать, осматривать, рассматривать, обыскивать, прочесывать* (в значении *просматривать*) и др. Они управляют одушевленными и неодушевленными существительными конкретного и абстрактного значения: *просматривать газету, обыскивать преступника, прослушивать запись* и др.

21. Группу глаголов, указывающих на обозначение различных типов восприятия: *слышать, воспринимать, ощущать, наблюдать*. Они образуют словосочетания с большим количеством разных по значению имен существительных, местоимений: *видеть сестру, смотреть фильм, слушать его*. Данная группа принадлежит к глаголам, обладающим широкой возможностью абсолютного употребления (в значении способности к данному восприятию). Ср.: «*Я вижу дом – Я прекрасно вижу*», «*Она слышит музыку – Она очень плохо слышит*». Нередко использование данных глаголов вообще без участия распространителей: «*Мне не хотелось спорить. /Я слушал*» [6]. Подобные факты говорят о слабой связи управляемого глагола с зависимым именем. Возможно предположить появления нового вида управления у данных глаголов. Например, за глаголом «услышать» закреплено два вида управления: *услышать что* и *услышать о ком, о чем*. Однако все чаще появляется на страницах печати и в устной речи управление *услышать про что, слышать про что*: «*Так и сидит на кухне тетя Женя, когда слышит про Карабах*» («Комс. правда», 23.05.2018). Глаголы *смотреть, слышать, слушать, наблюдать* имеют разные варианты управления прямым объектом: *смотреть что, на что; слышать, слушать что, о чем; наблюдать что, за чем*. В одних случаях различие в выборе управления полностью утратилось: *смотреть картину – смотреть на картину, наблюдать восход солнца – наблюдать за восходом солнца*. Однако во многих случаях выбор того или иного управления оказывается однозначным: *смотреть кинофильм, но смотреть на девушку; слышать звук, но слышать о пьесе*. В одних случаях выбор определяется семантикой управляемого

слова. Например, существительные со значением произведения театрального искусства управляются глаголом «смотреть» без предлога (*смотреть пьесу, балет, оперу, фильм*), а существительные и местоимения, обозначающие конкретные лица, управляются только с помощью предлога «на» (*смотреть на отца, на друга, на меня*). В других употреблениях выбор определяется семантикой глагола: например, глагол «наблюдать» в значении «видеть, увидеть» управляет прямым объектом без предлога (*"В киосках «Квас» можно наблюдать такой товар по сотне за горлышко"* («Комс. правда», 6.06.2015), а в значении «следить» требует вопроса за кем-чем (*наблюдать за преступником, за поведением животных*). Наконец, необходимо отметить еще одну общую особенность рассматриваемых глаголов – их способность управлять придаточным изъяснительным (искл. гл. «воспринимать»), причем в большинстве случаев возможна трансформация такого придаточного в распространенном дополнении со значением прямого объекта. Это важное доказательство того, что и в данных конструкциях глагол сохраняет свою переходность: *«Слышать, как поют скворцы – слышать пение скворца»*.

22. Небольшую группу составляют однопереходные глаголы *преподавать, проповедовать, пропагандировать*, объединенные общим значением «распространение каких-либо знаний, идей». Прямыми объектами при данных глаголах могут быть лишь существительные абстрактного значения: *преподавать историю, литературу; проповедовать идеи, взгляды, пропагандировать чью-либо или какую-либо философию, направление* и т.д. Глагол «преподавать» в силу своего лексического значения имеет большие возможности для абсолютизированного употребления: *«Отец преподает на кафедре психологии. – Сосед преподает в институте сельского хозяйства»*.

23. В отдельную группу можно выделить и четыре глагола со значением контроля, проверки кого- и чего-либо. Это глаголы: *контролировать, проверять, экзаменовать, аттестовать*. Они могут сочетаться с существительными абстрактного значения (*контролировать знания, проверять знания*), либо с существительными со значением лица (*экзаменовать студента, аттестовать преподавателя*).

24. Общим значением указания на совместную деятельность или иное приглашение кого-либо куда-либо объединены глаголы *звать, приглашать, вызывать*. Они управляют только существительными со значением лица: *звать подругу, приглашать родственников, вызывать сотрудника*.

25. И, наконец, совсем небольшую группу образуют два синонимичных глагола: *извинить, простить* – будут объединены в группу на основе широко распространенного абсолютизированного употребления форм повелительного наклонения (*извини, извините, прости, простите*) и частично 1 лица (*извиняю, извиняем, прощаю, прощаем*): *"Извини, – говорит, – я заказы перепутал. "Так и быть, прощаю, но в последний раз", – заявил в ответ Степан"* [6]. Так как эти формы глагола используются в большинстве своём в диалогах, где круг собеседников чётко определен, нет необходимости указывать на прямой объект, ибо он и без того ясен в каждой конкретной ситуации.

Проанализировав характер выделенных нами 25 глагольных групп, мы пришли к следующему **выводу**. В двенадцати группах объединены глаголы конкретного, в тринадцати – глаголы абстрактного содержания. Учитывая, что общее количество глаголов с отвлеченным содержанием составляет около 10% от всех переходных лексем, справедливо было бы задать вопрос: почему большинство из них является однопереходными?

По нашему мнению, для глагола отвлеченного значения чаще всего важен лишь сам прямой объект, на который направлено действие. При этом словосочетание «глагол + существительное в вин. падеже» полностью выражает конкретную указательность в описании действия: *предвидеть проблему, контролировать выполнение* и др. Чем конкретнее значение глагола, тем вероятнее необходимость дополнительной информации: сопоставить не только «что», но и «с чем», превратить «что во что», прибавить «что к чему». Это, несомненно, сказывается и на характере управления. Чем конкретнее значение глагола, тем он сильнее «привязан» к объекту («нитей», связывающих его, столько, сколько объектов /прямых и косвенных/ он предполагает). А чем отвлеченнее значение глагола, тем легче «порвать» единственную «нить» связующую её с прямым объектом.

Исследование сочетаемости переходных глаголов с лексемами других частей речи с учётом включения дейктического значения позволяет расширить понимание грамматического значения переходности/непереходности, описать явления лексико-синтаксических контрастов, связанных с нейтрализацией переходности, определить случаи глагольной омонимии.

Список литературы

1. Виноградов, В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове) [Текст] / В. В. Виноградов. – Изд. 1–е. – М. : Высшая школа, 1972. – 373 с.
2. Ефремова, Т. Ф. Словарь грамматических трудностей русского языка : более 2 500 слов [Текст] / Т. Ф. Ефремова, В.Г. Костомаров. – Изд. 3 е. – М. : АСТ. Хранитель, 2006. – 379 с.
3. Зализняк, А. А. Грамматический словарь русского языка: словоизменение : около 110 000 слов [Текст] / А. А. Зализняк. – Изд. 5–е. – М. : АСТПРЕСС, 2008. – 795 с.
4. Золотова, Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка [Текст] / Г. А. Золотова. – Изд. 1–е – М. : Наука, 1973. – 352 с.
5. Мухин, А. М. Системные отношения переходных глагольных лексем (На материале англ. и рус. языка) [Текст] / А. М. Мухин. – Изд. 1–е – Л. : Наука, 1987. – 291 с.
6. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://ruscorpora.ru>. – (Дата обращения: 30.04.2020).
7. Русская грамматика [В 2-х т. / Редкол. : Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др.] [Текст]. – Изд. 1–е. – М. : Наука, 1980. Т. 1. – 783 с.
8. Словарь русского языка : В 4-х т. [Текст] / Под ред. А. П. Евгеньевой. – Изд. 4–е. – М. : Русский язык, 1999.
9. Словарь сочетаемости слов русского языка / Под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина [Текст] – Изд. 3–е. – М. : Астрель, 2002. – 811 с.

References

1. Vinogradov V.V. *Russkii Yazyk. Grammaticheskoe Uchenie o Slove* [The Russian Language. The Grammatical Doctrine of the Word]. Moscow: Vysshaya Shkola Publ., 1972. 373 p.
2. Efremova, T. F. *Slovar' Grammaticheskikh Trudnostei Russkogo Yazyka: Bolee 2 500 Slova* [Dictionary of Grammatical Difficulties of the Russian Language. More than 2,500 Words]. Moscow: AST. Khranitel' Publ., 2009. 379 p.
3. Zaliznyak, A. A. *Grammaticheskii Slovar' Russkogo Yazyka: Slovoizmenenie: Okolo 110 000 Slova* [Grammar Dictionary of the Russian Language. Inflection. About 110,000 Words]. Moscow: ASTPRESS Publ., 2009. 795 p.
4. Zolotova G.A. *Ocherk Funktsional'nogo Sintaksisa Russkogo Yazyka* [Essay on the Functional Syntax of the Russian Language]. Moscow: Nauka Publ., 1973. 352 p.
5. Mukhin A.M. *Sistemnye Otnosheniya Perekhodnykh Glagol'nykh Leksem (Na Materiale Angliiskogo i Russkogo Yazyka)* [Systematic Relations of Transitive Verbal Lexemes (Based on the English and Russian Language)]. Leningrad: Nauka Publ., 1987. 291 p.
6. *Natsional'nyi Korpus Russkogo Yazyka* [National Corps of the Russian Language]. Available at: <http://ruscorpora.ru>. (accessed 30 April 2020).
7. *Russkaya Grammatika: v 2 Tomakh* [Russian Grammar in 2 Volumes]. Moscow: Nauka Publ., 1980. Vol.1, 783 p.
8. *Slovar' Russkogo Yazyka: v 4 Tomakh* [Dictionary of the Russian Language in 4 Volumes]. Moscow: Russkii Yazyk Publ., 1999.
9. *Slovar' Sochetaemosti Slova Russkogo Yazyka* [Dictionary of the Compatibility of Russian Words]. Moscow: Astrel' Publ., 2002. 811 p.

SYSTEM RELATIONS OF MONOTRANSITIVE VERBS IN THE RUSSIAN LANGUAGE.

Shemeleva T. V.

The article analyzes the category of transitivity, which broadly reflects the specific nature of the syntactic properties of the Russian verb in the sentence from the point of view of the presence / absence of a direct object. The study focuses on the deictic nature of the grammatical abstraction of this category of words. The

grammatical meaning of the transitivity / intransitivity is derived from speech usage, which assumes the presence of a speaking subject, whose speech includes, along with a statement of the action, its assessment as desirable, possible, etc. The speaker creates a certain semantic structure and, with the help of the «rules» laid down in his mind, makes the text on the basis of a situation known to him, the object-subject relations of which are expressed by means of morphology and syntax. At the same time, certain groups of words arise with possible / impossible to realize the meaning of transitivity. Based on the analyzed material, the author comes to the conclusion that when selecting lexical and semantic groups of transitive verbs, it is necessary to proceed from the close interdependence of the lexical and deictic meanings of the word, on the one hand, and the formal criterion, on the other. The content criterion is a certain generality of lexical semantics of a group member, the formal criterion is their collocation based on the same management of lexemes-additions related to certain semantic categories. As the analysis has shown, in these aspects, substantive and formal, there can be no complete similarity of the group members to each other, among them there are deictic (personal and local deixis), as well as other differences, in particular, of a stylistic order, which are also reflected on combinational possibilities. The proposed study focuses on possible changes in the verb's combinability if it is used in a figurative sense, which can lead to the creation of homonymous verb lexemes belonging to different lexical and semantic groups; while the verb in both cases remains monotransitive.

Keywords: transitivity/intransitivity, grammatical meaning, strong / weak government, object, deixis.

3. СОЦИОЛИНГВИСТИКА И ПСИХОЛИНГВИСТИКА КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ; СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

УДК 81.923

ОТРАЖЕНИЕ РУССКОГО ХАРАКТЕРА В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ КОНЦЕПТЕ *ОДИНОЧЕСТВО* (НА ПРИМЕРЕ ЭМИГРАНТСКОЙ ПРОЗЫ А. АВЕРЧЕНКО)

Бахича Э. А.

ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова»,
Симферополь, Россия
selnara26@mail.ru

В предлагаемой статье проводится анализ лингвокультурного концепта ОДИНОЧЕСТВО на материале эмигрантской прозы А. Аверченко. Художественный дискурс, анализируемый в статье, апеллирует к историческим и культурным фактам, отражение которых приобретает в тексте определенную культурную коннотацию. Отмечено, что лингвокультурный концепт ОДИНОЧЕСТВО, как антропологически значимый, связан с осмыслением самой сущности человека, его внутреннего мира, имеет высокую социальную и культурную значимость. В русской лингвокультуре связь человека с другими людьми является ценностью. Быть среди своих, быть со своими, мыслить так же, как свои, – желаемая ситуация для русского человека. Отмечено, что лингвокультурный концепт ОДИНОЧЕСТВО связан с осмыслением сущности человека, его внутреннего мира, имеет социальную и культурную значимость. Связь человека с другими людьми в русской лингвокультуре является ценностью. Быть среди своих, быть со своими, мыслить так же, как свои – вот то, к чему стремится русский человек. В представленной работе устанавливаются и противопоставляются семантические компоненты, выделенные на основе проанализированных лексикографического и контекстуального значений. Содержание концепта ОДИНОЧЕСТВО представлено в совокупности понятийного, образного и ценностного слоев. Выявлено, что смысловой каркас анализируемого лингвокультурного концепта представляют его образный и ценностный слои, так как они отражают культурную информацию. Отмечено, что в ценностном слое концепт ОДИНОЧЕСТВО получает имплицитное выражение через актуализацию сем другого концепта – ТОСКА ‘стеснение духа’, ‘томление души’, ‘мучительная грусть’, ‘душевная тревога’, ‘беспокойство’, ‘горе’, ‘печаль’. Проведенный анализ позволяет говорить об особенностях реализации рассматриваемого концепта, культурная информация которого отражается через аксиологическую шкалу «свой – чужой».

Ключевые слова: лингвокультурный концепт, ‘одиночество’, ‘тоска’, сема, ‘ценность’, русский, аксиологическая шкала «свой – чужой».

ВВЕДЕНИЕ

В лингвокультурологии особое место занимает исследование проблем отражения в языке эмоционального состояния человека. В постоянно изменяющемся

мире сознание человека отражает объекты окружающей действительности, которые, преображаясь, вызывают у него те или иные эмоциональные переживания. Эмоции и чувства занимают в жизни человека особое место. По мнению ученых С. Г. Воркачева [3], В. В. Карасика [6], Ю. С. Степанова [11], язык является проводником в ментальный мир человека, в его культуру. В научных трудах Г. Ю. Богданович [1; 2], А. С. Гагарина [4], Ю. Л. Гончаровой [5], Л. А. Петровой [9; 10], и др. отмечено, что эмоциональное переживание, являющееся одной из составляющих ментального мира человека, способно отражать не только психическую и социальную, но и культурную информацию. По словам А. С. Гагарина, чувства человека обладают культурной спецификой. Они совершенствуются, развиваются: «непосредственные чувства превращаются в высшие чувства, относящиеся к духовным ценностям и идеалам» [4, с. 35].

Г. Ю. Богданович подчеркивает, что ментальные и концептуальные свойства языка, проявленные в языковых знаках и формах речевой деятельности, определяются жизнью социума, имеют когнитивную и культурно-национальную специфику [1]. По мнению ученого, «язык – зеркало окружающего мира, он отражает действительность и создает свою картину мира, специфичную и уникальную для каждого языка и, соответственно, народа, этнической группы, речевого коллектива, пользующегося данным языком как средством общения» [2, с. 179]. В качестве основных структурных элементов жизни социума, национального менталитета, кроме языка и социальных представлений, могут рассматриваться коллективная память, эмоции и настроения, коллективные чувства.

Чувства, в частности одиночество, носят лингвокультурный характер. Ю. Л. Гончарова отмечает, что «чувства имеют разное содержание и способы выражения в разные исторические эпохи, в разных социумах, в разных его слоях. Наибольшее распространение и наиболее ярко выраженное негативное воздействие одиночества отмечается в русской лингвокультуре» [5, с. 13].

Цель статьи – проанализировать концепт ОДИНОЧЕСТВО в рассказах А. Аверченко.

Материалом исследования являются сборники рассказов А. Аверченко «Записки Простодушного», «Нечистая сила», «Смешное в страшном», «Чудеса в решете».

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Лингвокультурный подход к исследованию и пониманию концепта заключается в признании его базовой единицей культуры. Л. А. Петрова отмечает, что «декодирование актуального смысла языковых знаков позволяет выявить сведения лингвокультурологического характера» [9, с. 134]. Как пишет В. В. Карасик, «концепт – это многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны» [6, с. 56].

Ю.С. Степанов характеризует концепт как «то, посредством чего культура входит в ментальный мир человека, и, с другой стороны, посредством чего – обычный человек, не «творец культурных ценностей», – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [11, с. 43]. Главным компонентом лингвокультурного концепта является его ценностный слой, поскольку в основе культуры лежит ценностный принцип. Поэтому лингвокультурный концепт можно рассматривать, по С.Г. Воркачеву, как «единицу художественной картины мира, элементами которой являются культурные ценности и нормы» [2, с. 43].

Связь человека с другими людьми является ценностью в русской лингвокультуре. Быть среди своих, быть со своими, мыслить так же, как свои, – вот то, к чему стремится русский человек. Изолированность от других «своих» людей, одиночество, физическое, психологическое и социальное, становится антиценностью в русской культуре. Отсюда возникают языковые оппозиции: семья – одинокий человек; община – изгой; общество – отшельник; коллектив – индивидуалист и др.

Лингвокультурный концепт ОДИНОЧЕСТВО, являясь антропологически значимым, связан с осмыслением сущности человека, его внутреннего мира, имеет как социальную, так и культурную значимость. В рассказах А. Аверченко, которые выглядят весьма юмористично на первый взгляд, на фоне предшествующих эмиграции автора событий (Первой мировой войны, Октябрьской социалистической

революции, Гражданской войны) по-разному представлен феномен одиночества и ассоциирован преимущественно с его негативным восприятием.

Выделим основное содержание концепта ОДИНОЧЕСТВО, которое заключается в следующих характеристиках:

- понятийную сторону данного концепта составляет совокупность признаков:

- а) физическое состояние человека (остаться одному в количественном смысле; отсутствие контактов с окружающими людьми);

- б) психическое состояние человека (неудовлетворенность индивидуума качеством существующих контактов);

- образную сторону этого концепта представляют ассоциации одиночества с рядом субстанций – тоской, страхом, тюрьмой, печалью, горестью и др. (одиночество в этом случае может иметь звуковые характеристики, вкус, запах, цвет и др.); специфически русскими являются ассоциации одиночества с гробом, омутом, болотом, туманом;

- ценностную сторону этого концепта составляет отрицательно-оценочное отношение человека к чувству одиночества.

Социальное одиночество героя А. Аверченко, представленное в образном и ценностном слое лингвокультурного концепта, становится причиной глубокого конфликта человека и общества. По словам Ю. Кучерявых, аксиология государства противопоставляются аксиологии народа и личности сатирика [7]. Несогласие писателя с новыми устоями привело его к одиночеству психологическому, социальному, культурному. Особенно ярко проявилось это чувство на чужбине.

Для выявления культурно специфических признаков концепта ОДИНОЧЕСТВО обратимся к словарному толкованию лексемы *одиночество*.

По данным толковых словарей Д. Н. Ушакова и С. И. Ожегова, *одиночество* ‘состояние одинокого человека’. В БАС кроме первого значения (*одиночество* ‘положение, состояние одинокого человека’) отмечено и второе – *одиночество 2* ‘пребывание в таком положении, состоянии’.

Толкование лексемы представляет собой, прежде всего, определение категориального порядка: одиночество – это состояние одинокого человека.

Состояние в данном случае может быть истолковано тройко: и как физическое (пребывание в количестве одного), и как социальное (без семьи), и как внутреннее, психическое (пребывание в определенном расположении духа, чувство) – лексема *одиночество* способна передавать в контексте смыслы каждого из перечисленных типов [12; 14; 15].

В рассказах сатирика физическое одиночество (пребывание в количестве одного) влечет за собой и одиночество психологическое (пребывание в определенном расположении духа): *«Иногда мы, большие, взрослые люди, бородатые, усатые, суровые, с печатью важности на лице, вдруг ни с того ни с сего становимся жалкими, беспомощными, готовыми расплакаться от того, что мама уехала в гости, а нянька ушла со двора, оставив нас в ОДИНОЧЕСТВЕ в большой полутемной комнате»* (Семь часов вечера).

Лексема *одиночество* передает в контексте смыслы физического и психологического одиночества. Физическое выражено через парадигмы, которые объединены семами ‘пребывание в количестве одного’ – *«мама уехала в гости, нянька ушла со двора, остаться в большой полутемной комнате»*. При таких обстоятельствах только ребенок почувствует одиночество, страх и печаль. Одиноким ребенок (а он не один, рядом такие же дети) оказывается во власти *большой, полутемной комнаты*, комнаты без взрослых. Такие же печаль, страх и одиночество испытывает взрослый. Но взрослый не в физическом смысле остается один, а в психологическом. Парадигма адъективов *бородатые, усатые, суровые* противопоставлена адъективной парадигме *жалкие, беспомощные, готовые расплакаться*. Данные парадигмы можно представить в аксиологической шкале «защищенный – беззащитный». Таким образом, физическое и психологическое одиночество противопоставлены друг другу.

Далее, развитие понятийного слоя концепта ОДИНОЧЕСТВО происходит по схеме градации: психологическое одиночество нарастает: *«Жалко нам себя, тоскливо до слез, и кажется нам, что мы ОДИНОКИ и брошены в этом странно молчащем мире, ограниченном четырьмя сумрачными стенами»* (Семь часов вечера). Адъективы *молчащий, ограниченный, сумрачный, объединенные отрицательной*

коннотацией с семей 'ограничение', затрудняют действия и мысли человека. Такие ограничения приводят к жалости к себе, к тоске до слез. Человек испытывает одиночество, которое ведет к безысходности, заброшенности в этом странно молчащем мире: *«Почему-то это бывает в сумерки праздничного дня, когда все домашние разбредаются в гости или на прогулку, а вы остались ОДИН и долго сидите так, без всякого дела. Забившись в темный угол комнаты и остановив пристальный взгляд на двух светло-серых четырехугольниках окон, сидите вы с застывшими, как холодная лава, мыслями – тихий, покорный и бесконечно ОДИНОКИЙ»* (Семь часов вечера).

Психологическое состояние неудовлетворенности, дисгармонии, неуверенности, влияющее на взаимодействие субъекта с внешним и внутренним миром, порождает чувства страха, тоски, грусти, страдания, безысходности. Отрицательные коннотации, содержащиеся в адективах *темный, пристальный, застывший, холодный*, противопоставлены положительным коннотациям в лексемах *тихий, покорный*. Борьба против одиночества физического и психологического приводит к покорности, тишине, смирению. Такое состояние человека всегда индивидуально. Русский человек, испытывая физическое одиночество (*«забившись в темный угол комнаты и остановив пристальный взгляд на двух светло-серых четырехугольниках окон»*), переживает и психологическое: боль, страх, тоску. Он принимает все проявления одиночества (*тихий, покорный и бесконечно одинокий*), смиряется и даже приспособливается. Одиночество как символ застывшей грусти превращается в звуки, аккомпанемент, музыку. Данные лексемы имеют положительные коннотации, так как музыка как 'искусство, в котором переживания, настроения, идеи выражаются в сочетаниях ритмически-организованных звуков и тонов' – это живое, надежда, это жизнь.

Таким образом, ядро концепта ОДИНОЧЕСТВО представлено понятийным слоем, в котором отражены признаки отдельности человека, отсутствия связей с другими людьми. Физическое одиночество переходит в психологическое. Такая трансформация может быть отражена градационно: человек один в количественном

смысле – человек один наедине со своими мыслями – человек смиряется со своими мыслями об одиночестве – человек принимает одиночество.

Концептуальная схема лингвокультурного концепта ОДИНОЧЕСТВО включает кроме проанализированного понятийного слоя, содержащего общую информацию о наиболее существенных признаках концепта, еще образный и ценностный слои. В художественном дискурсе, как отмечает Л. А. Петрова, при выделении образного и ценностного слоев актуальным становится такой признак, как принадлежность автору-творцу. Содержание данных слоев выполняет функцию смыслового каркаса концепта, так как они отражают культурную информацию [10].

В образном слое одиночество может иметь звуковые характеристики (одиночество – музыка), вкус (горькое одиночество), цвет (светло-серое одиночество) и др. Одиночество в образе рыхлой могильной земли предстает как безысходность: *«Я погасил огни, упал ничком на диван, закусил зубами угол подушки, и ОДИНОЧЕСТВО – уже грозное и суровое, как рыхлая могильная земля, осыпаясь, покрывает гроб – осыпалось и покрыло меня»* (Семь часов вечера). Адъективы *грозное и суровое* олицетворяют одиночество, делают его живым, сильным.

Одиночество как одно из ярких воплощений боли, страха, печали предстает в образе тюрьмы: *«Действительно: на унылой тюремной стене моей камеры я увидел обыкновенную муху. Она сидела и терла передними лапками у себя над головкой. Милая муха! Ты будешь моим товарищем... Ты скрасишь мое одиночество»* (Записки заключенного). Тюрьма – ‘лишение свободы’ не только в физическом плане, но и в психологическом. Человек готов ухаживать за обыкновенной мухой, лишь бы избежать одиночества. Лексемы *милая, скрасишь, будешь товарищем* содержат положительные коннотации, привносящие надежду.

Исследователь жизни и творчества А. Аверченко В. Миленко отмечает, что в эмиграции русский человек сталкивается и с болью, и со страхами, с тревогой и печалью. Он там не один русский, но чувствует душасщее его одиночество. Эмигрантская проза принизана одиночеством, тоской по Родине [8]. Крик одинокой души, заключенный в простых словах, раздается повсюду: *«Если вы порядочные люди, дайте комнату одинокому!»* (Русский в Европах). Адъектив *одинокому*

показывает, что эмигрант одинок не столько физически, сколько психологически. Эмигрант, имеющий на родине крышу над головой, на чужбине оказывается без крова. Противопоставление старой и новой жизни выражено в трансформации физического одиночества в психологическое.

При помощи противопоставления А. Аверченко изображает человека старой России, человека, имеющего единомышленников, и нового одинокого человека: *«И долго еще в опустевшем курзале, когда все постепенно на цыпочках разошлись – долго еще разносились стоны и рыдания полупьяного **одинокого** человека, в своем настоящем трезвом виде и еще более непонятого в пьяном...»* (Русский в Европах). Языковые единицы *непонятого*, *униженного* тесно связаны с понятием *одиночество*. Адъективы *униженный* 'угнетённый несчастьями, обидами', *непонятный* 'странный, загадочный' представляют отрицательные коннотации. Контекст эксплицирует культурный фон, обстановку, сложившуюся в то трагическое время, которая отражает состояние одинокого человека: если человек одинок, значит, он может быть унижен, не понят, отвергнут обществом. Оказавшись на чужбине, на том «необитаемом острове», человек не только не может найти «другого человека», поддержавшего его, он не может сам оставаться человеком. Разрушение устоев жизни, а тем самым и изменение характера человека, происходит в результате такого «одиночества», к которому приводит революция.

В ценностном слое концепт ОДИНОЧЕСТВО имплицитно выражается через актуализацию сем другого концепта – ТОСКА. По данным толковых словарей русского языка, слово *тоска* имеет следующие значения: «стеснение духа, томление души, мучительная грусть; душевная тревога, беспокойство, боязнь, скука; горе, печаль, нойка сердца, скорбь» [13]. Традиционные для русской культуры значения актуализируются в ценностном слое лингвокультурного концепта ТОСКА: *«Поймете ли вы ТОСКУ души моей?! Сумеете ли заглянуть в бездну хаотической первозданной души славянской»* (Русский в Европах). Тоска писателя по родине выражена в описании его души, в адъективах *бездонная*, *хаотическая*, *первозданная*, *славянская*. Душа славянская, несмотря на ее бездонность, вместительность, широту, претерпевает изменения. Боль, страх одиночества, тоска по родине приводят к

тесноте в душе, тесноте на чужбине: *«Сволочи эти большевики! Какого черта из-за них я должен болтаться тут в турецкой ночлежке?! Кто я есть? Я есть русский человек! Значит, я должен жить в России»* (Тоска по родине). Сема безысходности актуализируется в синтагме *турецкая ночлежка*, где ночлежка (**не ночлег**) – это **‘небольшое помещение для ночлега, не всегда уютное и просторное’**. Здесь **имплицитно выражены семы** ‘стеснение духа’, ‘томление души’, ‘мучительная грусть’.

Чувство ничтожности бытия русского человека за границей тонко передается А. Аверченко через воспоминания эмигрантов о природных явлениях русской жизни. На фоне дождливой константинопольской погоды ночлежники тоскуют о русских морозах и русском снеге: *«Хороши снега у нас в Москве! Нормальные. Полозья скрипят, бубенцы на ванькиных клячах звенят. Вот жилось! Я раз это от Курского вокзала в Газетный переулок ездил – два пальца отморозил. Вот это была жизнь! Не жизнь, а масленица»* (Тоска по родине). В синтагмах *вот жилось, была жизнь* отражены тоска по родине, тоска по крепким устоям. Жизнь на родине сатирик уподобляет празднику – Масленице.

На основе противопоставления сатирик представляет природные явления в чужом краю и на родине: *«Нет, у нас в России – вот это дождь!.. Как маханет тебя – так либо ревматизм, либо насморк на три недели!.. Хорошо жить там, и нету другого такого подобного государства»* (Тоска по родине). Силу, крепость русского характера писатель отображает через описание природных явлений. Крепкий мороз (*два пальца отморозил*), сильный проливной дождь (*так либо ревматизм, либо насморк на три недели*), которые с тоской и восхищением вспоминают эмигранты, не сломят русского человека. В синтагмах *хорошо жить там и нету другого такого подобного государства* актуализируются семы ‘мучительная грусть’, ‘душевная тревога’, ‘беспокойство’.

Актуализация концепта ТОСКА происходит на базе сравнения русской и чужой культур. На чужбине стали особенно заметными некоторые черты русского национального характера, его яркие отличия не только от турецкого, но и от родственного по славянскому духу – чешского: *«Да, мы, русские, больше к русскому*

привыкши. Какая тут в Константинополишке была Пасха? Греческая мизерия! А там, – как колокола зальются, забухают, залепечут – век бы слушал! Хорошие времена...» (Тоска по родине). В словосочетании *русские к русскому привыкши* отражена вся широта русской души. Русским характерно максимальное принятие действительности. Глаголы в номинации *колокола зальются, забухают, залепечут* отражают многоликость, разнообразие, звучность русского характера. Эту звучность с тоской вспоминают эмигранты, оценивая ее как *хорошие времена*.

Но русскому характеру свойственно приспосабливаться к печальным обстоятельствам, находить положительное в плохом, смеяться, пускай даже сквозь слезы: *«Больше того, – смеяться должно. Потому что у нас один выбор: или пойти с ТОСКИ повеситься на крючке от украденной иконы, или – весело, рассыпчато рассмеяться»* (Тоска по родине). Сатирик представляет тоску в двух ипостасях: смерть и смех. Русский человек выбирает смех, веселый, рассыпчатый ('легко рассыпающийся, легко крошащийся'). Частица такого смеха легко достанется каждому, и каждый со смирением примет ту тоску и одиночество и будет жить с глубокой верой в светлое будущее: *«Петербуржцы! Не плачьте! И для нас когда-нибудь небо будет в алмазах! И мы вернемся на свои места!.. Ибо все мы, вместе взятые, – тот ансамбль, без которого немислима живая жизнь!!»* (Люди – братья).

ВЫВОДЫ

Основное содержание концепта ОДИНОЧЕСТВО в художественной картине мира А. Аверченко заключается в следующем:

- понятийную сторону данного концепта составляет совокупность признаков физического и психического одиночества, которые отображаются в эмоционально-психологическом состоянии неудовлетворенности, неуверенности в завтрашнем дне, влияющем на взаимодействие субъекта с внешним и внутренним миром. Такое состояние порождает чувство страха, тоски, грусти, страдания, безысходности;
- образную сторону концепта формируют ассоциации с тюрьмой, могильной землей, гробом, полным отсутствием света; одиночество имеет звучание (музыка), консистенцию (рыхлое);

• ценностную сторону концепта составляет отрицательно-оценочное отношение русского человека к чувству одиночества. В ценностном слое концепт ОДИНОЧЕСТВО имплицитно выражается через актуализацию сем другого концепта – ТОСКА ‘стеснение духа’, ‘томление души’, ‘мучительная грусть’, ‘душевная тревога’, ‘беспокойство’, ‘горе’, ‘печаль’. Ценностный слой содержит культурную информацию, которая отражается через аксиологическую шкалу «свой – чужой».

Список литературы

1. Богданович, Г. Ю. Русский язык в аспекте проблем лингвокультурологии [Текст] / Г. Ю. Богданович. – Симферополь : Оджакъ, 2015. – 296 с.
2. Богданович, Г. Ю. Лингвистическая ситуация в Крыму: межкультурное славянское взаимодействие языков [Текст] / Г. Ю. Богданович, В. И. Димитрова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. – 2019. – Том 5 (71). – № 2. – С. 178–191.
3. Воркачев, С. Г. Лингвокультурный концепт : типология и области бытования [Текст] / С. Г. Воркачев. – Волгоград : ВолГУ, 2007. – 400 с.
4. Гагарин, А. С. Экзистенциалы человеческого бытия – одиночество, смерть, страх (от античности до Нового времени). Историко-философский аспект [Текст] : автореф. дис. ... д-ра филос. наук / А. С. Гагарин. – Екатеринбург, 2002. – 47 с.
5. Гончарова, Ю. Л. Слова-названия эмоций в когнитивном аспекте [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю. Л. Гончарова. – Ростов-на-Дону, 2003. – 20 с.
6. Карасик, В. И. Языковой круг : личность, концепт, дискурс : монография [Текст] / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
7. Кучерявых, Ю. Н. Языковая игра в художественных текстах А. Т. Аверченко : прагматические характеристики и структурно-семантические формы реализации [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / Ю. Н. Кучерявых. – Краснодар, 2019. – 202 с.
8. Миленко, В. Аркадий Аверченко [Текст] / В. Миленко. – М. : Молодая гвардия, 2010. – 215 с.

9. Петрова, Л. А. Декодирование актуального смысла в структуре текста [Текст] / Л. А. Петрова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. – Том 1 (67). – № 3. – 2015. – С. 134–137.
10. Петрова, Л. А. Социокультурные факторы в художественной картине мира писателей-сатириконовцев [Текст] / Л. А. Петрова // Мова і культура. – Т. IV. Ч. 2. Лінгвокультурологічна інтерпретація тексту. – К. : Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2004. – С. 172–177.
11. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования [Текст] / Ю. С. Степанов. – М., 1997. – 824 с.

Словари

12. Большой толковый словарь русского языка : [БТС : А-Я] [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. ; гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2004. – 1534 с.
13. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4-х т. [Текст] / В. И. Даль. – М. : Терра, 1991–1996.
14. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений [Текст] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.
15. Толковый словарь русского языка [Текст] / под ред. Д. Н. Ушакова : в 4-х т. – М.–Л. : Сов. энциклопедия; ОГИЗ. – Т. 4, 1940. – 1502 стб.

Художественная литература

16. Аверченко, А. Т. Собрание сочинений в 13 томах [Текст] / А. Т. Аверченко ; ред., вступ. ст. С. Николенко. – М. : Издательство Дмитрий Сенчин, 2012–2015.
17. Аверченко, А. Т. Записки простодушного [Электронный ресурс] / Аркадий Тимофеевич Аверченко. – Режим доступа: http://dugward.ru/library/averchenko/averchenko_zapiski_prostodushnogo.html.

18. Аверченко, А. Т. Нечистая сила [Электронный ресурс] / Аркадий Тимофеевич Аверченко. – Режим доступа: http://dugward.ru/library/averchenko/averchenko_nechistaya_sila.html.
19. Аверченко, А. Т. Смешное в страшном [Электронный ресурс] / Аркадий Тимофеевич Аверченко. – Режим доступа: http://dugward.ru/library/averchenko/averchenko_smeshnoe_v_strashnom.html.

References

1. Bogdanovich G. Yu. *Russkii Yazyk v Aspekte Problem Lingvokul'turologii* [The Russian Language in the Aspect of Problems of Linguoculturology]. Simferopol, 2015. 296 p.
2. Bogdanovich G. Yu., Dimitrova V. I. *Lingvisticheskaya Situatsiya v Krymu: Mezhkul'turnoe Slavyanskoe Vzaimodeistvie Yazykov* [Linguocultural Situation in The Crimea: Intercultural Interaction of Slavic Languages]. *Uchenye Zapiski Krymskogo Federal'nogo Universiteta Imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie Nauki. Nauchnyi Zhurnal*, 2019, Vol. 2, pp. 178–191.
3. Vorkachev S. G. *Lingvokul'turnyi Kontsept: Tipologiya i Oblasti Bytovaniya* [Linguocultural Concept: Typology and Areas of Existence]. Volgograd, 2007. 400 p.
4. Gagarin A. S. *Ekzistentsialy Chelovecheskogo Bytiya – Odinochestvo, Smert', Strakh (Ot Antichnosti do Novogo Vremeni)* [Existentials of Human Existence – Loneliness, Death, and Fear (From Antiquity to Modern Times)]. Ekaterinburg, 2002. 47 p.
5. Goncharova Y. L. *Slova-Nazvaniya Emotsii v Kognitivnom Aspekte* [Words-Names of Emotions in the Cognitive Aspect]. Rostov-na-Donu, 2003. 20 p.
6. Karasik V. I. *Yazykovoii Krug: Lichnost', Kontsept, Diskurs* [Language Circle. Personality, Concept, and Discourse]. Volgograd: Peremena Publ., 2002. 477 p.
7. Kucheryavykh Yu. N. *Yazykovaya Igra v Khudozhestvennykh Tekstakh A. T. Averchenko: Pragmaticheskie Kharakteristiki i Strukturnosemanticheskie Formy Realizatsii* [Language Play in Artistic Texts by A.T. Averchenko. Pragmatic Characteristics and Structural Semantic Forms of Implementation]. Krasnodar, 2019. 202 p.

8. Milenko V. *Arkadii Averchenko* [Arkady Averchenko]. Moscow, 2010. 215 p.
9. Petrova L. A. *Dekodirovanie Aktual'nogo Smysla v Strukture Teksta* [Decoding the Actual Meaning in the Text Structure]. *Uchenye Zapiski Krymskogo Federal'nogo Universiteta Imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie Nauki. Nauchnyi Zhurnal*, 2015, Vol. 1 (67), no 3, pp. 134–137.
10. Petrova L. A. *Sotsiokul'turnye Faktory v Khudozhestvennoi Kartine Mira Pisatelei-Satirikonovtsev* [Social Cultural Factors in the Artistic Picture of the World of the Satirikonovtsy Writers]. *Mova i Kul'tura*. Kiev, 2004, pp. 172–177.
11. Stepanov Yu. S. *Konstanty. Slovar' Russkoi Kul'tury. Opyt Issledovaniya* [Constants. Dictionary of Russian Culture. Research Experience]. Moscow, 1997. 824 p.

Dictionaries

12. *Bol'shoi Tolkovyi Slovar Russkogo Yazyka* [Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Spb: Norint Publ., 2004. 534 p.
13. Dal Vladimir. *Tolkovyi Slovar Zhivogo Velikorusskogo Yazyka: v 4 Tomakh. Tom 1* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language in 4 Volumes. Vol. 1]. Moscow: Terra Publ., 1991 – 1996. 701 p.
14. Ozhegov S. I. *Tolkovyi Slovar Russkogo Yazyka: 80 000 Slova i Frazeologicheskikh Vyrazhenii* [Explanatory Dictionary of the Russian Language. 80000 Words and Phraseological Expressions]. Moscow: Azbukovnik Publ., 1999. 944 p.
15. *Tolkovyi Slovar Russkogo Yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya; OGIZ Publ., Vol. 4, 1940.

Fiction

16. Averchenko A. T. *Sobranie Sochinenii v 13 Tomakh* [The Collected Works in 13 Volumes]. Ed. and intr. by S. Nikolenko. Moscow : Izdatelstvo Dmitrii Senchin, 2012–2015.
17. Averchenko A. T. *Zapiski Prostodushnogo* [Simple Man's Notes]. Available at: http://dugward.ru/library/averchenko/averchenko_zapiski_prostodushnogo.html.

18. Averchenko A. T. *Nechistaya Sila* [Devilry]. Available at:
http://dugward.ru/library/averchenko/averchenko_nechistaya_sila.html.
19. Averchenko A. T. *Smeshnoe v Strashnom* [Funny within Scary]. Available at:
http://dugward.ru/library/averchenko/averchenko_smeshnoe_v_strashnom.html.

**REFLECTION OF THE RUSSIAN CHARACTER
IN THE CULTURAL CONCEPT OF LONELINESS
(ON THE EXAMPLE OF A. AVERCHENKO'S EMIGRANT PROSE)**

Bahicha E. A.

The article analyzes the linguistic and cultural concept of LONELINESS based on the material of A. Averchenko's emigrant prose. The artistic discourse analyzed and considered in the article appeals to historical and cultural facts and realities, the reflection of which acquires a certain cultural connotation in the text. It is noted that the cultural concept of LONELINESS, as anthropologically significant, is associated with the understanding of the very essence of a person, his inner world, has a high social and cultural significance. In Russian culture, a person's connection with other people is a value. To be among your own, to be with your own, to think like your own – a desirable situation for a Russian person. In the presented work, semantic components are identified and contrasted based on the analyzed lexicographic and contextual meanings. The main content of the concept of LONELINESS is presented in a combination of conceptual, figurative and value layers. It is revealed that the semantic framework of the analyzed linguistic and cultural concept is represented by its image and value layers, since they reflect cultural information. It is noted that in the value layer, the concept of LONELINESS receives implicit expression through the actualization of this other concept – LONGING – ‘constraint of the spirit’, ‘longing of the soul’, ‘painful sadness’, ‘mental anxiety’, ‘worry’, ‘grief’, ‘sadness’. The analysis allows to speak about the features of the implementation of the concept under consideration, the cultural information of which is reflected through the axiological scale “friend – foe”.

Keywords: linguistic and cultural concept, loneliness, longing, Arkady Averchenko, value, Russian, axiological scale “friend – foe”.

УДК 81'1:316.344.8-054

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕСТВЕ

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-012-00295 «Структура и содержание представлений о человеке, государстве, власти в языковом сознании носителей русского языка (Республика Крым)»

Гусейнова Р. Н.

В статье рассматривается проблема этнической идентификации в современном мире. Обращается внимание на отсутствие в лексикологии научного разграничения понятий «нация» и «национальность». Предлагается дифференцировать эти понятия, закрепив их разделение в «мировом сознании».

Материал для социолингвистического анализа был получен в ходе свободного ассоциативного эксперимента, проводимого ИЯ РАН совместно с КФУ имени В.И. Вернадского. Эксперимент построен на использовании ассоциативно-вербальной модели, позволяющей рассматривать как осознаваемые носителями языка знания, так и неосознаваемые.

На материале, полученном в ходе анонимного опроса среди студентов крымских вузов, рассматривается проблема национального самоопределения. Анализ анкет показал, что зачастую этническая самоидентификация современного молодого человека сводится к выбору между национальной группой, представителем которой он является, и группой большинства, к которой он сам себя относит.

Проведенное исследование показало необходимость формирования в обществе понимания того, что *национальность* является одним из факторов *нации*, а значит, каждый индивидуум предстает носителем двух этнических общностей, поскольку они не взаимозамещаемы, а взаимодополняемы.

Ключевые слова: национальность, нация, культурно-языковые особенности этноса, этническая самоидентификация.

ВВЕДЕНИЕ

В XXI веке проблема, связанная с осознанием национальной идентичности, обусловлена глобализацией современного мира. Добровольная либо вынужденная миграция массовых переселенцев определенного этноса или отдельных представителей различных национальностей привела к изменениям этнической структуры населения Земли. В условиях национально смешанной социальной среды под угрозой оказалась аутентичность как «новых этносов», пытающихся адаптироваться к непривычным для себя условиям, так и коренного населения, представители которого нередко оказываются под влиянием этнокультуры вновь прибывших. По сути, происходит этническое смешивание национальных групп и, как результат, возникновение нового этноса с чертами каждой из них.

Подобные прецеденты уже имели место в мировой истории. Эмигрировав в Южную Америку в XVII веке, испанцы, португальцы, в меньшей степени другие европейцы, а также завезенные ими негры вступили в контакт с автохтонным населением. Со временем на этой территории появилось новое этническое образование – латиноамериканцы. О существовании внутриэтнических проблем данного этноса, связанных с культурно-языковой и расовой идентичностью, еще в XIX веке говорил один из руководителей освободительного движения в Америке Симон Боливар: *«Следует вспомнить, что наш народ не является ни европейским, ни североамериканским ... Невозможно с точностью указать, к какой семье человеческой мы принадлежим... европейцы смешались с американцами, а последние – с индейцами и европейцами. Рожденные в лоне одной матери, но разные по крови и происхождению, наши отцы – иностранцы, люди с разным цветом кожи. Это различие чревато важными последствиями»* [1, с. 90].

Отсутствие коллективной идентичности в новообразованном смешанном этносе привело к повышению уровня конфликтогенности внутри него, примером чего служат непрекращающиеся конфликты между странами Латинской Америки (Парагвай – Боливия, Белиз – Гватемала, Колумбия – Эквадор, Чили – Боливия, Колумбия – Никарагуа и другие).

Мировое сообщество, столкнувшись в XXI веке с ассимиляцией разнородных этнических групп, должно обеспечить сохранение культурно-языковых особенностей всех этносов, не допуская их смешивания. В поликультурных государственных образованиях необходимо проводить политику, направленную на формирование целостности нации, «не разрываемой» национальными конфликтами. Иными словами, следует сформировать коллективную идентичность населения при сохранении национальных языков, этнокультурных обычаев и ценностных норм представителей всех этносов, функционирующих в общем пространстве.

В статье затрагивается актуальная для полиэтничного Крымского региона проблема – самоэтноидентификация молодого поколения в условиях мировых глобализационных процессов.

Целью данной статьи является разграничение понятий «нация», «национальность» и разработка их дефиниций.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Одним из методов исследования языкового сознания является свободный ассоциативный эксперимент, построенный на использовании ассоциативно-вербальной модели, позволяющей рассматривать как осознаваемые носителями языка знания, так и неосознаваемые. Материал для социолингвистического анализа получен в ходе анонимного опроса студентов крымских вузов. Эксперимент, проводимый Институтом языкознания РАН совместно с Крымским федеральным университетом имени В.И. Вернадского, направлен на выявление ассоциативной связи между словами-стимулами (предлагаемые слова) и словами-реакциями (первые пришедшие в голову ассоциации). На данный момент заполнено почти 3500 анкет, обработано – 2114.

Данные, основанные на анализе промежуточных результатов исследования, неоднократно обсуждались на научных и научно-методических конференциях. Конечным итогом работы является создание регионального (крымского) ассоциативного словаря русского языка.

В новом современном мироустройстве человечество столкнулось с проблемой национального самоопределения, и в первую очередь это коснулось молодежной социальной группы. Исходя из того, что формирование национального самосознания обусловлено системой ценностей и ориентаций, созданной индивидуумом на базе культурно-языковых факторов, неудивительно, что самоидентификация молодого человека часто сводится к выбору между национальной группой, представителем которой он является, и группой большинства, к которой он сам себя относит.

Общеизвестно, что национальность как один из исторических типов этнической общности определяется социумом, а значит, ключевая роль в определении этноидентификации граждан сегодня принадлежит государству как политической форме организации общества.

В период перехода от феодализма к буржуазному устройству параллельно с формированием наций начали складываться моноэтнические, так называемые *национальные государства*. Первое подобное образование появилось во Франции во

времена Великой революции (XVIII в.), требовавшей от народа объединения в единую нацию взамен существовавшего ранее «подданства французской монархии».

Отметим, что в современном мире мононациональных государств в буквальном смысле не существует. Подобно двунациональным образованиям (*Бельгия: фламандцы – 58%, валлоны – 31%*) либо многонациональным (*Республика Индия: сложившиеся национальности – бенгальцы, кашмирцы, маратхи и др.; народности, формирующиеся в национальности – хиндустанцы, пенджабцы и др.*) мононациональные также основаны на объединении нескольких этносов, но со значительным преобладанием одного из них. Так, в *Республике Польша* 95% населения составляют *поляки*, а в *Японии* – *японцы*. При этом фактически все современные, так называемые национальные, государства относятся к гетерогенным образованиям, поскольку все они входят в различные региональные интеграционные объединения. К примеру, *Республика Польша* – одно из 28 государств, находящихся в составе ЕЭС, а *Япония* – одно из 21 в составе АТЭС.

Как правило, переход от гомогенных к гетерогенным образованиям и приводит к кризису этноидентичности. В государственных, экономических и экономико-политических сообществах национально-языковая политика формируется этническим большинством, что не может не вызывать трудности в самоопределении у представителей этнокультурных меньшинств, потому как в поликультурных пространствах накапливающаяся и веками хранящаяся память, складывается из коллективной памяти всех культур, оказавшихся в разное время в едином пространстве [2, с. 19].

В период становления классового общества самоидентификация человека, предполагающая высокую степень интериоризации культурно-ценностных норм определенной общности, являлась основным условием выживания. Однако сегодня, в эпоху мировой глобализации, так ли необходимо соотнесение индивидуума с конкретным этносом? Не является ли отличительная черта самоидентификации – социальная оппозиция «свой-чужой» [3, с. 213-214] – фактором, раскалывающим, а не объединяющим общество?

Как известно, этнос – понятие социальное, характерное для определенных исторических этапов. Смена общественно-экономических формаций неизбежно влекла за собой появление нового этнического образования: *род, племя, народность, нация, национальность*.

Первыми, возникшими еще в эпоху первобытнообщинного строя, были *род* и *племя*. Если *род* определялся группой людей, имеющих общего предка, то *племя* являлось формой, объединяющей несколько родов с общим языком, обычаями и совместной территорией проживания.

Следующая этническая общность – *народность*, сформированная из отдельных племен, заняла промежуточное положение между первобытной стадией развития человечества – *племенем* и периодом формирования государственности – *нацией*. Однако сам термин, номинирующий данное новообразование, утвердился только в 50-е годы XX века [4, с.137].

Формирование современных этнических образований – сначала *нации* (приблизительно XV в.), а позже и *национальности* (XIX в.) – началось в странах Европы в период развития капиталистических отношений. В отличие от предыдущих форм этнической организации общества они явились не продолжением развития родоплеменных связей, а консолидацией народностей, ограниченных территорией и единым языком.

Отметим, что необходимость определения *национальности* возникла в период проведения переписи населения в Европе, при этом признаки ее определения были неоднородны: если в Греции (1856 г.) этническая принадлежность определялась выбором языка и религии, то в России (1897 г.) – только языка.

Точное понимание значения терминов «*нация*» и «*национальность*» в современной лексикологии отсутствует. Зачастую слово «*национальность*» наряду со словами «народ», «племя» и «этнос» предлагается в качестве синонимической замены слову «*нация*» [5, с.375; 6, с.386; 6, с.251 4].

С учетом того, что одни и те же семантические единицы могут выступать как варианты метаязыкового описания, предлагаемые разными исследователями, не

являясь при этом неверными, следует рассмотреть интерпретацию данных слов в различных источниках.

Необходимо отметить, что в словарях русского языка слово «национальность» появилось только в XX веке. В «Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля» (1863-1866) представлена только лексическая единица «нация».

Нация, ж. франц. народ, в обширном знач., язык, племя, колено; однородцы, говорящие одним общим языком, все сословия. Национальный, народный или народу свойственный; иногда, ошибочно, вместо простонародный. -ность ж. народность.» [7, с. 508 7].

В «Толковом словаре современного русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова» (1935-1940) и в «Словаре русского языка С.И. Ожегова» (1949) уже представлены дефиниции обеих лексических единиц, причем в определении «национальность» дана прямая ссылка на слово «нация».

Национальность 1. см. национальный. 2. В нек-рых сочетаниях: то же, что и нация. 3. Принадлежность к какой-н. нации, народности. По национальности украинец» [5, с.387].

Нация, -и, ж. 1. Исторически сложившаяся устойчивая общность людей, образующаяся в процессе формирования общности их территории, экономических связей, литературного языка, особенностей культуры и духовного облика. 2. В нек-рых сочетаниях: страна, государство. Организация Объединённых Наций. II прил. национальный, -ая, -ое. Национальные интересы. Национальное равноправие [6, с.386].

Отметим, что ссылка на слово «нация» дана во всех рассмотренных словарных статьях «национальность» [5, с.375; 6, с.387; 9, с.251; 10, с.145]. Однако, на наш взгляд, понятия, обозначаемые данными лексическими единицами, требуют разграничения, поскольку фиксированный смысл терминов не допускает синонимической замены одного другим.

Как известно, существуют две основные концепции определения *национальности*: консервативная и либеральная. Первая, опираясь на факт рождения от представителей определенной национальности, основана на «законе крови»;

вторая же, построенная на факте рождения в определенном государстве, исповедует «закон почвы» [10, с.146]. На наш взгляд, подобное понимание самоидентификации индивидуума верно, однако характеризует оно не один, а два типа этноса: национальность и нацию.

Возможно, накладывание одного определения на другое происходит ввиду существования двух подходов к определению *нации*: как политической общности граждан конкретного государства и как формы существования нескольких совместно проживающих этносов с единым языком и самосознанием. И, несмотря на то что первичен политический, а не этнический контекст, в языковом сознании, очевидно, происходит смещение понятий, в дальнейшем влияющее на определение индивидуумом этнической самоидентификации. Трудность самоопределения связана с тем, что человек отождествляет себя не только с этнокультурной общностью, признающей первостепенность кровного родства, но и с культурно-языковым сообществом этнического большинства, функционирующим на территории его рождения и/или постоянного проживания.

Чаще всего с проблемой этноидентификации сталкиваются граждане полиэтнических образований, одним из которых и является Республика Крым. Согласно данным РОССТАТА Крым представлен 175 национальностями с преобладанием трех этнических групп: русские – 67,9%; украинцы – 15,68%; крымские татары – 10,57% [11].

На проблему, связанную с определением национальной идентификации, мы обратили внимание во время проведения анкетирования (социальная группа – студент) в рамках эксперимента, построенного на использовании ассоциативно-вербальной модели и направленного на изучение языкового сознания крымчан [12, с.60].

При заполнении информативной строки у опрашиваемых возникли трудности с определением собственной этнической принадлежности. Часть респондентов заменила национальность этнохоронимом: *крымчанин/крымчанка* либо политонимом: *россиянин/россиянка*. Исходя из того, что во время первого опроса

подобная замена носила массовый характер, всякий раз перед анкетированием проводилась разъяснительная работа.

Ряд студентов зафиксировал перечень национальностей через запятую: *украинка, еврейка, русская* либо с помощью математических знаков: *50% татарка + 50% турчанка*. Очевидно, что в данном случае на определение национальности повлияло ближнее окружение респондентов, т.е. этническая принадлежность членов их семей.

Небольшая часть студенческой аудитории оказалась не готовой к национальному самоопределению, что проявилось в непонимании сути вопроса либо скрытом отказе от национальной идентичности: *восточный славянин, православная, мусульманин*, а также в демонстративном нежелании определяться с собственным этносом: *никакая, хотелось бы быть итальянцем, гражданин мира*. Как правило, отсутствие этнической принадлежности в ценностной шкале человека возникает в том случае, если в семье с момента получения ребенком фрагментарных знаний о своей этнической общности (6-7 лет), не поддерживались национальные традиции и/или материнский (родной) язык [13, с. 133-138].

Для понимания ситуации, связанной со сложностью заполнения анкетизируемыми графы «*национальность*», в рамках данного эксперимента был проведен дополнительный опрос студентов (188 человек), целью которого было определение значимости национальности в шкале ценностей респондентов. Опрашиваемым предлагалось ответить на вопрос: «*Нужна ли, по вашему мнению, национальность современному человеку?*». Утвердительно ответили 124 респондента, отрицательно – 57, не определились – 7. Как видим, мнения разделились непропорционально, однако очевидно, что 30% опрошенных готовы отказаться от собственной этноидентичности, а 3,5% сомневаются в ее необходимости.

На наш взгляд, это свидетельствует не столько о негативном отношении к этносу как к одному из факторов, разделяющих человечество, сколько о слиянии в языковом сознании опрашиваемых понятий «*национальность*» и «*нация*». Несмотря на то, что многие воспринимают этническую принадлежность как данность, подтвержденную столетиями, а себя – носителями этой данности, в современном обществе

представители молодого поколения все чаще сталкиваются с проблемой национальной самоидентификации, выбирая между собственным этносом, языка и обычаев которого зачастую не знают, и этносом понятного им «чужого» культурно-языкового большинства.

ВЫВОДЫ

В заключение отметим, что под нацией следует понимать политическую общность людей определенного государственного образования, состоящую из представителей различных национальностей и народностей, объединенных общим языком и самосознанием. Консолидация происходит вокруг одного этноса, как правило, представленного этническим большинством, чьи культурно-языковые традиции «вынуждены» перенимать остальные этногруппы. И если представители национальных меньшинств не озаботятся сохранением культурных особенностей собственных этносов, то малые народы растворятся в государствообразующей этнической группе большинства.

На наш взгляд, обеспечить национальное многообразие в поликультурных образованиях поможет смысловое разграничение дефиниций «*нация*» и «*национальность*». Иными словами, необходимо сформировать в обществе понимание того, что *национальность* является одним из факторов *нации*, а значит, каждый индивидуум предстает носителем двух этнических общностей, поскольку они имманентны, не взаимозамещаемы, а взаимодополняемы.

Только правильный подход к разрешению кризиса в вопросе национальной самоидентификации позволит гражданам полиэтнических сообществ объединиться на основе нации, сохранив аутентичность своих национальных групп.

Список литературы

1. Гумелев, Л. Этногенез и биосфера Земли [Текст] / Л. Гумелев. – М. : Айрис-пресс, 2017. – 552 с.
2. Богданович, Г. Ю., Новикова, Т. Ю. Русский язык в межкультурной коммуникации: крымский лексикографический контекст [Текст] /

- Г. Ю. Богданович, Т. Ю. Новикова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Филологические науки. – Том 3 (69). – 2017. – № 2. – С. 19–42.
3. Виноградова, Л. Н. Человек в контексте культуры. Славянский мир [Текст] / Л. Н. Виноградова. – М. : Индрик, 1995. – 240 с.
 4. Словарь социолингвистических терминов [Текст] / В. А. Кожемякина, Н. Г. Колесник, Т. Б. Крючкова и др.; отв. редактор В. Ю. Михальченко; Институт языкознания РАН. – М. : 2006. – 312 с.
 5. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный в 2 т. [Текст] / Т. Ф. Ефремова. – М. : Рус.яз., 2000. – 1209 с.
 6. Ожегов, С. И. Словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов; под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. – 25-е изд., испр. и доп. – М. : ООО «Издательство Оникс» : ООО «Издательство «Мир и Образование», 2006. – 976 с.
 7. Словарь синонимов русского языка [Текст] / под ред. Л.А. Чешко. – 5-е изд., стереотип. – М. : Русс.яз., 1986. – 600 с.
 8. Даль, В.И. Словарь живого великорусского языка. 2 Т. [Текст] // В.И. Даль. – 2-е издание исправленное. – СПб. – 1881 . – 807 с.
 9. Толковый словарь современного русского языка под ред. Д. Н. Ушакова [Текст] – М. : Аделант, 2014. – 800 с.
 10. Словарь по политологии [Текст] / под ред. проф. В. Н. Коновалова. – Ростов-на-Дону : Изд-во РГУ, 2001. – 285 с.
 11. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/perepis_krim/perepis_krim.html. – Дата обращения: 02.01.2019.
 12. Гусейнова, Р. Н. Национальность и родной язык : проблемы самоидентификации молодежи (по материалам ассоциативного эксперимента в Крыму) [Текст] / Р. Н. Гусейнова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Филологические науки. – Том 3 (69). – 2017. – № 2. – С. 57–66.

13. Стефаненко, Т. Г. Этнопсихология : Учебник для вузов [Текст] / Т. Г. Стефаненко. – Изд. 4-е, испр. и доп. – М. : Аспект Пресс, 2009. – 368 с.

Reference

1. Gumelev L. *Etnogenez i Biosfera Zemli* [Ethnogenesis and the Earth's Biosphere]. Moscow: Airis-Press Publ., 2017. 552 p.
2. Bogdanovich G.Yu., Novikova T.Yu. *Russkii Yazyk v Mezhhkul'turnoi Kommunikatsii: Krymskii Leksikograficheskii Kontekst* [Russian Language in Cross-Cultural Communication. Crimean Lexicographic Context]. Uchenye Zapiski Krymskogo Federal'nogo Universiteta Imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie Nauki. Nauchnyi Zhurnal, Vol. 3 (69), 2017, № 2, 19–42 pp.
3. Vinogradova L.N. *Chelovek v Kontekste Kul'tury* [Human in the Context of Culture]. Slavyanskii Mir, Moscow: Indrik Publ., 1995. 240 p.
4. V.A. Kozhemyakina, N.G. Kolesnik, T.B. Kryuchkova. *Slovar' Sotsiolingvisticheskikh Terminov* [Dictionary of Sociolinguistic Terms]. Ed. by V.Yu. Mikhal'chenko. Institut Yazykoznaneya RAN. Moscow, 2006. 312 p.
5. Efremova, T. F. *Novyi Slovar' Russkogo Yazyka. Tolkovo-Obrazovatel'nyi v 2 Tomakh* [New Explanatory and Educational Dictionary of the Russian Language. In Two Volumes]. Moscow: Ruskii Yazyk Publ., 2000. 1209 p.
6. Ozhegov S. I. *Slovar' Russkogo Yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Ed by Prof. L.I. Skvortsov. Moscow: Izdatel'stvo Oniks, Izdatel'stvo Mir i Obrazovanie, 2006, Issue 25. 976 p.
7. *Slovar' Sinonimov Russkogo Yazyka* [Dictionary of Russian Synonyms]. Ed. by L.A Cheshko. Moscow: Russkii Yazyk Publ., Issue 5, 1986. 600 p.
8. Dal' V.I. *Slovar' Zhivogo Velikorusskogo Yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vol. 2. SPb., 1881. 807 p.

9. *Tolkovyi Slovar' Sovremennogo Russkogo Yazyka* [Explanatory Dictionary of the Modern Russian Language]. Ed. by D. N. Ushakova. Moscow: Adelant Publ., 2014. 800 p.
10. *Slovar' po Politologii* [Dictionary of Political Science]. Ed. by Prof. V. N. Konovalov. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo RGU, 2001. 285 p.
11. *Federal'naya Sluzhba Gosudarstvennoi Statistiki* [Russian Federal State Statistics Service]. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/perepis_krim/perepis_krim.html. (accessed 2 January 2019).
12. Guseinova R.N. *Natsional'nost' i Rodnoi Yazyk: Problemy Samoidentifikatsii Molodezhi (po Materialam Assotsiativnogo Jeksperimenta v Krymu)* [Nationality and Native Language. Problems of Self-Identification of Youth (Based on the Materials of an Associative Experiment in the Crimea)]. *Uchenye Zapiski Krymskogo Federal'nogo Universiteta Imeni V. I. Vernadskogo Filologicheskie Nauki*, Tom 3 (69), 2017, № 2, pp. 57–66.
13. Stefanenko T. G. *Jetnopsikhologiya. Uchebnik Dlya Vuzov* [Ethnopsychology. Textbook for Universities]. Moscow: Aspekt Press, 2009, Issue 4. 368 p.

**LINGUISTIC ASPECTS OF THE PROBLEM OF SELF-IDENTIFICATION IN A
MODERN MULTICULTURAL SOCIETY**

Guseynova R. N.

The article analyzes the problem of ethnic identification in the modern world. Attention is drawn to the absence of scientific distinction between the concepts of nation and nationality. It is offered to differentiate these concepts, fixing their division in the world consciousness.

The material for sociolinguistic analysis is obtained during free associative experiment, which was conducted by the IA Institute along with V. I. Vernadsky University. The experiment is built on the use of an associative-verbal model, which allows considering both conscious and unconscious knowledge of native speakers.

The problem of national self-determination is represented on the material obtained during an anonymous survey among students of Crimean universities. The analysis of questionnaires showed that often ethnic self-identification of a modern young person is reduced to a choice between the national group of which he is a representative and majority to which he belongs and refers himself.

The conducted research showed the need for understanding in society that nationality is one of the factors of the nation, and therefore every individual appears to be a bearer of two ethnic communities, since they are not interchangeable, but mutually complementary.

Keywords: nationality, nation, cultural and linguistic features of the ethnic group, ethnic self-identification.

УДК 379:8

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КАРТИНЫ МИРА В МЕЙНСТРИМОВСКИХ И АЛЬТЕРНАТИВНЫХ МЕДИА

Дмитриев О. А.

МИА «Россия сегодня», НИУ «Высшая Школа Экономики»,
Москва, Россия
E-mail: o.dmitriev@rian.ru

Статья представляет попытку описания контекстов упоминаний Крыма в международных мейнстримовских и альтернативных медиа. Для анализа взяты телеканал CNN из США и российский международный телеканал RT, который ряд исследователей считает альтернативным по отношению к ведущим мировым средствам массовой информации на английском языке. Был проанализирован онлайн-контент указанный медийных организаций, который посвящен актуальной международной тематике. Период рассматриваемых материалов – март-июнь 2020 года. Теоретические вопросы, изложенные статье, основаны на авторской типологии и классификации международных мейнстримовских и альтернативных медиа. Рассматривается история и современное описание указанных СМИ, особое внимание уделяется взглядам ученых, которые исследуют указанную проблематику в XXI веке. Особое внимание автор уделяет тому, что дает собственное определение мейнстримовским и альтернативным медиа. Мейнстримом обозначаются редакции, которые находятся под контролем транснациональных корпораций и крупных общественных организаций, которые пропагандируют общепринятые ценности. Альтернативные медиа описываются как совокупность различных СМИ на различных онлайн-платформах, которые предоставляют точку зрения, отличную от мейнстримовских организаций. Проведенный автором анализ упоминаний Крыма в материалах международных англоязычных медиа показывает, что в мейнстримовских СМИ продолжается использование слова «аннексия» по отношению к полуострову, причем вторая точка зрения – мнение российских и международных медиа - не учитывается.

Ключевые слова: альтернативные медиа, Крым, контент, новости, телеканал, онлайн-среда, Россия, международное вещание.

ВВЕДЕНИЕ

Основные характеристики международных мейнстримовских медиа

Термином «мейнстрим» автор обозначает крупные международные корпорации, телеканалы, радиостанции. Среди них американские телесети ABC, CBS и NBC, кабельные круглосуточные информационные каналы, такие как CNN, BBC World News, MSNBC и Fox News. В эту категорию также попадают газеты New York Times и USA Today, британские издания The Times, The Guardian, The Independent, а также общенациональные и государственные медиа.

Определение слова *mainstream* (далее – «мейнстрим») в Кембриджском словаре двояко: с одной стороны, оно присуще всем идеям, верованиям, устоям, которые считаются приемлемыми большинством людей в мире. Мейнстрим имеет также еще одно значение – «нормальный», то, что не предполагает каких-либо изменений [6].

С появлением первого печатного станка Иоганна Гуттенберга основными темами первых книг были: все, что связано с религией, а также описание военных походов и географических открытий. Например, в Испании и Португалии завоевание Америки, «Нового Света» сопровождалось описанием подвигов первооткрывателей, в то время как о бедственном положении местного населения завоеванных территорий ничего не сообщалось. Экспансия «Старого Света», его расширение и включение «несовременных» регионов повлияла на то, что об этих землях давалась односторонняя информация, которая устраивала большинство европейских жителей той эпохи [1].

Данная тенденция мейнстримовской информации сохраняется и в наши дни: чиновники и сотрудники агентств по международному развитию в развитых странах с экономической точки зрения открыто поддерживают работу мейнстримовских СМИ, которые вещают на «страны третьего мира». Также поддерживают деятельность мейнстримовских медиа и активисты различных движений, которые осуществляют гуманитарную деятельность в странах «третьего мира» под лозунгами развития и модернизации [3]. Однако развитие интернета привело к тому, что мейнстримовская информация как таковая начала испытывать конкуренцию со стороны сообществ, в частности, университетских групп, в которых развивался новый тип медиа [5]. Этот принцип был подхвачен и вещами мировыми СМИ: BBC, The New York Times и другие ведущие медиабренды 20 века стали применять различные форматы предоставления медийных историй, которые могли бы не только увеличить аудиторию, но и представить точку зрения владеющих ими корпораций на происходящие события.

Прогресс для мейнстримовских медиа – это «переход от старого к новому, открытость новым реалиям, способность к самокритике, поддержка инновационных решений» [12]. Для достижения этих целей в конце XX – начале XXI века зачастую

использовались и технологии развязывания войн и конфликтов в тех странах, которые не соответствовали мейнстримовским представлениям о «равноправном обществе». Так происходило во время бомбежек Белграда войсками НАТО в апреле 1999 года, во время интервенции в Ираке в 2003-м году с целью свержения Саддама Хусейна. В 2011-м году мейнстримовские медиа поддержали вторжение войск НАТО в Ливию, несмотря на то что военная акция была проведена без соответствующих на то резолюций ООН, то есть вопреки нормам международного права.

В чем причина такого расцвета и универсализма в мейнстримовских медиа? Главный довод, по мнению автора, заключается в слиянии крупнейших медиа в различного рода информационные холдинги. Например, в США существует «большая шестерка» [11], куда входят:

- Comcast (NBC, Telemundo, Universal Pictures, Weather Channel, Olympic Channel и т.п);

- Walt Disney (ABC, ESPN);

- News. Corporation (Fox News, The New York Post, National Geographic);

- Warner Media (CNN, Turner Network Television, HBO, Warner Bros);

- CBS Corporation (CBS, Showtime, Sports Network);

- Viacom (MTV, Nickelodeon, Comedy Central, Paramount Pictures).

На основании этого списка можно проследить, что практически в каждом медиаконгломерате присутствуют информационные ресурсы, развлекательные каналы, спортивные холдинги, киностудии, что позволяет говорить о полнейшей институционализации и многозадачности такого рода информационных холдингов.

Нередки случаи, когда принципы отбора новостей для информационных ресурсов данных конгломератов могут изменяться в зависимости от настроений и взглядов советов директоров существующих конгломератов. Это становится особенно заметно во время кампаний по выборам президента США. Например, телеканал MSNBC, отражающий деятельность сторонников Демократической Партии США, входит в состав Comsast, круглосуточный информационный канал CNN, придерживающийся схожих политических взглядов – собственность холдинга

AOL Time Warner, а «республиканский» Fox News – один из основных активов News Corporation [10].

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

При анализе мейнстримовских медиа необходимо добавить и типологию из четырех манипулятивных стратегий, которая была озвучена У. Беннетом:

- фрагментарность современных информационных сообщений;
- псевдосенсационность информационных сообщений;
- расставление приоритетов в информационной повестке дня;
- чрезмерное формирование имиджа руководящих персон [4].

При изучении парадигмы развития мейнстримовских медиа автор выделяет их следующие типологические особенности:

– мейнстримовские медиа, как правило, являются частью государства либо частью крупных транснациональных корпораций, заинтересованных в «интернационализации» медиапродуктов в разных странах мира, включая развивающиеся;

– мейнстримовские медиа отражают точку зрения контролирующих их государств и корпораций на текущие события в мире. Как правило, данная точка зрения не подлежит сомнению, а наоборот, усиливается различного рода комментаторами, экспертами и специалистами в данной области;

– инновационные, нетрадиционные темы появляются в мейнстримовских медиа только в случае, если она попадает «в авангард» общественных процессов (вирус ВИЧ, проблемы ЛГБТ, домашнее насилие);

– мейнстримовские СМИ не испытывают потребностей в финансировании и благодаря этому могут пользоваться другими благами, который предоставляет им головная организация. Например, возможность использовать образовательный, развлекательный и спортивный контент, который есть в наличии у других медиа одного и того же холдинга;

– продюсирование информации в мейнстримовских медиа начинается «сверху», в редакциях компании, и характер контента не всегда соответствует потребностям широкой аудитории;

– контент социальных сетей мейнстримовских медиа, как правило, оказывается «вторичен» по отношению к площадкам, добывающим информацию «снизу» - от конкретных пользователей;

– будущее мейнстримовских медиа зависит от тенденций и в процессах слияния и поглощения крупных транснациональных корпораций.

Таким образом, мы можем дать попытку определения данного явления. Мейнстримовские медиа – это редакции, которые находятся под контролем государства либо крупных транснациональных корпораций, и освещают в своих материалах наиболее распространенные общественные ценности, традиции, устои не только у себя в стране, но и во всем мире.

Развитие международных альтернативных медиа

Альтернативные медиа стали активно появляться в США в 1980-х – 1990-х годах в форме популярных журналов крупных городов на недорогой бумаге. Как правило, такие издания выражали на крайне левых политических позициях. Учредителями таких изданий в городах обычно выступали представители малого и среднего бизнеса столиц и крупнейших деловых штатов. Эрик Усланер в своих исследованиях доказывал, что описание общества через средства массовой информации дало всходы так называемой концепции «злого мира», в котором преувеличивается роль антисоциального поведения, что, в свою очередь, порождает страх среди широких слоев медиапотребителей и заставляет их обращаться к другим источникам информации[13].

Канадские исследователи Патрик Андерссон и Джудит Сидман в своей книге определяют альтернативные СМИ как «медиа, которые занимают нишу между андеграундными персональными проектами и массовым медиарынком, объединяющие в себе элементы художественных, музыкальных и молодежных СМИ и способные рассказывать о простых вещах в необычной форме» [2].

Несколько иную позицию в проблеме определения альтернативных медиа занимает выдающийся лингвист современности Ноам Хомский [7]. По его мнению, альтернативные СМИ – это такие медиаструктуры, которые не отражают точку зрения корпораций и государственных структур по различным вопросам. Кроме этого, Хомский предложил свой фильтр для определения степени альтернативности того или иного СМИ, в который входят следующие компоненты:

- форма собственности медиа;
- источники финансирования,
- источники информации, редакционная политика издания.

В первую очередь Хомский имел в виду такие формы медиакommunikации, как самиздат в СССР, а также «пиратские» радиостанции в США и Европе. Однако в последнее время он признал наличие альтернативных элементов в интернет-изданиях BuzzFeed и Huffington Post, а также в работе телеканалов RT и Aljazeera, которые также представляют альтернативу мнениям и редакционной политике таких «мейнстримовских» международных телеканалов, как BBC, CNN, Deutsche Welle. [8]. Именно Хомский высоко оценил потенциал тех альтернативных каналов, чья позиция не совпадает с редакционной политикой ведущих американских СМИ, отражающих позицию американской администрации. Это, по его мнению, и привело к смене предпочтений избирателей во время выборов президента США 2016 года, победу в ходе которых одержал Дональд Трамп.

Альтернативные медиа критической направленности подчеркивают антагонизмы, существующие в мейнстримовских медиа, а также обозначают потенциал изменения действительности. Как правило, в такого рода медиа информация подается через призму тех, чье мнение в мейнстрим-культуре обычно отсутствует. По классификации Кристиана Фукса, альтернативные медиа имеют существенные отличия от мейнстримовских по следующим показателям:

- мейнстримовские медиа всегда излагают точку зрения власти на происходящие события, в то время как альтернативные медиа больше ориентируются на «человеческие» истории и на взгляды экспертов;

– мейнстримовские медиа дают идеологические установки, а альтернативные медиа подвергают их критике;

– большинство мейнстримовских медиа было создано сверху, в то время как альтернативные медиа являлись результатом интересной инициативы и инновации;

– мейнстримовские медиа продвигаются традиционным маркетинговым способом, в то время как альтернативные медиа больше исповедуют «вирусный маркетинг» [9].

Суммируя все эти постулаты, прослеживаем, что на сегодняшний день альтернативность медиа может выражаться на нескольких уровнях:

– несогласие части общества с официальными заявлениями и комментариями официальных властей и наиболее влиятельных мейнстримовских медиа – как национальных, так и международных;

– нахождение нового угла подачи для освещения текущих информационных событий, которые ранее не появлялись либо не находили отражения в мейнстримовских СМИ;

– освещение вопросов и проблем, которые волнуют современного медиапотребителя и не находят отражение в выпусках мейнстримовских информационных каналов;

– выражение точки зрения, отличной от международных мейнстримовских медиа со стороны СМИ ряда государств. В эту категорию, по мнению автора, попадают такие медиа, как Al Jazeera из Катара, российский международный телеканал RT, турецкий TRT International, иранский Press TV и т.д.).

Все вышесказанное позволяет нам сделать попытку вывести собственное определение рассматриваемого нами явления. Альтернативные медиа – совокупность информационных ресурсов, которые так же, как и мейнстримовские СМИ, могут быть организованы юридическими лицами или являться частной инициативой, но они имеют свою повестку дня, отличающуюся от мейнстримовских СМИ, которые работают в том же самом сегменте целевой аудитории.

Упоминание Крыма в информационной повестке дня на телеканалах CNN и RT

В проводимом анализе международных мейнстримовских и альтернативных медиа определяются ключевые информационные концепты, которые оказывают влияние на формирование картины мира потребителей международной информации. В качестве одного из наиболее показательных примеров в области международных СМИ является упоминание Крыма в различных информационных контекстах в зависимости от характера информационного издания. Концепт «Крым» является, по мнению автора, показательным в силу неприятия мейнстримовскими медиа присоединения Крыма к Российской Федерации. И в этом случае, как уже упоминалось, российский англоязычный телеканал RT является альтернативным источником информации по отношению к остальным круглосуточным международным информационным каналам.

Для того чтобы выявить разницу редакционной политики по упомянутому вопросу, автор проанализировал более 50 информационных заметок, опубликованных на ресурсах мейнстримовского телеканала CNN (www.cnn.com) и RT (rt.com) в период с марта по июнь 2020 года.

В материалах сайта телеканала CNN прослеживаются следующие типы контекстов, в которых упоминается Крым:

- беспорядки в США на расовой почве в июне 2020 года. В одном из материалов сайта в качестве контекста приводятся различные исторические перспективы того, как военные формирования использовались в истории для достижения политических целей. Для этого автор статьи использует фразу *little green men* («маленькие зеленые человечки»), которой обозначаются военные, охранявшие Крым в 2014-м году. По мнению автора, такая мера охраны Президента от граждан может «оказаться крайне опасной как в кратковременной, так и в долгосрочной перспективе» (<https://edition.cnn.com/2020/06/07/opinions/trumps-identified-security-forces-putins-little-green-men-vinograd/index.html>);

- внешнеполитические контакты президентов России и США. Наиболее остро в конце мая – начале июня обсуждался вопрос о возможном возобновлении участия

Российской Федерации работе группы глав «большой семерки» (G7): членство нашей страны в этой группе было приостановлено после вхождения Крыма в состав Российской Федерации весной 2014 года. Данный факт используется также для обозначения причины неучастия Российской Федерации в работе этого органа (<https://edition.cnn.com/2020/06/04/world/meanwhile-in-america-june-4-intl/index.html>);

- подозрения в адрес России по поводу вмешательства в процесс выборов Президента США. В частности, упоминается встреча зятя Президента США Джареда Кушнера с представителями «Внешэкономбанка», который попал в «санкционные списки» США после вхождения Крыма в состав Российской Федерации (<https://edition.cnn.com/2017/10/12/us/2016-presidential-election-investigation-fast-facts/index.html>);

- подавление демонстраций в разных странах и территориях, в том числе в Гонконге. Колонка политического аналитика CNN Саманты Виноград анализирует возможности Дональда Трампа поддержать нынешние протесты гонконгцев против властей КНР. Сам Трамп неоднократно обвинял своего предшественника Барака Обаму в «бездействии» во время событий в Крыму в 2014-м году (<https://edition.cnn.com/2020/05/24/opinions/hong-kong-trump-china-vinograd/index.html>);

- предоставление США военной помощи Украине. Одной из главных причин для этой акции, по мнению редакции, является захват Вооруженными Силами России двух украинских военных катеров в ноябре 2018 года. Это, по мнению автора, является причиной для поставки на Украину высокоточных систем слежения за перемещениями российских войск вблизи Украины (<https://edition.cnn.com/2020/05/27/politics/pentagon-ukraine-military-aid/index.html>);

- меры, принимаемые Россией по нераспространению коронавируса. В статье о влиянии пандемии на рейтинги Владимира Путина указывается, что самый высокий уровень поддержки Российского Президента был зафиксирован во время так называемой «аннексии Крыма». Тем самым, события на полуострове 2014 года используются авторами материала как «знаковая точка отсчета» в рейтинге популярности российского президента среди граждан страны

(<https://edition.cnn.com/2020/05/04/europe/russia-coronavirus-record-putin-intl/index.html>).

Таким образом, в материалах CNN события на полуострове в 2014 году и шесть лет спустя используются прежде всего как способ показать агрессивность действий России, которая якобы не только несет угрозу другим странам, но и способствует так называемому «попранию прав и свобод» во всем мире.

Контекст при упоминании Крыма в материалах веб-ресурсов на телеканале RT также отражает тенденции мировой политики, однако в одной трети отмеченных нами случаев полуостров упоминается в темах, которые не находят отражения в глобальных мейнстримовских медиа. Нами были выделены следующие случаи упоминания Крыма в информационной повестке дня весны 2020 года:

- внешнеполитические контакты президентов России и США. Информация о желании Трампа предложить нашей стране вернуться в G7 подкрепляется словами самого Президента США о том, что Россия сможет «плодотворно работать» в международной политике (Russia will get things done). Данные слова не так часто цитировались в мейнстримовских информационных медиа на территории США. Кроме этого, телеканал RT отмечает скепсис французского президента Эммануэля Макрона о том, что Россия не отказывается от Крыма. При этом редакция описывает события 2014 года как «воссоединение с Россией» (re-unification with Russia). Данный термин не используется в мейнстримовских СМИ (<https://www.rt.com/news/490664-trump-putin-russia-back-g7/>);

- взаимоотношения между Россией и Украиной. RT подробно освещала интервью Натальи Поклонской и Игоря Гиркина украинскому журналисту Дмитрию Гордону. Последний признался, что данные беседы велись под патронажем спецслужб Украины. В этом интервью редакция употребляет слово reabsorption, которое также обозначает воссоединение Крыма с Российской Федерацией. Данная лексема употребляется в рассказе о том, что Наталья Поклонская в 2014-м году занимала должность генпрокурора Республики Крым (<https://www.rt.com/news/489107-ukraine-reporter-sting-operation/>);

- защита прав и свобод жителей полуострова. RT активнее всех англоязычных медиа выступал за права журналистов крымских медиа, контент которых был временно заблокирован холдингом Youtube. Этот недружественный акт редакция называет словом *purge* – «репрессии». В статье обращается внимание международных организаций на недопустимость таких действий против журналистов (<https://www.rt.com/news/489243-youtube-delete-channels-crimea/>);

- поведение международных мейнстримовских медиа по поводу ситуации в Крыму. Редакция RT достаточно часто цитирует западные мейнстримовские СМИ и взгляды на события вокруг полуострова 2014 года. Особое внимание уделяется разнице в терминологии, которые используют мейнстримовские СМИ по отношению событиям на полуострове. Редакция подробно объясняет неуместность термина «аннексия» в предложении «После шести лет и двадцати миллиардов долларов крымчане довольны российской аннексией». *“Six years and \$20 billion in Russian investment later, Crimeans are happy with Russian annexation”*, которое опубликовали журналисты The Washington Post. В материале RT подробно объясняется, что речь не идет о подкупе жителей полуострова, как это пытаются представить мейнстримовские СМИ. Особое внимание обращается на тот факт, что Российская Федерация не чинит никаких препятствий западным журналистам во время посещения полуострова (<https://www.rt.com/op-ed/483564-washington-post-crimeans-prefer-russia/>).

ВЫВОДЫ

В результате автор приходит к выводу о том, что информация как в мейнстримовских, так и в альтернативных медиа – это совокупность мнений, которые могут быть как связаны, так и не связаны одной идеологией либо редакционной политикой. И в том, и в другом случае потребитель информации волен не согласиться ни с одной из предложенных точек зрения и обнародовать свой собственный взгляд на онлайн-ресурсах рассматриваемых СМИ. Благодаря этому возникает новая модель взаимодействия журналистики и общества – речь идет о равнозначном взаимном влиянии медиа и целевой аудитории друг на друга. Тем самым развитие такого взаимодействия, по мнению автора, может привести к формированию различных

сообществ потребителей мейнстримовской и альтернативной информации, которая изменяет картину мира отдельного человека.

Проведенный анализ упоминаний Крыма в материалах международных медиа показывает, что в мейнстримовских СМИ продолжается использование слова «аннексия» по отношению к полуострову, причем вторая точка зрения – мнение российских и международных медиа – не учитывается. В репортажах международного телеканала RT также выделяются термины, которые не употребляются в западных СМИ. Однако позиция мейнстримовских медиа в отношении полуострова всегда аргументируется подтвержденными цифрами, фактами и деталями. Тем самым констатируется тот факт, что альтернативные медиа могут дополнять и частично изменять картину мира целевой аудитории по отношению к глобальным международным событиям.

Список литературы

1. Дмитриев, О. А. Альтернативные медиа как инструмент изменения принципов традиционной журналистики [Текст] / О. А. Дмитриев // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. – 2017. – Т. 23, № 3 (165). – С. 72–81.
2. Дмитриев, О. А. Инструментарий альтернативных медиа в привлечении аудитории в условиях мультимедийности [Текст] / О. А. Дмитриев // МедиаАльманах. – 2019. – № 1. – С. 40–47
3. История Латинской Америки. Доколумбова эпоха – 70-е гг. 19 в [Текст]. – М., 1991.
4. Andersson P., Steedman J. Inside magazines. London, 2002.
5. Baysha O. Miscommunicating Social Change. Lessons from Russia and the Ukraine. Lexington Books – Lanham – Boulder – New York – London, 2019. 246 p.
6. Bennett W. News: the Politics of Illusion. 5-th Edition. New York: Longman, 2003.
7. Castels M. The Rise of the Network Society. Information Age: Economy, Society and Culture. – London, Wiley, 2010.

8. Cambridge Online Electronic Dictionary. Available at: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/mainstream>.
9. Chomsky N. A Propaganda model, 1988.
10. Chomsky N. «No individual changes anything alone». Available at: <https://www.theguardian.com/world/2013/mar/22/noam-chomsky-no-individual-changes-anything-alone>
11. Fuchs Ch. Internet and society: Social theory in the information age. New York: Routledge, 2008.
12. Hamilton B. Killing Fox News, CNN and MSNBC: Shining the light on division marketing and the politics of polarization. NY, 2015.
13. Ownership Chart: The Big Six. Free Press. Available at: <http://www.freepress.net/ownership/chart/main>.
14. Taylor Ch. Sources of the Self: The Making of the Modern Identity. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992.
15. Uslaner E. M. Social capital, television, and the «mean world»: Trust, optimism, and civic participation. *Political Psychology* 19 (3), 1998, pp. 441–467.

References

1. Dmitriev O. A. *Alternativnye Media kak Instrument Izmeneniya Printsipov Traditsionnoi Zhurnalistiki* [Alternative Media as a Tool for Changing the Principles of Traditional Journalism]. *Izvestiya Uralskogo Federalnogo Universiteta. Ser. 1, Problemy Obrazovaniya, Nauki i Kultury*, 2017, V. 23, no 3 (165), pp. 72–81.
2. Dmitriev O. A. *Instrumentarii Alternativnykh Media v Privlechenii Auditorii v Usloviyakh Multimediinosti* [Alternative Media Toolkit in Attracting an Audience in a Multimedia Environment]. *MediaAlmanakh*, 2019, no 1, pp. 40–47
3. *Istoriya Latinskoj Ameriki. Dokolumbova Epocha – 70-e gg. 19 V.* [Latin America History. Pre- Columbian Epoch, 1870s]. Moscow, 1991.
4. Andersson P., Steedman J. *Inside magazines*. London, 2002.
5. Baysha O. *Miscommunicating Social Change. Lessons from Russia and the Ukraine*. Lexington Books – Lanham – Boulder – New York – London, 2019. 246 p.

6. Bennett W. News: the Politics of Illusion. 5-th Edition. New York: Longman, 2003.
7. Castels M. The Rise of the Network Society. Information Age: Economy, Society and Culture. – London, Wiley, 2010.
8. Cambridge Online Electronic Dictionary. Available at: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/mainstream>.
9. Chomsky N. A Propaganda model, 1988.
10. Chomsky N. «No individual changes anything alone». Available at: <https://www.theguardian.com/world/2013/mar/22/noam-chomsky-no-individual-changes-anything-alone>.
11. Fuchs Ch. Internet and society: Social theory in the information age. New York: Routledge; 2008.
12. Hamilton B. Killing Fox News, CNN and MSNBC: Shining the light on division marketing and the politics of polarization. NY, 2015.
13. Ownership Chart: The Big Six. Free Press. Available at: http://www.freepress.net/ownership/chart/main_
14. Taylor Ch. Sources of the Self: The Making of the Modern Identity. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992.
15. Uslaner E. M. Social capital, television, and the «mean world»: Trust, optimism, and civic participation. Political Psychology 19 (3), 1998, pp. 441–467.

**INTERPRETATION OF THE WORLDVIEW IN THE MAINSTREAM AND
ALTERNATIVE MEDIA**

Dmitriev O. A.

This article reviews the attempt to research the context in which Crimea is mentioned both in international mainstream and alternative media. The review is based on the cases of CNN and RT: the latter is considered by many scholars as an alternative media in the coverage of international affairs. The subject analysis is the online content for media organizations on the hottest international topics for the period from March till June, 2020. The theoretical background is the author's classification of alternative media and international broadcasting.

Special attention is paid to the history and modern descriptions of the above-mentioned media as well as to the views of the specialists that research problems of the modern media in the 21-st century. The article also focuses on the definition of mainstream and alternative media. Mainstream denotes the newsrooms that are controlled by transnational corporations and big international organizations that propagate the common values of international world. Alternative media are described as amalgamations of various media on various online platforms whose editorial policy differs from mainstream media organizations. The analysis conducted by the author focuses on the mentioning of Crimea in International media on the English language. It shows that in the mainstream media the use of the word annexation in relation to Crimea is still frequent and the viewpoint of Russian and some international news media is not taken into consideration.

Keywords: alternative media, Crimea, content, news, TV channel, online-environment, international broadcasting.

УДК 81'272

**РОДНОЙ ЯЗЫК, ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА
И ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ
(НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ)**

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-012-00295 «Структура и содержание представлений о человеке, государстве, власти в языковом сознании носителей русского языка (Республика Крым)»

Титаренко Е. Я.

**Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия**

В статье рассматриваются проблемы этнической и региональной идентичности, национальной самоидентификации и межкультурной коммуникации, взаимодействия русского и родных языков в поликультурном регионе с учетом изменений языковой ситуации и государственной языковой политики.

Основным методом сбора материала послужило анонимное анкетирование студентов-носителей русского и других языков (крымскотатарского, украинского), проводимого на русском языке с целью выявления ассоциаций на слова-стимулы (более 3000 анкет). Методика проведения массового ассоциативного эксперимента разработана и апробирована Отделом психолингвистики Института языкознания РАН. Методологически исследование опирается на теорию языкового сознания, разработанную в Московской психолингвистической школе (А.А.Леонтьев).

Языковая ситуация в регионе формируется в результате языковой политики. Государственными в Республике Крым признаны три языка: русский, крымскотатарский, украинский. Изучение двух языков (украинского и крымскотатарского) не является обязательным. Юридическое равноправие языков может сочетаться с фактическим преобладанием одного из них – такова реальная языковая ситуация в Крыму. Доминантным в сфере образования в Крыму является русский язык. Особенностью Республики Крым является то, что многие дети идут в национальные школы и классы не потому, что не знают в должной мере русского языка, а с целью выучить или совершенствовать свой родной (национальный) язык.

Существенные изменения в языковой ситуации Крыма связаны с сокращением функций украинского языка, который утратил свою коммуникативную мощь, позиции в образовательной сфере, переместился на уровень домашнего языка. Основными языками общения в Крыму являются русский (для всех жителей) и крымскотатарский (для представителей почти 10% населения).

Ключевые слова: русский язык; государственный язык, языковая политика; поликультурный регион

ВВЕДЕНИЕ

Определяя языковую политику, правительство должно учитывать языковую ситуацию как во всей стране, так и в отдельных регионах, поскольку «языковая политика должна соотносить желаемое с возможным, находя некий баланс между

тем, что есть, и тем, что должно быть, тем самым создавая определенный языковой и культурный опыт, надстраивая его на уже имеющемся фундаменте, но не заменяя его собой» [3, с. 189].

Как отмечают специалисты, в многонациональных обществах языковая ситуация отличается особой сложностью, поэтому правительству необходимо не только проводить языковую политику, но и заниматься языковым планированием, предполагающим «сознательные, конкретные мероприятия по воздействию на языковое поведение носителей языка, изменение функционирования языков (статусное планирование), регулирование структуры языка (корпусное планирование), создание условий для овладения языком (планирование усвоения)» [4, с. 614].

Республика Крым представляет собой сложное культурно-языковое пространство, населенное представителями более 100 национальностей, т.е. исторически является **полилингвокультурным регионом** [1], однако в количественном соотношении преобладает русское, крымскотатарское и украинское население.

Вопросам социолингвистики крымские ученые уделяют большое внимание в своих исследованиях и публикациях последних лет [1; 2; 3; 5; 6; 7; 9; 10; 11]. Факультет славянской филологии и журналистики Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского под руководством профессора Г. Ю. Богданович активно сотрудничает с сектором этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, возглавляемом профессором Н. В. Уфимцевой, занимаясь изучением языкового сознания носителей русского языка с целью создания регионального ассоциативного словаря по результатам проводимого с 2017 г. массового ассоциативного эксперимента в социальной группе «студент».

Изучение регионального языкового сознания носителей разных языков, проживающих длительное время на одной (общей) территории, поддерживающих историко-культурные контакты друг с другом в течение сотен лет является актуальной задачей социо- и этнопсихолингвистики. Результаты исследования языковой ситуации в Республике Коми и Республике Татарстан опубликованы в

2018 г. [5]. В задачи научного коллектива, представителем которого является автор, входит исследование языковой ситуации в Республике Крым.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Проблема поиска своей идентичности особенно актуальна для населения поликультурных (полиэтнических) регионов, каковым является Крым. По мнению психолингвистов, язык является важнейшим (хотя и не единственным) критерием национальной идентичности [8, с. 16]. Глобализация и сопровождающие ее процессы представляют большую угрозу идентичности.

Ученые отмечают, что формирование **этнической идентичности** – сложный и длительный процесс, который начинается с периода детства (нечеткое осознание своей этнической принадлежности) до этапа становления этнического самосознания (самоидентификации). Для жителей Крыма весьма существенной является **региональная идентичность**, что связано как с довольно частыми (по историческим меркам) переходами территории под разную юрисдикцию, сменой административного статуса (ханство, область, автономная республика и т.п.), государственной принадлежности, языковой политики и проч., а также географическим положением – полуостров (очень похожий на остров, т.к. соединен с материком только узким перешейком) отличается соответствующим «островным» менталитетом, известным в науке как «островная психология». Особенно важна региональная идентичность для крымских татар, в наименовании национальности которых эта идентификация закреплена вербально.

Таким образом, актуальность исследования очевидна. **Цель статьи** – выявление и описание проблем самоидентификации молодых жителей Крыма по национальности и родному языку.

Материал и методы исследования. Основным методом сбора материала для исследования послужило анонимное анкетирование носителей русского и других языков (крымскотатарского, украинского), проводимого на русском языке, среди молодых людей (от 17 до 27 лет) – жителей полуострова Крым (проживающих в

течение 10 и более лет), обучающихся в КФУ имени В. И. Вернадского на различных факультетах (специальностях). Анкетирование имело целью выявление ассоциаций на слова-стимулы (1000 слов). Методика проведения массового ассоциативного эксперимента разработана и апробирована Отделом психолингвистики Института языкознания РАН в течение более 30 лет. В настоящее время собрано более 3000 анкет (в том числе – носителей русского языка, считающих себя по национальности русскими, 2300, представителей крымскотатарской и украинской национальности около 800).

Методологически исследование опирается на теорию языкового сознания, разработанную в Московской психолингвистической школе (А. А. Леонтьев).

Языковая ситуация в регионе формируется в результате языковой политики. В Крыму периода 1990-х – 2010-х годов (в составе Украины) русский язык, имевший после распада СССР статус «языка национального меньшинства», вступал в противоречие с объективным положением дел: во-первых, русские составляли большинство (а не меньшинство) населения, во-вторых, среди русского населения преобладал монолингвизм, в-третьих, представители других национальностей (в том числе многие украинцы и крымские татары) владели русским языком лучше, чем своим родным и государственным (украинским). В период массового возвращения крымских татар на историческую родину (в 90-е годы) многие, особенно младшие поколения, фактически не знали родной язык, хотя идентифицировали себя по национальности в качестве представителей крымскотатарского народа. В таких случаях у человека возникают затруднения при определении (выборе) родного языка: можно ли не знать родной язык? Эта проблема обсуждалась и на общегосударственном уровне по отношению к украинскому языку – понятие «родной» язык подменяло понятие «государственный» язык, который обязаны знать (по определению) все граждане страны.

Психологическое понятие «идентичность» понимается как осознание личностью принадлежности к определенному социуму и причастности общим ценностям и опыту. Формируемая на основе различных критериев (этнического, религиозного, языкового), идентичность оказывает значительное влияние на выбор ориентиров для

деятельности человека, однако она может изменяться под влиянием таких процессов, как изменение статуса территории проживания народа и статуса функционирующих на ней языков.

Вплоть до 2014 года вопрос о единственном государственном (украинском) языке стоял в Крыму очень остро: многие ученые и общественные деятели выступали за признание русского языка вторым государственным. В стране *de jure* был единый национальный язык – украинский, *de facto* существовало двуязычие, но русский язык при этом, как сказано выше, имел статус языка национального меньшинства, также как и другие языки национальных меньшинств – венгерский, румынский, гагаузский, болгарский и др.

В советский период к понятию «государственный язык» относились негативно, считая, что оно противоречит принципу равноправия языков, утверждалось, что государственный язык используется «в буржуазных многонациональных странах» как инструмент давления. По определению, *государственный язык* – это основной язык, утвержденный Конституцией для использования в законодательстве, официальном делопроизводстве, судопроизводстве, образовании и т.д. Помимо государственного, в социолингвистике выделяется понятие «*национального языка*» как социально-исторической категории, обозначающей язык, являющийся средством общения нации и выступающий в двух формах: устной и письменной.

Языковую ситуацию в Крыму до 2014 года мы считали «трехкомпонентной (русский, украинский, крымскотатарский языки), неравновесной (преобладание – так называемая «демографическая мощность» – носителей русского языка), дисгармоничной (языки обладают разным статусом)» [8]. В настоящее время языковая ситуация изменилась: в Республике Крым государственными признаны три языка – русский, украинский, крымскотатарский. Однако на территории всей РФ государственным является только русский язык.

Юридическое равноправие языков может сочетаться с фактическим преобладанием одного из них – такова реальная языковая ситуация в Крыму. По данным переписи 2001 года, в АРК русский язык назвали родным 79,11% населения, крымскотатарский – 9,63%, украинский – 9,55%. В 2014 году в Республике Крым,

согласно новой переписи, родным языком назвали русский 81,68 % от населения региона, указавших родной язык; крымскотатарский – 9,32 %; татарский – 4,33 %; украинский – 3,52 % [13]. Эти данные свидетельствуют об изменении языковой ситуации в регионе: мы характеризуем ее как поликомпонентную с преобладанием одного – общегосударственного – языка (русского); неравновесную (по демографической и коммуникативной мощности составляющих языков), гармоничную (3 языка обладают равным статусом).

Проблема самоидентификации молодежи Крымского региона рассматривается Р. Н. Гусейновой [5]. В ходе массового ассоциативного эксперимента мы столкнулись с необходимостью определения национальности опрашиваемых и указания ими родного языка. Известно, что психологически важно в ходе опроса сначала узнавать, какой язык человек считает своим родным, а затем спрашивать о его национальности. Так, в ходе переписи 2001 г на Украине вопросы задавались в обратном порядке, поэтому после ответа на вопрос о национальности, если человек говорил, что он считает себя украинцем, он вполне логично затем отвечал, что его родной язык – украинский (в ситуации активного билингвизма население страны в равной степени владело украинским и русским языком). В нашем анонимном опросе студенты из смешанных семей (если родители разных национальностей) обычно затрудняются в ответе на вопрос о своей национальности и пишут две или даже три (например, *армянка и русская*; или: *украинка, еврейка, русская*), либо подчеркивают свою региональную идентичность (*крымчанин / крымчанка; восточный славянин, донская казачка*). В то же время представители крымскотатарского народа, даже если считают родным языком русский, однозначно идентифицируют себя по национальности.

Очевидно, что современная молодежь до определенного времени вообще не задумывается о собственной национальной идентификации. В случае своей религиозности, если религия не одна и та же (как, например, православие у русских и украинцев), самоидентификация проводится по религиозному признаку (православные – славяне / мусульмане – крымские татары).

Важно подчеркнуть, что национальность человек выбирает сам. В соответствии со своими языковыми и культурными предпочтениями, он решает, какая культура ему близка, чувствует ли он себя, например, армянином, имея армянские корни, фамилию, внешность, даже если не знает (плохо знает) армянский язык, либо он (при всем этом: фамилии, внешности, предках) самоидентифицирует себя, например, русским человеком. Вот почему после распада СССР в паспортах граждан России, Украины исключили графу «национальность».

В сфере образования языковая ситуация в настоящее время складывается следующим образом. Изучение всех трех государственных языков Крыма (кроме русского, разумеется) не является обязательным. В лингводидактике различают два типа многоязычия: доминантный и равноправный. Если один из языков является основным, исходным, определяющим – это доминантный тип многоязычия. В Крыму доминантным является русский язык. По данным Министерства образования, науки и молодежи РК, в 2017/2018 учебном году в 527 муниципальных общеобразовательных организациях Республики Крым обучалось 196,5 тыс. детей. Из них получали образование на крымскотатарском языке 5,6 тыс. (3 %), на украинском языке – 318 учащихся (0,2 %) [<https://monm.rk.gov.ru/ru/structure/210>].

Кроме этого, в общеобразовательных организациях Республики Крым организовано изучение следующих родных языков в различных формах (как предмет, углубленно, факультативно, во внеурочной деятельности):

- крымскотатарский – 21,6 тыс. учащихся,
- украинский – 10,6 тыс. учащихся,
- армянский – 97 учащихся,
- болгарский – 73 учащихся,
- греческий – 343 учащихся (из них как родной изучают 94 ребенка, как второй иностранный – 249),
- немецкий – 58 учащихся [<https://monm.rk.gov.ru/ru/structure/210>].

Согласно Европейской хартии о национальных языках государство должно предоставлять возможность обучения (дошкольного и начального) всем детям на их родных языках, а затем постепенно переводить их обучение на государственный

язык, а в высшей школе единственным языком обучения в европейских странах является государственный (национальный). Особенностью Республики Крым в этом отношении является то, что дети идут в национальные школы и классы не потому, что не знают в должной мере русского языка, а с целью выучить или совершенствовать свой родной язык.

ВЫВОДЫ

Существенные изменения в языковой ситуации Крыма связаны с сокращением функций украинского языка, который утратил свою коммуникативную мощь, потерял прежние позиции в образовательной сфере, переместился на уровень домашнего языка. Основными языками общения в Крыму являются русский (для всех жителей) и крымскотатарский (для представителей почти 10% населения).

Государственная языковая политика в современном мире нередко оказывается на острие идеологической борьбы. В данной проблеме выделяются социолингвистические и политические аспекты. В научном и общегражданском сообществе вызывают дискуссию такие вопросы, как: возможно ли равноправное сосуществование нескольких государственных языков на одной территории? Можно ли обойтись в полилингвокультурном регионе без обязательного государственного языка? Как избежать конфликтов между носителями разных, в том числе близкородственных, языков и культур в ходе межкультурной коммуникации? Как противостоять глобализации, сохранять национальные языки малых народов – и при этом владеть международными языками, в том числе русским?

Изучение и научное описание содержания и структуры фрагмента языковой картины мира (образа мира), включающего представления носителей языка/культуры об окружающем мире, о себе, о своих этнических соседях, о родном и русском языках, функционирующих в Республике Крым, является важной и актуальной задачей крымских ученых.

Список литературы

1. Богданович, Г. Ю. Русский язык в аспекте лингвокультурологии [Текст] / Г. Ю. Богданович. – 2-е изд., испр. и доп. – Симферополь : Оджакъ, 2015. – 296 с.

2. Богданович, Г. Ю. Русский язык в Крыму : межкультурная коммуникация, образование, медиaprостранство : избранные научные работы [Текст] / Г. Ю. Богданович. – Симферополь : ИП Зуева Т.В., 2016. – 396 с.
3. Богданович, Г. Ю., Димитрова, В. И. Лингвокультурная ситуация в Крыму : межкультурное славянское взаимодействие языков [Текст] / Г.Ю. Богданович, В. И. Димитрова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Филологические науки. Научный журнал. – Том 5 (71). – № 2. – С. 178–191.
4. Вусик А.Л. Основные факторы формирования языковой ситуации [Текст] / А. Л. Вусик // Славянские языки и культуры в современном мире : III Международный научный симпозиум : Труды и материалы (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, филологический ф-т, 23-26 мая 2016 г.). – М. : МАКС Пресс, 2016. – С. 613–615.
5. Гусейнова Р. Н. Национальность и родной язык : проблемы самоидентификации молодежи (по материалам ассоциативного эксперимента в Крыму) [Текст] / Р. Н. Гусейнова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Филологические науки. – Том 3 (69). – 2017. – № 2. — С. 57–66.
6. Егорова Л. Г. Трансформация медиополя Республики Крым в новых социополитических условиях [Текст] / Л. Г. Егорова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Филологические науки. Научный журнал. – Том 5 (71). – № 1. – С. 25–41.
7. Мартынюк А. Я. К вопросу о языковой политике [Текст] / А. Я. Мартынюк // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Филологические науки. – Том 2 (68). – 2016. – № 1. – С. 68–71.
8. Региональное языковое сознание коми, русских и татар : проблемы взаимовлияния. Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А., Балясникова О. В., Разумкова А. В, Степанова А. А. Коллективная монография [Текст] / Под ред. Н. В. Уфимцевой. – М.-Ярославль : Издательство Канцлер, 2017. – 240 с.

9. Титаренко, Е. Я. Русский язык и языковая ситуация в Республике Крым [Текст] / Е. Я. Титаренко // Русский язык в поликультурном мире : I Международный симпозиум (8-12 июня 2017) : сб. научных статей / отв. ред. Е. Я. Титаренко. В 2-х т. Т.1 – Симферополь : ИТ «Ариал», 2017 – С. 88–94.
10. Titarenko E. Ya. Russian Language in a Multicultural Region [Текст] / Е. Я. Титаренко // Коммуникативные исследования. – 2018. – №4 (18). – С. 35–44.
11. Титаренко, Е. Я., Гусейнова, Р. Н. Исторический вектор развития языков в полилингвокультурном сообществе (крымский опыт) [Текст] / Е. Я. Титаренко, Р. Н. Гусейнова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Русская филология. – 2017. – № 5. – С. 58–66.
12. Усачева, О. Ю. Некоторые актуальные вопросы функционирования русского языка в качестве государственного [Текст] / О. Ю. Усачева // Славянские языки и культуры в современном мире : III Международный научный симпозиум : Труды и материалы (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, филологический ф-т, 23-26 мая 2016 г.). – М. : МАКС Пресс, 2016. – С. 623–626.
13. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа:http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/perepis_krim/KRUM_2015.pdf. – (Дата обращения: 14.03.2019).

References

1. Bogdanovich G. Yu. *Russkii Yazyk v Aspekte Lingvokul'turologii* [Russian Language in Aspect of Lingvoculturology]. Simferopol': Odzhak Publ., 2015. 296 p.
2. Bogdanovich G. Yu. *Russkii Yazyk v Krymu: Mezukul'turnaya Kommunikatsiya, Obrazovanie, Mediaprostranstvo: Izbrannye Nauchnye Raboty* [Russian Language in Crimea. Intercultural Communication, Education, and Media Space: Selected Scientific Works]. Simferopol': IP Zueva T. V. Publ., 2016. 396 p.
3. Bogdanovich G. Yu., Dimitrova V. I. *Lingvokul'turnaya Situatsiya v Krymu: Mezukul'turnoe Slavyanskoe Vzaimodeistvie Yazykov* [Linguocultural Situation in Crimea: Cross-Cultural Slavic Interaction of Languages]. Uchenye Zapiski Krymskogo

-
- Federal'nogo Universiteta Imeni V. I. Vernadskogo Filologicheskie Nauki. Nauchnyi Zhurnal, Tom 5 (71), № 2, pp. 178–191.
4. Vusik A. L. *Osnovnye Faktory Formirovaniya Yazykovoi Situatsii* [Main Factors of Language Situation Formation]. *Slavyanskije Yazyki i Kul'tury v Sovremennom Mire: III Mezhdunarodnyi Nauchnyi Simpozium: Trudy i Materialy*. Moscow: MAKS Press Publ., 2016, pp. 613–615.
 5. Guseinova R. N. *Natsional'nost' i Rodnoi Yazyk: Problemy Samoidentifikatsii Molodezhi (po Materialam Assotsiativnogo Jeksperimenta v Krymu)* [Nationality and Native Language. Problems of Self-Identification of Youth (Based on the Materials of an Associative Experiment in the Crimea)]. *Uchenye Zapiski Krymskogo Federal'nogo Universiteta Imeni V. I. Vernadskogo Filologicheskie Nauki*, Tom 3 (69), 2017, № 2, pp. 57–66.
 6. Egorova L. G. *Transformatsiya Mediapolya Respubliki Krym v Novykh Sotsiopoliticheskikh Usloviyakh* [Transformation of the Media Field of the Republic of Crimea in New Sociopolitical Conditions]. *Uchenye Zapiski Krymskogo Federal'nogo Universiteta Imeni V. I. Vernadskogo Filologicheskie Nauki. Nauchnyi Zhurnal*, Tom 5 (71), № 1, pp. 25–41.
 7. Martynyuk A. Ya. *K Voprosu o Yazykovoi Politike* [On the Issue of Language Policy]. *Uchenye Zapiski Krymskogo Federal'nogo Universiteta Imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie Nauki*, Tom 2 (68), 2016, № 1, pp. 68–71.
 8. *Regional'noe Yazykovoe Soznanie Komi, Russkikh i Tatar: Problemy Vzaimovliyaniya. Ufimtseva N. V. Cherkasova G. A., Balyasnikova O. V., Razumkova A. V., Stepanova A. A. Kollektivnaya Monografiya* [Regional Language Consciousness of Komi, Russians and Tatars. Problems of Mutual Influence. Ufimtseva N. V. Cherkasova G. A., Balyasnikova O. V., Razumkova A. V., Stepanova A. A. Collective Monograph]. Ed. by N. V. Ufimtseva. Yaroslavl': Kantsler Publ., 2017. 240 p.
 9. Titarenko Ye. Ya. *Russkii Yazyk i Yazykovaya Situatsiya v Respublike Krym* [Russian Language and Language Situation in the Republic of Crimea]. *Russkii Yazyk v Polikul'turnom mire: I Mezhdunarodnyi Simpozium*. Simferopol': Arial Publ., 2017, pp. 88–94.

10. Titarenko Ye. Ya. Russian Language in a Multicultural Region. *Kommunikativnye Issledovaniya*, 2018, №4, pp. 35–44.
11. Titarenko E. Ya., Guseinova R. N. *Istoricheskii Vektor Razvitiya Yazykov v Polilingvokul'turnom Soobshchestve (Krymskii Opyt)* [Historical Vector of Language Development in the Polylinguocultural Community (Crimean Experience)]. *Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Oblastnogo Universiteta. Seriya: Russkaya Filologiya*, 2017, № 5, pp. 58–66.
12. Usacheva O. Yu. *Nekotorye Aktual'nye Voprosy Funktsionirovaniya Russkogo Yazyka v Kachestve Gosudarstvennogo. Slavyanskie Yazyki i Kul'tury v Sovremennom Mire: III Mezhdunarodnyi Nauchnyi Simpozium: Trudy i Materialy* [Some Actual Issues of Functioning of the Russian Language as a State Language. Slavic Languages and Cultures in the Modern World. III International Scientific Symposium: Proceedings and Materials]. Moscow: MAKS Press Publ., 2016. pp. 623–626.
13. *Federal'naya Sluzhba Gosudarstvennoi Statistiki* [Federal State Statistics Service]. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/perepis_krim/KRUM_2015.pdf (accessed 14 March 2019).

NATIVE LANGUAGE, LANGUAGE POLICY AND IDENTITY ISSUES

(BASED ON EXAMPLE OF REPUBLIC OF CRIMEA)

Titarenko Ye. Ya.

The article discusses problems of ethnic and regional identity, national self-identification and intercultural communication, interaction of Russian and native languages in the multicultural region considering changes in the language situation and state language policies.

The main method of information gathering was anonymous questioning of the students (3,000 questioners), whose native language is Russian, Ukrainian or Crimean Tatar. The purpose was to identify associations to stimulus words in accordance with the associative experiment developed by the Department of Psycholinguistics of Institute of Linguistics (Russian Academy of Science). The research is methodologically based on the theory of linguistic consciousness by A. A. Leontev.

According to the state language policy, there are three languages of interpersonal communication in the Crimea: Russian, Ukrainian, and Crimean Tatar. Studying Ukrainian and Crimean Tatar languages is not obligatory. The legal equality of three languages is opposed to the actual predominance of one of them. Educational institutions use mostly Russian. Another peculiarity of the Crimean language situation involve children attending native language schools or classes rather to improve national language skills, but not to assimilate within a language society, where Russian is a dominating language. As a rule, students in such schools speak Russian fluently.

The changes in the Crimean language landscape are related to a substantial limitation of the Ukrainian language. It is no longer used in educational institutions or as a language of interpersonal communication. Nowadays it is only used at home. The dominating language of communication in the Crimea is Russian. Only about 10% of the population uses the Crimean Tatar language as well.

Keywords: Russian language, state language, language policy, multicultural region.

УДК 811.161.1:821.161.1

**«ЧАЙКА» В ОДНОИМЁННОЙ ПЬЕСЕ А. П. ЧЕХОВА:
КОНЦЕПТ, МЕТАФОРА, СИМВОЛ**

Чуреева О. А.

**Медицинская академия имени С. И. Георгиевского (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
E-mail: russianteacher1a@gmail.com**

В настоящей статье рассматриваются вопросы, связанные с процессами генерирования смысла при концептообразовании, символизации и метафоризации (на примере анализа путей реализации интерпретационного потенциала концепта «чайка» в одноимённой пьесе А.П. Чехова). Во избежание терминологической путаницы особое внимание уделяется описанию отличительных и сходных характеристик символа и метафоры как тропов, конструируемых на основе проведения аналогии по сходству.

Проблема, поднятая в настоящей работе, затрагивает различные аспекты, касающиеся вопроса интерпретации знака. В статье предлагается механизм поиска пути адекватной расшифровки кода произведения, который начинается с декодирования смысла заглавия. Название пьесы рассматривается как ключевое слово, своего рода контрапункт, в котором сходятся различные линии и планы драматического текста. Подчёркивается важность экстралингвистических факторов, влияющих на актуализацию смыслов в процессе интерпретации знака. Расширению возможностей корректного прочтения текста в значительной степени способствует обращение к опыту интерсемиотического перевода пьесы А.П. Чехова «Чайка». Так, в рамках статьи приводятся примеры сценических языковых средств реализации драматического текста, которые демонстрируют широкий спектр возможных трактовок образа чайки в произведении и подтверждают справедливость презумпции множественности интерпретаций знака.

Ключевые слова: концепт, символ, метафора, знак, интерпретация.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время в науке наблюдается процесс конвергенции различных областей научного знания. Лингвистика, теория коммуникации, интерпретология, семиотика, литературоведение, культурология, философская герменевтика, искусствоведение и другие дисциплины вызывают наибольший интерес ученых в точках пересечения сфер гуманитарного знания. Учёт большого количества факторов, влияющих на процесс генерирования смысла, его рецепции требует от исследователя наличия сквозной междисциплинарной компетенции, что обуславливает возможность рассмотрения изучаемого факта во всей полноте его измерений и значений.

В данной работе предпринята попытка осмыслить семиотическую природу концепта «чайка» в контексте интерпретации одноимённой пьесы А. П. Чехова,

проследить цепочку метонимических связей, просматриваемых в тексте пьесы, а также в театральных текстах, которые, будучи результатом интерсемиотического перевода, являются продуктом реализации интерпретационного потенциала драматического текста.

Цель данного исследования состоит в том, чтобы проследить процесс генерирования смысла при концептообразовании, расширить возможности адекватной интерпретации символов, избегая буквального прочтения знака представителями различных культур и носителями различных языков.

Отметим, что концепт как «зонтиковый термин» характеризуется широкой вариативностью в плане его возможных интерпретаций. Семиотическая природа концепта эксплицируется в образах, мотивах, мифологемах, символах, метафорах и т.д.

Семиотический анализ концепта «чайка» в драматическом тексте, а также в его разнообразных сценических реализациях требует особого внимания к системе метонимических связей и отношений на уровне текста, подтекста и экстратекста.

Материалом для данного исследования послужил текст пьесы А. П. Чехова «Чайка», которая считается одной из самых сложных для понимания. Интерпретация текста представляет собой герменевтический акт, который в своём развитии проходит ряд стадий. Процесс расшифровки кодов текста начинается с заголовка, который является ключевым словом. В пьесе А. П. Чехова «Чайка» слово-название имеет двойственную природу, так как одновременно заключает в себе и главную загадку, и ключ к её разгадке. Таким образом, анализ ключевого слова пьесы и ответ на вопрос о том, какое означаемое скрывается под оболочкой означающего «чайка», приблизит интерпретатора к расшифровке кода произведения.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Рассматривая проблему интерпретации текста, исследователи неизбежно сталкиваются с необходимостью учитывать два плана восприятия: объективный (взгляд на текст в синтагматической и парадигматической плоскостях) и

субъективный (взгляд на текст сквозь призму личного опыта и индивидуальных ассоциаций интерпретатора). Объективный взгляд способствует правильной расстановке акцентов и адекватной интерпретации. Субъективный взгляд, с одной стороны, может привести к напластованию символических образов, не имеющих отношения к инварианту; с другой, стороны, может способствовать актуализации смыслов, редуцированных в текстовой части, вынесенных за её периметр в область внетекстового или скрытого в подтексте. Изменение угла зрения на предмет без искажения содержательной стороны может способствовать появлению эффектов, которые позволят тексту заиграть новыми красками, а читателю абстрагироваться от шаблонной матрицы восприятия.

В рамках настоящего исследования мы попытались рассмотреть проблему интерпретации концепта «чайка» в одноимённой пьесе А.П. Чехова в междисциплинарном аспекте с учётом факторов различной природы.

Анализ текста пьесы позволяет проследить эволюцию концепта «чайка» в тексте Чехова, путь от лексемы до символической доминанты, который условно можно отобразить в виде следующего рисунка:

ЧАЙКА

Концепт → Сравнение → Олицетворение → Аллегория → Метафора → Символ
Морская птица – «Я, как чайка» – «Я чайка» (убитая птица) – чучело – полёт, крик

Рассуждая последовательно, мы должны, прежде всего, дать определение рассматриваемого концепта и ответить на содержательный вопрос: что такое «чайка»? Чайка – это птица. С грамматической точки зрения, «чайка» – одушевлённое существительное женского рода. Значит, более корректным будет вопрос: кто чайка? Однако, очевидно, что существительные с формальными признаками женского рода не всегда обозначают лиц женского пола. Эта предпосылка, с одной стороны, позволяет выдвинуть гипотезу о том, что заглавный герой произведения – птица или женщина. С другой же стороны, приглашает к

размышлению и последовательному распутыванию смыслов. Прежде чем мы проследим весь путь «чайки» в анализируемом тексте, необходимо определить понятийную составляющую данной лексемы. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля находим более точное определение: «лапчатая водяная птица *Larus*, разных видов, рыболов» [2, с. 381]. В соответствующей статье «Толкового словаря русского языка» С. И. Ожегова предлагается следующее определение: чайка – это «живущая по берегам морей, рек, озёр птица с короткими ногами, длинными крыльями и густым оперением» [4, с. 805]. Какая информация более значима для нас в контексте интерпретации концепта «чайка» в одноименной пьесе А. П. Чехова? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо определить ядерные и периферийные семы рассматриваемой лексемы. Прежде всего, важно, что чайка – это птица. Птица наделена парой крыльев и способностью летать, то есть тем, чего лишён человек и к чему он стремится, по крайней мере, ментально или перцептивно. Чайка может оторваться от земли и парить в воздухе над водной стихией. Следовательно, чайка может выступать как символ свободы, ощущения полёта, символ того, к чему стремятся все художники. А это значит, что чайка у А. П. Чехова символизирует не только стремления и мечты Нины Заречной (как зачастую представляется в литературе, посвящённой анализу данного произведения), является не только проекцией её самоидентификации, но и общепонятным символом свободы и творчества.

Во избежание терминологической путаницы обозначим, что далее понятие «символ» мы будем рассматривать в трактовке Ф. де Соссюра как «знак, представляющий, по крайней мере, рудимент естественной связи между означающим и означаемым» [6, с. 101]. Выше мы в качестве примера привели логическую цепочку: птица как символ свободы → чайка как символ свободы. Это своего рода ассоциации по аналогии. В таком случае возникает вопрос о том, чем символ отличается от метафоры, которая тоже является ассоциацией по сходству. На наш взгляд, ядерной семой лексемы «символ» является сема обобщённости, универсальности. Однако, преломляясь сквозь призму индивидуального сознания, проходя через своеобразный

когнитивный фильтр, один и тот же концепт может по-разному символизироваться и метафоризироваться.

Обозначая границу между метафорой и символом, отметим, что при определённых условиях метафора может вырасти в символ, в тоже время она является результатом функционирования символа в контексте определенной композиции. Таким образом, мы предлагаем использовать термин «символ» в тех случаях, когда «перенос» понятен и очевиден всем (общий случай), а термин «метафора» применять, если образ рассматривается в контексте конкретной «языковой» ситуации (частный случай). Символы существуют только внутри интерпретаций, в то время как метафора имманентно присутствует в тексте. То, насколько верно она будет прочитана и истолкована, зависит от компетенции реципиента.

Понять, что значит «чайка» в пьесе А. П. Чехова, – значит понять пьесу. Интерпретировать драматический текст – значит поставить его на сцене. Тексты драматической природы изначально ориентированы не на читку, а на трансляцию в действии, поэтому полный текст проявляется только на сцене.

Особый язык драматического текста требует особого сценического языка. Театральный текст, представляющий собой систему знаков различной природы, будет иметь многослойную структуру. Поэтому, говоря о сценической реализации драматического текста, мы держим в уме существенную характерную особенность текста-представления, которая заключается в его полифоничности, в напластовании символов.

В этой связи важно отметить тот факт, что на сцене всё является символом чего-либо, любой элемент театральной структуры что-либо означает.

Рассматривая понятия метафоры и символа в аспекте сценической интерпретации текста, мы обнаружим, что при интерсемиотическом переводе граница между ними размывается: слово при переходе из одной системы знаков в другую меняет способ существования. На сцене любое слово превращается в действие, и всё становится символом. Так, французский исследователь П. Павис рассматривает метафору наряду с метонимией и аллегорией как результат процесса

сценической символизации. Для нас наибольший интерес представляет понимание значения концепта «чайка», близкое к данной трактовке. По Павису, «чайка» у Чехова является примером сценической аллегории, так как «представляет отсылку не только к Нине, но символизирует невинность, походя обесчещенную» [5, с. 345]. На наш взгляд, вторая часть этого тезиса весьма спорна не только потому, что аллегория и символ являются художественными тропами, схожими субстанционально, но не функционально, а также и потому, что формулировка «невинность, походя обесчещенная» требует аргументированного текстового подкрепления, так как возможны иные трактовки образа Нины. Концепт «чайка» имманентно не включает в себе семы «невинности», в отличие от сем: «полёт», «свобода», «крылья», «море», «небо», «крик».

В некоторых статьях, посвященных проблеме интерлингвистического и интерсемиотического перевода пьесы А. П. Чехова «Чайка», приводятся примеры толкования заглавия в духе народной этимологии. Так, например, профессор Н. К. Гарбовский в работе «Перевод как художественное творчество» приводит рассуждение А. Маркович, в котором понимание концепта «чайка» выводится из значения глагола «чаять», или «смутно надеяться» [1, с. 14]. Похожее объяснение чеховского выбора предлагает и М. Ф. Мурьянов: «Это единственная птица, само название которой происходит от душевного движения «чаять» [3, с. 218]. Соответственно, чайка в этом случае будет восприниматься как символ несбыточных надежд, иллюзий и неизбежного последующего разочарования. Думается, несмотря на сомнительную научность данной трактовки, она имеет право на существование, так как находит подкрепление в текстовом материале. На наш взгляд, в рамках исследуемого вопроса целесообразно обратить внимание на ближайшие парные ассоциации, связанные с отражением восприятия чайки в языковом сознании. С полётом в небе ассоциируется любая птица, с парением над водой – чайки, альбатросы, бакланы, гуси, лебеди, утки и т.д.; но А. П. Чехов выбирает именно чайку. Следовательно, автору необходимо подчеркнуть и выделить какой-то особый план значения. Образ каждой из птиц вызывает ряд определённых прочных ассоциаций. Так, лебедь соотносится с грациозностью, красотой и чистотой; гусь – с

важностью, чванством; утка – с неуклюжестью, невзрачностью, неказистостью; «баклан» имеет негативную коннотацию. Когда мы говорим о чайке, мы видим полёт над морем или другим водоёмом и слышим крик этой птицы. Следовательно, для понимания данного концепта и правильной интерпретации всех планов, связанных с ним, важно иметь в виду этот аспект. Именно поэтому мы предлагаем рассматривать крик чайки в качестве смыслообразующей семы. Звук, который издаёт чайка, довольно резкий, короткий, напоминает крик отчаяния, бессилия или боли. Примечательно, что в сценических интерпретациях пьесы актуализируется эта составляющая. Нина слышит крик этой птицы, воодушевлённое настроение сменяется тревожным, и она сравнивает себя с чайкой. Так, в постановке А. Кончаловского Нина произносит фразу: «А меня тянет сюда к озеру... как чайку». При интерсемиотическом переводе перед сравнением образуется пауза, которая заполняется криком чайки. Водное пространство ассоциируется со свободой. Нина, живущая в доме, охраняемом собакой, и находящаяся под тотальным контролем отца и мачехи, стремится туда, где она чувствует возможность полёта. Это стремление сопряжено с необходимостью преодолевать препятствия и сопротивление. Вдали от озера, от творческого общества, она чувствует тоску. Сема «крик» актуализируется также в постановке режиссёра П. Карташёва. Если в спектакле А. Кончаловского крик чайки является частью внешней среды и играет роль своего рода ментального маяка, то у П. Карташёва крик чайки становится кодом, языком, на котором говорит Константин Треплев. Этот язык никто из героев не понимает, за исключением влюблённой в него Маши. В спектакле Маша переводит манифесты Треплева с «птичьего языка» на понятный всем русский язык. Следовательно, в данном случае крик чайки является частью внутренней среды и позволяет передать напряжённое состояние героя, испытываемую им боль. В сознании человека каждый звук ассоциируется с каким-то состоянием, настроением, ощущением. Очевидно, спектр ассоциаций будет зависеть от этнических особенностей реципиента, от места его проживания (у моря, в городе или в пустыне), от личного опыта переживаний, от культурного фона и т.д.

Однако помимо семы «крик» особое значение имеет сема «крылья». Крылья не всегда обеспечивают возможность полёта. Страусы и куры не летают, хотя и обладают крыльями. Понять, обладают ли Треплев и Нина крыльями чайки, способны ли они парить над водой и как долго может продолжаться их полёт, позволит анализ драматического текста. Поскольку сценические интерпретации представляют собой готовые ответы на вопросы, которые возникают при чтении драматического текста, интересно обратиться к опыту сценических интерпретаций пьесы.

В различных сценических версиях прочтения комедии А. П. Чехова (драматических, музыкальных, балетных) образ «чайки» обыгрывался по-разному, поэтому на вопрос «кто чайка?» можно получить разные ответы. Буквальное прочтение текста неизбежно приведёт нас к выводу о том, что чайка – это Нина, так как она сама неоднократно так себя называет. И многие сценические интерпретации реализуют это видение. Однако возможности интерсемиотического перевода раздвигают границы обыденного сознания и стереотипных представлений. Так, чешский режиссёр Петр Лейбл в своём спектакле даёт понять, что чайка – это Константин Треплев. Каким путём это понимание достигается, можно проследить, в частности, по некоторым маркерам экспликации образа, которые описаны в книге «Спектакли XX века»: 1) объясняя Нине, как играть его пьесу, Треплев «подпрыгнув и замавав руками, изображал чайку» [6, с. 464]; 2) «Треплев, оставшись один, долго, яростно, без слов рвал свои бумаги – зубами и непослушными согнувшимися вновь руками» [6, с. 466] , 3) после выстрела – «резкий крик чайки – и всё» [6, с. 466]. Следовательно, в театральном тексте Лейбла отчётливо прослеживается параллелизм и метонимическая связь между персонажем и образом чайки. Можно ли из этого сделать вывод о том, что именно Треплев мыслится А. П. Чеховым в качестве главного героя пьесы? Отчасти, да. Однако, если бы возможно было вывести однозначный и единственно верный ответ на этот вопрос, не существовало бы такого количество совершенно разнообразных трактовок. В качестве ещё одного примера приведём иллюстрацию решения, найденного режиссёром П. Карташёвым и актёрами его спектакля, о котором мы уже упоминали выше. В одном из фрагментов

постановки Треплев обращается к аудитории с пламенной речью на птичьем языке (в буквальном смысле: вместо слов он издаёт пронзительные крики, как чайка). Понятно, что он говорит том, что его волнует, что не может оставить его равнодушным: о новых формах, о самолюбии художника, о мечтах и реальности, о круге непонимания, в центре которого он находится. Естественно, что никто не понимает, о чём говорит Треплев, о чём его произведения. Понимает лишь тот, кто любит – Маша. Она в спектакле выступает в том числе и в роли синхронного переводчика Треплева. Только она слышит пронзительные и отчаянные крики его души. Таким образом, в канву интерсемиотического перевода драматического текста вплетается интерлингвистический, при этом «язык чайки» коррелирует с пониманием устойчивого сочетания «птичий язык», введённого в обиход российским профессором Д. М. Перовициным для обозначения речи философствующих молодых людей 1820-1840 гг., речи малопонятной, лишённой стройности, ясности и порядка. Примечательно, что в спектакле Павла Карташёва образ чайки накладывается как на фигуру Треплева, так и на образ Заречной (не случайно оба актёра, играющие этих героев, одеты в белое). В пьесе А. П. Чехова чайка летала над водой – и убита (Треплев, Заречная). Но в то же время есть и другой пласт: летала над водой – убита – превратилась в чучело для украшения интерьера Тригорина (Заречная). Согласно мифологическим представлениям, Лары (сравним: *Larus* – чайка) являлись духами и душами поколений, живущих в деревьях, растениях и т.д. Вспомним монолог А. П. Чехова о мировой душе, написанный Треплевым и так остро прочувствованный Ниной в финале пьесы. Значит, в пьесе две чайки? А может быть, больше? Сорин – «человек, который хотел» (олицетворение несбывшихся надежд и желаний). Тригорин – «чайка-рыболов» (чайка отличается от других водоплавающих птиц тем, что может ловить рыбу клювом налету, не ныряя в воду; добывает пищу без усилий, легко хватая и также легко бросая). В культуре северных народов чайка – один из центральных символов, символ тоскующей женщины, потерявшей любимого (следовательно, Маша теоретически тоже может мыслиться как чайка), а также символ материнского плача (Аркадина после гибели Треплева) и т.д. Всё это есть в тексте. Чайка в прошлом, чайка в настоящем, чайка в будущем. Таким образом,

данный концепт может рассматриваться также в философском, экзистенциальном ключе.

ВЫВОДЫ

Подводя итог, отметим, что разгадав символическую природу знака, заключённого в заглавии пьесы, читатель получает доступ к полному тексту произведения (не плоскому и линейному, а объёмному и многомерному). От интерпретатора зависит, какой пласт поднять на поверхность здесь и сейчас, на чём сделать акцент, какой образ выдвинуть на первый план для более глубокого осмысления, потому что у А. П. Чехова каждый герой – главный.

Список литературы

1. Гарбовский, Н. К. Перевод как художественное творчество [Текст] / Н. К. Гарбовский // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. – 2010. – № 3. – С. 4–16.
2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст] / В. И. Даль. В 4 тт. – Т. 4. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 576 с.
3. Мурьянов, М. Ф. О символике чеховской чайки [Текст] / М. Ф. Мурьянов // Чеховиана : Полёт «Чайки». – М. : Наука, 2001. – С. 206–221.
4. Ожегов, С. И. Словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов / Под ред. Н. Ю. Шведовой. – 12-е изд. – М. : Рус. яз., 1978. – 846 с.
5. Павис, П. Словарь театра [Текст] / П. Павис. М. : Изд-во «ГИТИС», 2003. – 516 с.
6. Соссюр, де Ф. Курс общей лингвистики / Ф. де. Соссюр // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. – М. : Прогресс, 1977. – 696 с.
7. Спектакли XX века [Текст]. – М. : Изд-во «ГИТИС», 2004. – 488 с.

References

1. Garbovskii N. K. *Perevod kak Khudozhestvennoe Tvorchestvo* [Translation as Artistic Creativity]. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teoriya Perevoda, 2010, no. 3, pp. 4–16.
2. Dal' V. I. *Tolkovyi Slovar Zhivogo Velikorusskogo Yazyka* [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. In 4 vol. Vol. 4. Moscow: OLMA-PRESS Publ., 2001. 576 p.
3. Mur'yanov, M. F. *O Simvolike Chekhovskoi Chaiki. Chekhoviana: Polet Chaiki* [About the Symbolism of the Chekhov's Seagull. Chekhoviana. The Seagull's Flight]. Moscow: Nauka Publ., 2001, pp. 206–221.
4. Ozhegov S. I. *Slovar' Russkogo Yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Russkii Yazyk. Publ., 1978. 846 p.
5. Pavis P. *Slovar' Teatra* [Dictionary of the Theatre]. Moscow: Izdatelstvo GITIS, 2003. 516 p.
6. Saussure F. *Kurs Obshchei Lingvistiki* [Course of General Linguistics]. Sossyur F. de. Trudy po Yazykoznaniiyu. Moscow: Progress Publ., 1977. 696 p.
7. *Spektakli XX veka* [20th century Plays]. Moscow: Izdatelstvo GITIS, 2004. 488 p.

‘THE SEAGULL’ IN THE EPONYMOUS CHEKHOV’S PLAY: CONCEPT, METAPHOR, SYMBOL

Chureyeva O. A.

This study suggests the issues concerning to the processes of meaning generating upon concept formation, of symbolization and metaphORIZATION (on the material of the analysis of ways of realization of the interpretative potential of the concept of "the Seagull" in the eponymous play written by A.P. Chekhov). In order to avoid any confusion with the terminology the special attention is paid to description of some different and similar characteristics of symbol and metaphor as a tropes, constructed on the base of analogy by similarity.

The issue raised in this study touch upon many different aspects related with the question of sign interpretation. The article brings forward the mechanism for a searching way of adequate play decoding which starts from decoding the sense and significance of title. Appeal to the experience of intersemiotic translation contributes to the empowerment of an adequate interpretation of the invariant text. This research aims to identify the nature of metonymical relations and broadens the scope of opportunities of decoding sign (excepting of literal reading).

Keywords: concept, symbol, metaphor, sign, interpretation.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Антипина Елена Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры философии, искусствознания и журналистики Байкальского государственного университета, г. Иркутск, Россия

Бахича Эльнара Арифовна – старший преподаватель кафедры русской филологии филологического факультета ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова», г. Симферополь, Россия

Глухенькая Леся Николаевна – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Гусейнова Руслана Низамиевна – старший преподаватель кафедры методики преподавания филологических дисциплин факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Дмитриев Олег Аркадьевич – советник МИА «Россия сегодня», профессор департамента медиа НИУ «Высшая Школа Экономики», г. Москва, Россия

Жаворонкова Алёна Евгеньевна – ассистент кафедры гуманитарных наук Института педагогического образования и менеджмента (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского» в г. Армянске, г. Армянск, Россия

Жамсаранова Раиса Гандыбаловна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры китайского языка историко-филологического факультета Забайкальского государственного университета, г. Чита, Россия

Ким Наталья Владимировна – аспирант кафедры китайского языка историко-филологического факультета Забайкальского государственного университета, г. Чита, Россия

Луговая Ника Вячеславовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Массовые коммуникации и прикладная лингвистика» ФГБОУ ВО «Ростовский государственный университет путей сообщения», г. Ростов-на-Дону, Россия

Мазикова Наталья Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Массовые коммуникации и прикладная лингвистика» ФГБОУ ВО «Ростовский государственный университет путей сообщения», г. Ростов-на-Дону, Россия

Титаренко Елена Яковлевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой методики преподавания филологических дисциплин факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Чепурина Инна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Чуреева Ольга Александровна – старший преподаватель кафедры русского языка Медицинской академии имени С. И. Георгиевского (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Шемелева Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар, Россия

СОДЕРЖАНИЕ

1. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Глухенькая Л. Н.

ТАК НАЧИНАЕТСЯ ВСЕ НОВОЕ: ПОЭЗИЯ К. Э. ДАФФИ3

Жаворонкова А. Е.

ЛЕГЕНДА ОБ АЗИСЕ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ В. А. ШУФА.....26

Луговая Н. В.

СМЫСЛООБРАЗУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ МЕТАФОРЫ «ЧЕЛОВЕК – ЗВЕРЬ»
В РОМАНЕ Б. ПОПЛАВСКОГО «ДОМОЙ С НЕБЕС».....48

**2. ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ОПИСАНИЕ
ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА**

Антипина Е. С.

ОБРАЗ РЕВОЛЮЦИИ В ДНЕВНИКЕ И.А. БУНИНА «ОКАЯННЫЕ ДНИ»:
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....61

Жамсаранова Р. Г., Ким Н. В.

ПОВЕСТЬ АНАТОЛИЯ СВЕТЛАНСКОГО «БЕГСТВО ИЗ РАЯ»: ТЕМА-
РЕМАТИЧЕСКАЯ СВЯЗНОСТЬ ТЕКСТА.....79

Мазикова Н. Ю.

ДИАЛОГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ВСТАВОЧНЫХ КОНСТРУКЦИЙ
(НА ПРИМЕРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО, РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА
И СПОНТАННОЙ РЕЧИ).....95

Чепурина И. В.

РЕДЕРИВАЦИЯ КАК СПОСОБ ОККАЗИОНАЛЬНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ УСТНОЙ СПОНТАННОЙ РЕЧИ
ЖИТЕЛЕЙ КРЫМА).....116

Шемелева Т. В.

СИСТЕМНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ОДНОПЕРЕХОДНЫХ ГЛАГОЛОВ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ135

**3. СОЦИОЛИНГВИСТИКА И ПСИХОЛИНГВИСТИКА
КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ;
СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ**

Бахича Э. А.

ОТРАЖЕНИЕ РУССКОГО ХАРАКТЕРА
В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ КОНЦЕПТЕ ОДИНОЧЕСТВО
(НА ПРИМЕРЕ ЭМИГРАНТСКОЙ ПРОЗЫ А. АВЕРЧЕНКО).....150

Гусейнова Р. Н.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ
ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕСТВЕ.....165

Дмитриев О. А.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КАРТИНЫ МИРА В МЕЙНСТРИМОВСКИХ И
АЛЬТЕРНАТИВНЫХ МЕДИА.....177

Титаренко Е. Я.

РОДНОЙ ЯЗЫК, ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ.....193

Чуреева О. А.

«ЧАЙКА» В ОДНОИМЁННОЙ ПЬЕСЕ А. П. ЧЕХОВА:
КОНЦЕПТ, МЕТАФОРА, СИМВОЛ206

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....217